

2019/I

SIBERIA_LINGUA

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: электронный научный журнал

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Статьи индексируются в РИНЦ

www-адрес: <http://ifiyak.sfu-kras.ru/siberia-lingua>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск, пр. Свободный, 82А, оф.328
Редакция научного журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Анисимова Евгения Евгеньевна, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, ст. преп. кафедры РЯЛиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова) *Сковородников Александр Петрович*, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

@ Сибирский федеральный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИНГВИСТИКА	5
Асадова С.Х. ГЕНДЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЕ ЭГОРЕФЕРЕНТНОЕ ОПИСАНИЕ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ У. КОЛЛИНЗА «THE WOMEN IN WHITE»	5
Безносюк А.Р. ОПТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ О ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ	14
Боос Л.В. ТЕКСТ БАНКОВСКОЙ РЕКЛАМЫ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ Г. КРАСНОЯРСКА)	28
Буланова А.Ю. ПРОЦЕССЫ ФЕМИНИЗАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЙ	37
Влодарчик Е.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ НОМИНАТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)	42
Волчок К.В. ВЫСКАЗЫВАНИЯ УКРАИНСКИХ БЛОГЕРОВ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ЯЗЫК ВРАЖДЫ	49
Егорова С.А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ ГЕРМАНИИ	61
Забродина А.Н. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ИСПАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	68
Зайцев К.И. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ПОСРЕДСТВОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ЛОКАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ВИДЕОГРЫ UNCHARTED: A THIEF'S END НА РУССКИЙ ЯЗЫК)	75
Кожина О.В. ОПЫТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ГАЗЕТНОГО ИЗДАНИЯ «ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ»	83
Корчуганова П.Н. ФОБИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПОДРОСТКОВ)	92
Куликова Л.В., Шатохина С.А. ГЕОЛОКАЛИЗАЦИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	101
Курамшина А.Р. ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	118
Лемберг Е.А. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛора СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ	125
Сазыкина Д.А. РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ	129
Сачек Е.Д. «ЖЕНСКОЕ ЧЕТВЕРОКНИЖИЕ»: СТРУКТУРА ТЕКСТА, ХАРАКТЕРНЫЕ ОБОРОТЫ И УЗУС	137
Срмикян С.С. ВЕРБАЛЬНО-АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА-ИДЕОЛОГЕМЫ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ	145
Тарасенко А.В. АКЦИЯ «СЛОВО ГОДА»: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С КОНТЕКСТОМ	153
Фролов А.А. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЯКУДЗА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ВИДЕОИГР YAKUZA)	161
Ципотан Д.С. ОБРАЗ ПЛОХОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В МЛАДШИХ И СТАРШИХ КЛАССАХ МБОУ СОШ №3 ПГТ. ШУШЕНСКОЕ)	170
Черкасова Е.В. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА	175

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	184
Дмитриева Ю.Н. ПОЭТИКА ИМЕНИ В ОЧЕРКЕ И.А. ГОНЧАРОВА «УХА»	184
Злобина Ю.Ю. ПРОБЛЕМА СМЕХА В НОВОЙ ДРАМЕ: СМЕХОВОЙ АСПЕКТ В МОНОЛОГЕ КАПИТАНА В ПЬЕСЕ «ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ» БР. ПРЕСНЯКОВЫХ	191
Ищенко М.С. ЕДА И ЛИТЕРАТУРА В РОМАНЕ В.Г. СОРОКИНА «МАНАРАГА»	197
Киселёва А.М. ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА	203
Куликова Е.В. СИНТЕЗ FICTION И NON-FICTION В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ДИЛОГИИ А. МОТОРОВА	209
Лапаух О.В. ИСТОРИКО-ПОЭТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. НЕКРАСОВА	218
Савяк С.О. ЛЁВИНСКОЕ СЧАСТЬЕ КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В НАРРАТИВНОЙ ПОЭТИКЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»	233
Семченко Л.В. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ДРАМЕ ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ «ПРОТЕЙ»	241
Титенок И.В. ЯВЛЕНИЕ ПОЭТА «ИЗ НАРОДА» ЭЛИТАРНОЙ ПУБЛИКЕ КАК ЖИЗНЕТВОРЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ	248
Тюнина К.В. ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ЕФРЕМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» И «ЧАС БЫКА»)	255
Федотова А.А. НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»	262
Филиппова Е.В. ОБРАЗ ЭДИПА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	270
Шохина А.Ю. «НЯНЬКА БУДЕТ МОЯ!»: МОТИВ СЛУЖЕНИЯ В МИРУ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	280
Щербакова Л.А. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В РОМАНЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»	286
III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	292
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ОБ ОПАСНЫХ СЛУЧАЯХ НА ОХОТЕ. Подготовка к публикации и вступительная статья Вязовикиной О.В., Смирнова Е.С.	292
IV. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	312

**ГЕНДЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЕ ЭГОРЕФЕРЕНТНОЕ
ОПИСАНИЕ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ У. КОЛЛИНЗА
«THE WOMAN IN WHITE»**

Аннотация: Статья посвящена выявлению лексических средств, выражающих эмоциональные состояния у персонажей-мужчин и персонажей-женщин в романе У. Коллинза «The Woman in White». Рассматриваются высказывания в 1-м лице, то есть высказывания говорящего о самом себе (так называемые эгореферентные высказывания).

Ключевые слова: эмоция, эгореферентность, эмотивность, гендер, лексические средства.

Abstract: The article is devoted to the analysis of lexical means expressing emotional states of the male and female characters in W. Collins' novel «The Woman in White». The study deals with the characters' expressions about themselves, the so-called ego-referential expressions.

Keywords: emotion, ego-reference, emotiveness, gender, lexical means.

В настоящее время возрастает интерес учёных к проблеме изучения эмоций. Эмоции в лингвистике стали предметом многочисленных исследований на материале разных языков, выделены сотни аспектов, подняты десятки проблем, намечены многочисленные перспективы лингвистики эмоций в разных теоретических парадигмах: социолингвистики, лингводидактики, прагматической лингвистики, лексикографии, лингвокультурологии, коммуникативистики и когнитивной лингвистики. Эмоции охватили все коммуникативное пространство, при этом став важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей друг с другом. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук Ю.И. Детинко.

или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к вербальной репрезентации эмоциональных состояний, описание которых рассматривается в русле современного научного направления – гендерной эмоциологии.

Достаточно сложно дать точное определение эмоции, поскольку эмоциология является междисциплинарной областью гуманитарных исследований. В.И. Болотов определяет эмоции с психологической точки зрения и пишет, что «эмоции – это психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [Болотов, 1986: 11]. С лингвистической точки зрения попытался определить эмоции В.И. Шаховский. Он считает, что эмоция – это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности [Шаховский, 2008: 22].

Выбранное нами произведение отличается своей психологической точностью, сочетанием логического, типично «детективного», мышления. Особую значимость для нашего исследования представляет тот факт, что повествование попеременно ведётся от первого лица разными персонажами.

В настоящее время возрастает интерес исследователей к проблеме эмоций на гендерном уровне. Гендер – «социальный» пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается. Гендер понимается как конвенциональный конструкт, относительно автономный от биологического пола, хотя, естественно, соотнесенный с ним [Талашова, 2016: 44].

Как было упомянуто, для нас представляет интерес изучение эмоций в эгореферентных высказываниях у персонажей-мужчин и персонажей-женщин. Только язык способен создать реальность, которая может быть со-

отнесена с понятием «Ego» – «моё я». В этой связи Е. Г. Хомякова пишет, что эгореференция – это «способность индивидуума соотносить себя и свою деятельность в целом и речемыслительную деятельность в частности с окружающим миром в пространственно-временной проекции» [Хомякова, 2002: 144].

В нашем исследовании мы рассмотрели эгореферентные эмоции на лексическом уровне. Уточним, что на языковом уровне эмоции превращаются в эмотивность; эмоция есть психологическая категория, а эмотивность является языковой категорией, поскольку эмоции могут и вызываться, и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком.

В произведении нами было выявлено всего 345 случаев проявления эмоций, из которых 187 ситуаций описывают эмоциональные состояния у персонажей-мужчин, а 158 ситуаций – у персонажей-женщин. Наиболее частотными в романе являются лексемы, выражающие эмоции тревоги, грусти, гнева, страха, удивления и радости, что у персонажей-мужчин составило 77 % (161 ситуация) от всех эгореферентных высказываний. У персонажей – женщин – 79 % (125 ситуаций). Ниже представлены диаграммы, которые демонстрируют данную закономерность (рис. 1 и рис. 2).

Рисунок 1. Лексические средства, вербализующие эмоции у персонажей-женщин.

Рисунок 2. Лексические средства, вербализующие эмоции у персонажей-мужчин.

Одной из самых частотных эмоций у персонажей обоего пола оказалась эмоция тревоги. Под данной эмоцией понимается «беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-то неизвестного)» [Ожегов и др., 2006: 701]. У персонажей-мужчин вербализация данного эмоционального состояния составила 18 % (29 ситуаций) из всех эгореферентных высказываний, а у персонажей-женщин – 21 % (33 ситуации) из всех эгореферентных высказываний.

Проанализировав эгореферентные эмотивные высказывания обоих персонажей, мы пришли к выводу, что для выражения тревоги как персонажам-мужчинам, так и персонажам-женщинам свойственно использование лексем–номинантов. Под лексемами-номинантами понимаются слова, которые непосредственно называют сами эмоции [Шаховский, 1987:145].

У мужчин такое замечалось в 25 случаях. Например:

I was certainly followed. My feeling of disquiet deepened (Collins, 2008: 258).

В данном примере тревога главного героя, Уолтера Хартрайта, вызвана тем, что герой понял, что за ним следят люди графа Фоско. Эмоция тревоги достигается номинантом *disquiet*, под которой понимается чувство встревоженности. Словарь даёт следующее определение этой лексеме: «a feeling of

condition of anxiety or uneasiness» [Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus]. Динамику эмоции развивает глагол *deepen* со значением «to become more strongly felt» [Cambridge International Dictionary of English].

У женщин в романе тревога проявлялась посредством лексем-номинантов в 22 случаях из всего корпуса примеров:

The housekeeper's report of Mrs. Catherick's desire to conceal her visit to Blackwater Park from Sir Percival's knowledge recurred to my memory the moment he put that last question, and I half doubted the discretion of answering it. But, in my concern to quiet my alarm, I had thoughtlessly advanced too far to draw back (Collins, 2008: 333).

Ситуация, вызвавшая эмоцию тревоги у одной из главных героинь романа, Мэриан Голкомб, заключается в том, что Анна Катерик пытается скрыть свое посещение Блэкуотер Парка от сэра Персиваля. Так, эмоция тревоги, под которой мы понимаем состояние обеспокоенности, в данном случае репрезентируется лексемой-номинантом *concern*. В словаре мы находим следующее определение данной лексики «a worried or nervous feeling about something» [Cambridge International Dictionary of English]. Отметим, что также эмоция тревоги усилена лексической единицей *alarm*, под которой понимается внезапное резкое опасение. Словарь даёт следующую дефиницию: «sudden sharp apprehension resulting from the perception of imminent danger» [Cambridge International Dictionary of English].

В ходе исследования нами были также замечены и различия в вербализации эмоции тревоги персонажами-мужчинами и персонажами-женщинами.

Так, мужчины, описывая тревогу, склонны употреблять большое количество языковых интенсификаторов, которые понижают эмоциональный фон высказывания (17 случаев от всего корпуса примеров). Под интенсификатором понимается «лексема, повышающая или понижающая эмоциональный фон высказывания» [Талашова, 2016: 103]. Например:

I was vaguely troubled by the suddenness with which this extraordinary apparition stood before me, one the dead of night and in that lonely place, to ask what she wanted. The strange woman spoke first (Collins, 2008: 123).

Из внутреннего монолога главного героя романа, Уолтера Хартрайта, ясно, что данный персонаж обеспокоен внезапным и странным появлением женщины в белом. Пример фиксирует эмоцию тревоги, которая репрезентируется эмотивным номинантом *trouble*. Под этой лексической единицей понимается нарушение душевного спокойствия и удовлетворенности. В словаре мы встречаем следующее определение данному слову: «worried or nervous» [Collins COBUILD on CD-ROM]. В данном примере интенсивность эмоции снижена наречием *vaguely*, имеющим значение «едва, слегка»: «indistinctly felt, perceived, understood, or recalled; hazy» [Cambridge International Dictionary of English].

Еще одной отличительной особенностью вербализации тревоги у персонажей-мужчин было то, что герои часто используют лексемы, выражающие субъективное мнение (9 высказываний), что также ослабляет эмоциональный фон высказывания:

I guess, I worry about her future (Collins, 2008: 99).

Эмоция тревоги фиксируется номинантом *worry* со значением: «to feel uneasy or concerned about something; be troubled» [Cambridge International Dictionary of English]. Указание на эту эмоцию снижено выражением субъективного мнения посредством лексики *guess*, которому мы находим следующее определение: «used when you believe something is true or likely but are not certain» [Cambridge International Dictionary of English].

В отличие от персонажей-мужчин, персонажи-женщины, вербализуя своё эмоциональное состояние тревоги, чаще всего прибегают к синкретизации, т.е. к выражению смешанных эмоций [Талашова, 2016: 83]. Количество таких примеров составило 12 от всех эгореферентных высказываний, в которых прямо описывается тревога. Приведем примеры синкретизации эмоции тревоги у персонажа-женщины:

This morning Mr. Gilmore left us. His interview with Laura had evidently grieved and surprised him more than he liked to confess. I felt afraid from his look and manner when we parted, that she might have inadvertently betrayed to him the real secret of her depression and my anxiety (Collins, 2008: 185).

В данном фрагменте одна из главных героинь романа, Мэриан Голкомб, описывает в дневнике своё эмоциональное состояние во время диалога её сестры, леди Глайд, с семейным адвокатом. Героиня испытывает тревогу, поскольку боится, что их секрет может быть разоблачён мистером Гилмором.

В языковом выражении показано смешение двух эмоций – тревоги и страха. Так, эмоция тревоги, под которой понимается чувство обеспокоенности, тревожности, проявилась за счет эмотивного существительного *anxiety*. В словаре мы находим следующее определение этому слову: «the feeling of being very worried» [Cambridge International Dictionary of English]. Эмоция страха актуализируется лексемой *afraid*, имеющей следующую дефиницию: «filled with fear or apprehension» [Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus].

Также, женщины, репрезентируя эмоцию тревоги, склонны описывать своё психофизическое состояние, т.е. использовать так называемые соматизмы. Соматизмы – лексические средства, в которых содержатся названия частей тела и реакций организма на переживания эмоций [Городецкая, 2007:10]. Соматическая лексика была выявлена в 14 языковых ситуациях. Например:

My heart throbbed as if it would stifle me. I looked again – I could not believe the evidence of my own eye. The woman in white was in the garden (Collins, 2008: 191).

Леди Глайд, увидев женщину в белом в саду, косвенно сообщает о том, что испытывает сильную тревогу. В данном примере тревога фиксируется при помощи нескольких соматических лексем, которые описывают данное эмоциональное состояние. Так, обратившись в словарь за дефинициями лексем в словосочетании «heart throbbed», мы понимаем, что здесь прямо описывается физическое состояние женщины, когда она испытывает тревогу.

Heart: «the organ in your chest that sends the blood around your body» [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners]. *Throb*: «to pulsate or pound with abnormal force or rapidity» [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners]. Тревога героини настолько сильна, что она будто «душит» её. Такое состояние передано соматизмом *stifle*, который повышает интенсивность эмоционального фона высказывания за счет своего значения: «If you stifle, you stop breathing because something is blocking your throat» [Cambridge International Dictionary of English].

Таким образом, результат исследования показывает, что наиболее частотные эмоции в романе оказались эмоция тревоги, грусти, страха, гнева, удивления и радости. Самая частотная эмоция у обоих персонажей оказалась тревога. У персонажей-мужчин были отмечены 29 ситуаций, а у персонажей-женщин – 33 ситуации. Несмотря на то, что оба персонажа употребляют лексемы-номинанты для описания тревоги, были отмечено, что персонажи-женщины склонны употреблять соматизмы (14 ситуаций) и прибегать к синкретизации эмоций (12 ситуаций), в то время как персонажам-мужчинам свойственно употребление языковых интенсификаторов (17 случаев), которые понижают эмоциональный фон высказывания и лексем, выражающих субъективное мнение (9 случаев), которые, в свою очередь, также ослабляют эмоциональный фон высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Ташкент, 1985. 36 с.
2. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск., 2007. 12 с.
3. Талашова Н.Г. Гендерная реализация описания отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2016. 173 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
5. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале англ. яз.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб., 2002. 220 с.
6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
8. Cambridge International Dictionary of English [Электронный ресурс] // URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 01.04.2019).
9. Collins W. The Woman in White. Oxford: Oxford University Press, 2008. 691 p.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Электронный ресурс] // URL: www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 01.04.2019).
11. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.04.2019).

ОПТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ О ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию ценностно-мотивационного компонента языкового сознания коллективной языковой личности младшего школьника путем анализа оптативных предложений в сочинениях о выборе профессии. В результате анализа лексики и грамматики оптативных предложений выявлены следующие типы желаний: собственно желание, желание-мечтание, желание-надежда и желание-ожидание, желание-попытка, желание-стремление, желание-готовность, пожелания; желание-сожаление, желание-допущение, желание-просьба, желание-опасение, желание-предпочтение, желание-рассуждение, нетерпеливое и позитивное желаний, желание-побуждение. Желание в сочинениях выражается преимущественно посредством характерной оптативной лексики.

Ключевые слова: коллективная языковая личность, оптатив, дезидератив, оптативные предложения.

Abstract: The article is devoted to the study of values and motivational component in linguistic consciousness of collective linguistic personality of elementary school pupils. The research is conducted through analyzing of optative sentences in pupils' essays on career choice. The analysis of vocabulary and grammar in optative sentences revealed the following types of desires: true desire, desires as dream, hope, expectation, attempt, pursuit, willingness and wishes; also desires as regret, assumption, request, concern, preference, reasoning, incitement, and impatient and positive desire. In the essays desire is mainly expressed through specific optative lexis.

Keywords: collective linguistic persona, optative, desiderative, optative sentences.

Во второй половине XX века «языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к *языковой личности*» [Караулов, 1987: 24]. Человек стал центральным объектом лингвистических исследований; в настоящее время активно развивающимся направлением современного языкознания, занимающим особое место в ряду научных дисциплин, является *лингвоперсонология*.

В основе лингвоперсонологических исследований лежит понимание ЯЛ, предложенное Ю.Н. Карауловым. Он определяет языковую личность как «...любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук Г.А. Копнина.

анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык: энциклопедия, 1997: 671]. Распространенным является представление о языковой личности как о совокупном носителе языка, т.е. ЯЛ предстает как некий тип, абстрактный представитель языкового сообщества [Иванцова, 2010: 42]. Нас интересует именно такой тип языковой личности: *коллективная языковая личность*.

Лингвистами уже описаны различные типы коллективных ЯЛ: политик, переводчик, педагог, бизнесмен, ученый, студент, старшеклассник, экономист, артист, медицинский работник, спортсмен и др. Работы, посвященные исследованию языковой личности школьника, выполнены преимущественно в лингводидактическом аспекте [Богин, 1998; Голев, 2004; Мамаева, 2007; и др.]. Лингвистические исследования языковой личности младшего школьника в лингвоперсонологическом аспекте нам не известны. Таким образом, актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что оно расширяет эмпирическую базу лингвоперсонологии; дает представление о языковой личности младшего школьника, которая еще не изучалась в лингвоперсонологическом аспекте.

В фокусе нашего внимания находится мотивационно-прагматический уровень языковой личности, отражающий интенции и цели носителя, его жизненную позицию и динамику его картины мира. Описание именно третьего уровня мы находим особенно актуальным по ряду причин: мотивационный уровень играет главенствующую роль в иерархии уровней ЯЛ благодаря своему сложному устройству [Караулов, 1987: 211]; его изучение представляется особенно сложным, т.к. он часто не имеет объективного языкового выражения [Там же: 39–68], и является наиболее трудным для исследования, поскольку мотивы, цели, интересы и интенциональности человека часто строятся на аффектах и эмоциях, а языковое выражение последних недостаточно исследовано [Там же: 211].

К языковому выражению мотивационного уровня Ю.Н. Караулов в первую очередь относит прецедентные тексты, текстовые преобразования и способы аргументации. Именно они выступают индикаторами ценностных и мотивационных установок личности. Однако желания человека также оказывают определенное влияние на его интенции, мотивы, цели и установки. Желания являются важнейшим мотиватором выбора [Шатуновский, 1989: 178], что коррелирует с эмпирическим материалом нашего исследования (сочинения о *выборе* профессии). В лингвистике для обозначения модальной категории желания (категории оптативности) используют термин *оптатив*. Мы будем понимать *оптатив* в широком смысле как «значение желательности и все языковые средства его выражения» [Сергиевская, 1995: 62].

Оптативность имеет в своей семантике компонент желательности [Бернова, 2012: 253]. Она рассматривается как некое категориальное единство, планом содержания которого является отношение модального субъекта к тому или иному потенциальному действию/состоянию как к желательному (желательная ситуация) [Алтабаева 2003а: 18–26]. Оптативная ситуация программируется особой формой мысли языковой личности. Языковая личность в оптативной ситуации обладает большим интерпретационным потенциалом и получает возможность максимально проявлять себя [Алтабаева, 2016: 7]. Оптативность выражается с помощью разноуровневых языковых средств, маркирующих оптативную семантику. Дифференциальными признаками оптативности являются: модальность желательности, авторизованность, бенефактивность, потенциальность, позитивность, оценочность [Алтабаева 2003а: 18–26].

Средства репрезентации семантики желательности организуются по ядерно-периферийному принципу (ядерные – грамматические средства выражения желательности, периферийные – лексико-семантические средства выражения желательности) и передаются оптативными предложениями [Орлова, 2008: 3]. Под *оптативными предложениями* (далее – ОП) мы будем

понимать такой «тип предложений, в котором категориальная семантика желательности находит то или иное выражение» [Орлова, 2008: 8].

Для оптативных предложений мы будем разграничивать желание говорящего (*оптатив*) и желание субъекта (*дезидератив*). Однако принятое нами широкое значение оптатива предполагает адресованность волеизъявления и допускает любые персональные значения (собственно желание, желание-каузация (побуждение, пожелание), желание-констатацию) [Алтабаева 2003а: 18–21].

В русском языке для выражения оптативного значения существуют набор лексических (лексико-семантическая желательность) и грамматических (грамматическая желательность) средств [Щербакова, 2016: 5]. Грамматическая репрезентация оптативности осуществляется прежде всего с помощью: 1) независимых предложений с формой сослагательного наклонения; 2) инфинитивных предложений с частицей *бы*; 3) частицами *хоть бы*, *вот бы*, *если бы*, *только бы*, *лишь бы*, *пусть бы* и др. [Бондарко, 1990: 174]; 4) оптативного императива [Щербакова, 2016: 5].

Кроме того, Е.В. Алтабаева отмечает факт, что частица *бы* входит в группу «союзов с модальной окраской гипотетичности», представляющих собой сращение *бы* с относительными, условными или уступительными союзами (*чтобы*, *когда бы*, *как бы*, *как будто бы*, *если бы*, *хотя бы* и т.п.) [Алтабаева, 2003б: 214]. Так, видно, что основным средством для категории оптативности в русском языке является частица *бы*, синтагматические особенности которой дают возможность выделить основные типы ОП.

К структурным типам оптативных предложений относятся: 1) инфинитивно-оптативные – ОП с формой желательного наклонения (*Поехать бы мне на море*); 2) глагольно-оптативные – ОП с формой сослагательного наклонения (*Поехал бы я на море*); 3) безглагольно-оптативные – ОП с частицей *бы* вне категории наклонения (*На море бы!*): неполные инфинитивные (*Домой бы*), глагольные (*Молоко бы*) и бытийные (*Скорей бы утро*) кон-

струкции, где оптативность выражена исключительно посредством частицы *бы* [Алтабаева, 2003б: 224].

Стоит также отметить и наличие безличных ОП. Безличные ОП определяются модальными и эмоционально-оценочными предикативами типа *можно, надо, нужно, пора, время, охота, неохота, лень, угодно, желательно; интересно, занятно, хорошо, неплохо* и пр. в сочетании с инфинитивом и частицей *бы* [Алтабаева, 2003а: 24–25].

Кроме того, имеют место быть модальные и семантические модификации предложений при реализации моделей, лежащих в основе трех структурных типов ОП [Там же: 22]. *Модальные модификации ОП* – предложения с модальными модификаторами: глаголами (*мочь, хотеть*), краткими прилагательными (*рад, должен, намерен*), предикативами на -о (*можно, надо, должно*). *Семантические модификации ОП* – предложения с оптативными частицами, контаминирующими с *бы*: *Вот бы (если бы, только бы, лишь бы, как бы, хорошо бы, лучше бы, скорее бы, хоть бы и др.) поехать на море*. Оптативные частицы служат средством семантической интерпретации семантики желательности, отражая ее многочисленные оттенки, возникающие в конкретном высказывании. Так, автор различает желания-мечтания, желания-сожаления, желания-допущения, желания-предпочтения, желания-рассуждения, желания-просьбы, желания-опасения, интенсивные/ позитивные/ ограниченные желания, желания-условия, нетерпеливые желания и желания-побуждения (пожелания-приказания и пожелания-проклятия), а также пожелание-заклинание [Алтабаева, 2003б: 224–298].

Лексически модальность желательности выражается следующими языковыми средствами: 1) модальный глагол *хотеть/хотеться*; 2) глаголы *желать, жаждать, стремиться, намереваться, стараться, пытаться, планировать* и т.д.; 3) отглагольные имена существительные типа *желание, хотение, жажда, мечта, охота, стремление, страсть (к.), потребность, нежелание, пожелание, намерение, рвение* а также такие фразеологизмы, как «*готов сквозь землю провалиться*», «*гореть желанием*», «*загореться жела-*

нием» и т.д.; 4) имена существительные с обозначением лиц (модально-оценочные имена желательности) *охотник / не охотник (охотница / не охотница)* [Адамсон, 2006: 103–104; Орлова, 2008: 10].

При описании оптативной лексики можно выделить более 30-ти глаголов, обеспечивающих модальность желательности. Этот факт позволяет реализовать широкий спектр базового значения желания, передавать более сложные смыслы: собственно желание (*Я умереть хочу...*), желание-намерение (*Он думал меня обмануть*), желание-попытка (*Мы стремимся исследовать две области...*), желание-готовность (*...Служить готова мне она*), желание-мечтание (*Мы мечтаем найти смысл жизни*), интенсивное желание (*Он жаждет знаний*) и т.п. [Алтабаева, 2003а: 27].

Мотивационный уровень языковой личности младшего школьника представляется возможным определить и описать через анализ оптативных предложений. Всего в 423 сочинениях было найдено 876 оптативных предложений, где компонент желательности находит свое отражение либо на лексическом (658 ОП), либо на грамматическом (218 ОП) уровне. Абсолютное большинство из них выражают желание говорящего (оптатив), желания субъекта (дезидератив) были упомянуты лишь несколько раз.

Лексически оптативность в предложениях передается в большинстве случаев с помощью модального глагола *хочу/хочется*, являющегося предикатом оптативного предложения (встречается в текстах 631 раз). Приведем несколько примеров¹: 1) *Я хочу стать певицей. Потому что я хочу зарабатывать много денег*; 2) *... Я хочу устроиться в ресторан чтобы там готовить еду и чтобы мне платили*; 3) *... Я хочу что-бы дети занимались рисованием и стали «Исключительными художниками»...*

В текстах сочинений также встречаются глаголы, близкие к модальному глаголу *хочу/хочется* и отражающие модальность желательности: *же-*

¹ Все фрагменты сочинений приводятся без их орфографической и пунктуационной правки.

лать (5), стремиться (5), стараться (15), пытаться (10), планировать (3), мечтать (31), ожидать (5). Всего нами было отмечено 74 повторения таких глаголов. Например: 1) *В мире много профессий. Но я желаю стать хореографом;* 2) ... *И стараюсь учиться на 5 и 4 чтобы стать учёным. Пытаюсь всё-всё понять;* 3) ... *И я планирую закончить университет на 5+;* 4) ... *Я мечтаю работать в полиции;* 5) ... *Я ожидаю от этой работы большой интерес и удовольствие.*

Помимо глаголов в сочинениях были найдены отглагольные имена существительные такие как *желание* (5), *жажда* (2), *мечта* (20), *стремление* (2), *мечтание* (3) и *ожидание* (6), а также имя существительное *страсть* (1) и словосочетание *загореться желанием* (1). Всего 39 повторений таких лексем было обнаружено в текстах школьных сочинений: 1) ... *Мои ожидания узнать много узнать о древности;* 2) ... *Все мои мечтания об этой профессии;* 3) ... *Мне надо для моей цели: <...>* 4) *Стремление к победам;* 4) ... *Жажда знаний это хорошо, у меня она есть;* 5) ... *Выигрыш вызывает у меня восторг и сильную радость а поражение желание работать и стремиться к победе.*

Как видим, оптативная лексика довольно широко представлена в сочинениях младших школьников, ее использование расширяет границы базового понятия желания. В сочинениях отражены собственно желания (555), желания-попытки (9), желания-готовности (3), желания-мечтания (47), желания-стремления (7), желания-надежды (18) и желания-ожидания (10), а также пожелания (6). Приведем примеры каждого из видов желания в таблице ниже (см. табл. 1).

Таблица 1. ОП с лексемами, расширяющими базовое понятие желания

Тип желания	Примеры
Собственно желание	1. ... <u>Я хочу</u> , чтобы на разных улицах, аллеях была красота! 2. ... я перестала ходить на хор. Я не понимала зачем эти распевки? Я поняла, что <u>я хочу петь</u> без правил! 3. ... <u>Я хочу прославить</u> ещё больше нашу страну! (Россия) 4. ... В 11 лет <u>я хочу поступить</u> в Суриковскую школу. 5. ... И <u>я хочу</u> чтобы был большой город, и он был добрый без бомжей.
Желание-	1. ... <u>Пытаюсь</u> узнать больше с каждым днем.

попытка	2. ... <u>Я буду пытаться</u> решить экологические проблемы как вымирание разных видов животных. 3. ... <u>Я правда стараюсь понять</u> что у меня лутшие всего получается. 4. ... <u>Я буду старатся</u> усердно тренироваться и ценой жизни защищать людей. 5. Сегодня я стараюсь и пытаюсь узнавать больше нового, укрепляю своё здоровье, я постараюсь исполнить свою мечту.
Желание-стремление	1. ... <u>Я как и он стремлюсь</u> достичь высот в спорте. 2. ... Главное ведь это <u>моё стремление</u> учиться интересным темам. 3. ... <u>Я буду упорно стремиться</u> к своей художественной профессии и я буду рисовать героев как я хочу! 4. ... <u>я стремлюсь</u> заниматься спортом. 5. ... <u>Нужно стремиться</u> к новым знаниям и опыту.
Желание-готовность	1. ... Вообще я хочу стать футболистом и <u>готов</u> очень сильно и упорно работать над этим. 2. ... <u>Я готова</u> служить языку! 3. ... <u>Я готов</u> к труду.
Желание-мечтание	1. ... Я хочу работать в полиции чтобы защищать наш город, и приносить людям пользу. <u>Я мечтала</u> об этом с 5 лет! 2. ... Ицо я хочу стать археологам потому что <u>я мечтаю</u> найти клад. 3. ... <u>Моя заветная мечта</u> принять участие в матче мирового уровня. 4. ... Баскетбол – <u>моя мечта</u>, я хочу чтобы мечта сбылась как и ваша мечта! 5. ... <u>Я мечтаю</u> найти какой-нибудь большой артефакт, и порозить всех.
Желание-надежда	1. ... <u>Надеюсь</u> я смогу совмещать эти две профессии. 2. ... А еще зарплата <u>надеюсь</u> будет большая. 3. ... <u>Надеюсь</u> что у меня всё получится! 4. ... Я очень <u>надеюсь</u> найти новый вид денозавров. 5. ... <u>Я надеюсь</u> там меня не уволят.
Желание-ожидание	1. <u>Я ожидаю</u> что смогу стать футболистом. 2. ... <u>Мои ожидания</u> узнать много узнать о древности. 3. ... <u>Я ожидаю</u> что у меня будет очень хороший бизнес. 4. ... <u>Мои ожидания</u> от этой работы это хороший заработок и прекрасные впечатления!!!! 5. ... <u>Я ожидаю</u> от этой работы только удовольствие.
Пожелание	1. ... Анна <u>желаю</u> вам всего хорошего и успехов в вашей деятельности. 2. ... Уважаемая Анна <...> и я <u>желаю</u> вам счастья, здоровья и любви 3. ... Аня, <u>желаю</u> тебе здать на 5. 4. ... Пусть ваши <u>мечты</u> тоже сбываются! 5. ... Аня <u>желаю</u> удачи

Переходим к грамматической репрезентации желаний, встречающихся в тексте. В сочинениях представлено 3 типа ОП. В текстах представлены инфинитивно-оптативные, глагольно-оптативные и безличные ОП. Безглагольно-оптативные предложения не находят отражения в школьных сочине-

ниях, оптативный императив также не представлен в текстах сочинений о выборе профессии. Всего было найдено 40 предложений, отражающих структурные типы ОП.

Глагольно-оптативные предложения, т.е. предложения с формой сослагательного наклонения, составляют самую большую группу: в текстах сочинений было выявлено 20 предложений такого типа. Приведем несколько примеров: 1) ... Получил бы я эту работу...; 2) ... И я стал бы крутым мужиком как он!; 3) ... И в тот же момент я б хотела быть спортивной и сильной; 4) ... Вот заработал бы я много много денег.

Инфинитивно-оптативные предложения представлены в текстах сочинений в количестве 11 единиц. Такие ОП называют имеют форму желательного наклонения: 1) ...Поступить бы скорее уже в этот институт; 2) ... Полететь бы высоко в небо...; 3) ... Почему бы мне и не станцевать?; 4) ... Выиграть бы мне кубок этот!; 5) ... Попробовать бы хоть разочек так как мама приготовить.

Нами были также найдены 9 **безличных ОП**, строящихся по схеме: модальный / эмоционально-оценочный предикатив + инфинитив + частицы *бы*). Некоторые из них: 1) ... Можно бы стать и продавщицей но лучше дизайнером; 2) ... Хорошо б зарабатывать много денег на такой работе; 3) ... Хорошо бы еще определица с направлением то ли хирург, то ли потолаганатом; 4) Неплохо б литать, получать деньги и отдыхать ещё.

ОП в текстах сочинений младших школьников подвержены модификации, как модальной, так и семантической. Такие модификации придают предложениям и в целом текстам модально-оценочное и/или экспрессивно-оценочное значение. Ниже приведем примеры модальных (см. табл. 2) и семантических (см. табл. 3) модификаций ОП, представленных в анализируемом материале.

Таблица 2. Модальные модификации ОП

Модификатор 1: глаголы <i>мочь</i> и <i>хотеть</i>	Модификатор 2: краткие прилагательные	Модификатор 3: предикативы на -о
1. Профессий много но я <u>хотел бы</u> стать банкиром. 2. ... Ещё я <u>хотел бы</u> стать Астрономом, потому-что меня очень влекут звёзды, планеты, галактики. 3. ... Ещё я <u>хотела бы</u> сказать то-что там на кроссе была школа моей двоюродной сестры Вики и сама Вика там была какже без неё. 4. Я <u>хотел бы</u> стать пожарным. 5. Я <u>могла бы</u> стать директором, врачом, фотографом, учителем, но я хочу стать тренером. 6. ... Я хочу там работать потому что там хорошая зарплата и я <u>бы могла</u> своих детей отдать в садик без очереди...	1. ... Я <u>бы рада</u> уже сейчас помогать животным и их хозяевам, но я только учусь. 2. ... Я <u>должен бы</u> уже чтото делать чтоб достичь своей цели!	... <u>Можно бы</u> стать и продавщицей но лучше дизайнером.

Всего в сочинениях представлено 23 оптативных предложения с модальными модификациями: 20 ОП с глаголами-модификаторами, 2 ОП с краткими прилагательными и 1 ОП с предикативами на –о как модификаторами.

Таблица 3. Семантические модификации ОП

Тип семантической интерпретации желательности	Примеры
Желание-мечтание	1. ... Ах, <u>какая была б</u> красота! 2. ... <u>Если бы</u> я еще поехала учица за границу! 3. <u>Если бы</u> я только стал этим электрическим командиром... ну, дирижировать! 4. ... <u>Вот бы</u> я там пострелял! 5. ... <u>Вот</u> это я <u>бы</u> покупался в деньгах!
Желание-сожаление	1. ... <u>Если бы</u> родители мне тогда чуть пораньше разрешили пойти на танцы... 2. ... <u>Если бы</u> я только умела делать так как моя тренирша... 3. ... <u>Если б</u> я знала этого раньше, что так много придется учить...
Желание-допущение	1. ... <u>Пушкой бы</u> я уже просто шол в эту медицинскую академию а там посмотрим. 2. ... <u>Пусть бы</u> он и любил свою профессию, а я свою люблю.
Желание-	1. ...Ты уже взрослый и я тебя прошу... как бы ты уж определился,

просьба	а?
Желание-опасение	1. ... Ну если получится, хотя у меня никогда ничего не получается как я хочу. Потому что я неудачница. <u>Только б</u> в этот раз получилось! 2. ... <u>Хоть бы</u> не пошло што та не так и яб стал пожарным. 3. ... <u>Только бы</u> опять за мной эта сестра Даша не повторяла!
Желание-предпочтение	1. ... <u>Лутше бы</u> он не показывал мне этого, а то я как не захочу быть доктором. 2. ... <u>Лучше б</u> я тогда не готовил этот кактель а то потом все отмывал! 3. ... Так вот... <u>лучше бы</u> я сам решал, а не они советовали. 4. ... А вообще <u>лучше б</u> я не начинал это сочинение писать слишком сложно писать.
Желание-рассуждение	1. ... <u>Как бы</u> животные только узнали об этом? 2. ... <u>Как бы</u> мне еще увидеть звёзды... 3. ... <u>Как бы</u> мне решить в этой не простой ситуации? 4. ... Я однажды задался вопросом... <u>Как бы</u> я лично смог помочь этим бедным животным? 5. ... <u>Как бы</u> мне тока выучить этот дурацкий английский?
Нетерпеливое желание	1. ... И вопщим я хочу <u>поскорей бы</u> уже быть самостоятельным. 2. ... Поступить <u>скорее бы</u> уже в университет и начать учиться. 3. ... (<u>скорей бы</u> это уже всё закончилось). 4. ... <u>Скорей бы</u> это время настало! 5. ... Я хочу <u>поскорей бы</u> уже полететь в космос.
Позитивное желание	1. ... <u>Хорошо б</u> было зарабатывать много денег. 2. ... <u>Неплохо бы</u> еще конечно и богатым быть. 3. ... <u>Не плохо б</u> и престижную работу иметь. 4. ... <u>Хорошо б</u> теперь чего-нить сладенького поест. 5. ... и <u>хорошо бы</u> забывать говорить здравствуйте и до свидания.
Желание-побуждение (пожелание-проклятие)	1. ... Те изверги которые мучат животных пусть горят до тла.

К предложениям с семантической модификацией можно отнести 49 ОП, среди них можно выделить следующие группы: желание-мечтание (10), желание-сожаление (3), желание-допущение (2), желание-просьба (1), желание-опасение (3), желание-предпочтение (4), желание-рассуждение (9), нетерпеливое желание (5), позитивное желание (8) и желание-побуждение, выраженное пожеланием-проклятием (1).

Кроме того, к средствам языкового выражения желательности на грамматическом уровне относятся союзы с модальной окраской гипотетичности (сращение *бы* с относительными, условными или уступительными со-

юзами); 115 таких союзов были найдены нами в анализируемых текстах, среди них: *чтобы* (111), *если бы* (3), *хотя бы* (1). Например: 1) ... *Я хочу чтобы у нас был самый лучший ресторан;* 2) ... *Блогером я хочу стать чтобы куда-то девать своё желание творить;* 3) ... *Но чего я больше хочу, когда стану видеоблогером, это хотя бы серебрянная кнопка;* 4) ... *Если б я только стал этим электрическим командиром... ну, дирижировать!*

Основываясь на материале нашего исследования, можно утверждать, что такие союзы не входят в центральные средства выражения категории желательности.

Дезидеративные предложения находятся на периферии языкового выражения семантики желательности: при анализе текстов сочинений выявлено 3 предложения, в которых представлены желание-каузация (2) и желание-констатация (1). Дезидеративными являются следующие предложения: 1) ... *«Почему бы тебе не попробовать» сказали они;* 2) ... *Моя мама тоже говорит доч хоть бы ты стала врачом!;* 3) ... *Раньше мы хотели устроить танцевальный батл. <...> И я крикнула «сейчас бы порвать этот зал!».* В предложениях 1 и 2 представлены желания-каузации (побуждение, пожелание), в предложении 3 отражено желание-констатация (целесообразность). Так, дезидератив в рассматриваемых предложениях выражен грамматически частицей *бы* с указанием адресности с помощью местоимений.

Рассмотрев категорию желательности через ее языковые (лексические и грамматические) репрезентации в оптативных предложениях, можно заключить, что для школьных сочинений характерен оптатив (желание говорящего), дезидеративных предложений (предложений, указывающих на желание субъекта) абсолютное меньшинство. Семантика желательности в сочинениях младших школьников в основном выражена посредством оптативной лексики (658), грамматических показателей оптативности почти в 3 раза меньше (218). Так, лексически оптативность в текстах сочинений младших школьников выражается через: модальный глагол *хочу/хочется* (631 раз); глаголы, близкие к модальному глаголу *хочу/хочется* и отражающие модаль-

ность желательности типа *желать, стремиться, стараться, пытаться, планировать, мечтать, ожидать* (74 раза); отглагольные существительные типа *желание, жажда, мечта, стремление, мечтание* и *ожидание*, а также имя существительное *страсть* и словосочетание *загореться желанием* (39 раз).

Анализ эмпирического материала также показал, что представляется возможным выделить различные типы желаний, опираясь как на лексическую, так и на грамматическую составляющую текстов. Так, используемая оптативная лексика позволяет выделить следующие типы желаний: собственно желание, желание-мечтания, желания-надежды и желания-ожидания, желание-попытка, желания-стремления, желание-готовность, а также пожелания. В сочинениях младших школьников используются такие типы семантически модифицированных ОП, как: желание-мечтание, желание-сожаление, желание-допущение, желание-просьба, желание-опасение, желание-предпочтение, желание-рассуждение, нетерпеливое желание, позитивное желание и желание-побуждение, выраженное пожеланием-проклятьем. Таким образом, желания занимают особое место в иерархии ценностных ориентиров языковой личности младшего школьника, выражают его устремления и интенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамсон И.В. Модальный смысл дезидеративности: от семантической зоны к семантической типологии высказывания (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Таллин: 2006. 131 с.
2. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003а. 35 с.
3. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003б. 485 с.
4. Алтабаева Е.В. Языковая личность в концептуализации и категоризации оптативной ситуации [Электронный ресурс] // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: знак, слово, текст: сб. научн. статей. Симферо-

поль: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 3–8. URL: <http://semprlingv.cfuv.ru/pdf/sbornik-2016.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

5. Бернова Д. Н. К вопросу разграничения оптативности и дезидеративности [Электронный ресурс] // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 253–255 URL: <https://goo.gl/pQUpXp> (дата обращения: 19.03.2019).

6. Богин Г.И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки: пособие для методиста и учителя. Вып. 1. Тверь, 1998. 82 с.

7. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. 264 с.

8. Голев Н.Д. Развитие языковой способности детей (школьное сочинительство и стилизация) // Мир русского слова. СПб., 2004. № 4 (21). С. 105 – 108.

9. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. 42 с.

10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛИБРОКОМ, 1987. 261 с.

11. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7 классов: дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. 202 с.

12. Орлова Н.Н. Модальное имя с семантикой желательности в системе средств категории оптативности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2016. 25 с.

13. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. 703 с.

14. Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 1995. 400 с.

15. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 155–185.

16. Щербакова М.И. Лексико-грамматическая специфика оптативности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2016. 19 с.

ТЕКСТ БАНКОВСКОЙ РЕКЛАМЫ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ Г. КРАСНОЯРСКА)

Аннотация: В работе представлены результаты комплексного анализа речевого воздействия рекламных текстов красноярских банков. Выявлен ряд специфических социальных функций рекламы в повседневной деятельности человека, а также определены способы вербального и визуального выражения объекта рекламы, образ адресата и адресанта, основное преимущество определённого банка перед конкурентами и аргументация рекламного сообщения.

Ключевые слова: банковская реклама, креолизированный текст, вербальное и визуальное выражение.

Abstract: This article presents the results of a comprehensive analysis of the speech impact of advertising texts of Krasnoyarsk banks. The author identified a number of specific social functions of advertising in daily human activities, as well as the ways of verbal and visual expression of the object of advertising, the image of the addressee and the addressant, the main advantage of a particular bank over competitors and the argumentation of the advertising message.

Keywords: bank advertising, creolized text, verbal and visual expression.

Текст банковской рекламы – форма коммуникации, целью которой является перевод качеств услуг, предоставляемых банком, на язык потребностей клиента [Морозова, 2002: 31]. Как любой сложный знак, рекламный текст можно рассматривать в трёх аспектах: синтактике (последовательности структурных элементов), семантике (то, что выражает тот или иной структурный элемент) и прагматике (то, что даёт структурный элемент потребителю) [Уткин, 1997: 127].

С точки зрения семантики, рекламный текст включает план содержания и план выражения. Исходя из этого положения, структуру текста банковской рекламы представим следующим образом:

- 1) объект рекламы – то, что рекламируется (товар, иногда имидж бан-

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук Т.М. Григорьева.

ка-рекламодателя);

2) адресант – тот, от чьего имени ведётся рекламная коммуникация;

3) адресат – потребительская целевая аудитория, на которую направлено рекламное сообщение;

4) основное преимущество (частным случаем которого является универсальное торговое предложение) – это основной элемент рекламного содержания;

5) аргументация – система убеждения рекламополучателя, опирающаяся на основное преимущество [Морозова, 2002: 46].

Рассмотрим каждый содержательный элемент структуры рекламного текста с позиции креолизованного текста, т.е. анализируя и вербальные, и иконические элементы [Костина, 2003: 140].

1. Объект рекламы

В процессе анализа были обнаружены устойчивые тенденции представления объекта рекламы.

На вербальном уровне общее родовое определение «банковские продукты» получает видовую спецификацию – «кредитование», «денежные переводы», «вклады». Примеры: *Кредит наличными на любые цели* (Альфа-Банк); *перевод по России «Колибри»* (Сбербанк России); *вклад «Пенсионный» – без забот* (банк «Акцепт»).

С точки зрения визуализации объекта банковской рекламы материалы делятся на три практически равноценные по объёму группы.

Первая группа – объект, представленный в своём чистом виде, – то, что может быть материально выражено. Так представлены банковские карты, индивидуальные сейфы.

Вторая группа. Так как большинство рекламных продуктов и услуг имеют невещественный характер, то большую часть объектов принято представлять через опосредованные услугой предметы. Так, например, машина или дом, изображённые в рекламе, не означают, что банк предлагает их клиенту, а указывают лишь на то, что их можно приобрести, воспользовавшись

соответствующей кредитной программой банка. Таким образом, функция изображения объекта заключается не в воспроизведении реальности продукта, а в создании графического оформления нематериального продукта и услуги банка [Хопкинс, 2000: 52].

Третья группа включает метафорическое обозначение услуг, что также обусловлено спецификой рекламируемого продукта.

2. Адресант

Общая тенденция сводится к наличию ярко выраженной позиции адресанта практически во всех рекламных сообщениях. Это происходит потому, что реальным адресантом является банк, а объектом рекламы практически всегда выступает продукт, предлагаемый клиентам по определённым тарифам, установленным только в этом банке. Поэтому в рекламе банки стремятся выразить себя в услугах или продуктах, и, поскольку имеют к ним прямое отношение, говорят о них от своего имени.

С точки зрения вербального выражения в большей части макетов адресант представляется потребителю как некая «организация» – в третьем лице, официально; само понятие «организация» выражено собственным именем существительным: *Газпромбанк предлагает держателям банковских карт...* (Газпромбанк); *Газпромбанк предоставляет широкий спектр потребительских кредитов...* (Газпромбанк); *Сбербанк России предлагает специальный банковский продукт...* (Сбербанк России).

Встречается и обращение коллектива банка к клиентам от первого лица, выраженное местоимением «мы» и глаголом в форме множественного числа первого лица: *Мы расширяем Ваши возможности...* (Газпромбанк); *Переводим деньги от 1 %* (Альфа-Банк); *Предлагаем воспользоваться услугами инкассации* (Сбербанк России).

Принимая во внимание тот факт, что преимущественно адресант представлен на организационном и коллективном уровне, можно сделать вывод в целом о банке: это организация, в которой коллектив добродушно

настроен по отношению к своим потребителям и работает для них [Геттинс, 2007: 178].

В рекламных материалах банков практически всегда присутствует визуальная форма представления адресанта, выраженная в большинстве случаев через символ – логотип. Примеры: реклама Азиатско-Тихоокеанского Банка (рис. 1), реклама Тинькофф Банка (рис. 2).

Рисунок 1

Рисунок 2

Общий вывод по позиции адресанта может сводиться к наличию в рекламном пространстве ярко выраженной тенденции к позиционированию адресанта и его готовности к прямому контакту с потребителем [Там же: 179].

3. Адресат

Любой текст банковской рекламы предполагает развитие акта коммуникации между банком и клиентом, поэтому адресат (клиент), так же как и адресант (какой-либо банк), присутствует во многих рекламных сообщениях [Ворошилова, 2006: 183].

Вербально адресат выражен в двух типах: абстрактном и конкретном. В первом случае практически единственным средством вербализации позиции адресата в изучаемом тексте является обращение во втором лице множественного числа – «вы». Это местоимение достаточно абстрактно и не позволяет говорить о конкретизации параметров аудитории (пол, возраст, семейное положение): *Вы становитесь клиентом банка (Сбербанк России); Вам необходимо...* (Азиатско-Тихоокеанский Банк); *И автомобиль Ваш!* (Тинькофф Банк).

Во втором случае чётко проявляются определённые характеристики адресата, которые позволяют классифицировать употребляемую лексику по следующим тематическим группам: 1) организационно-правовая форма, 2) использование того или иного продукта банка, 3) возраст, 4) гражданство, 5) способности и желания [Морозова, 2002: 199].

1. По организационно-правовой форме. Практически вся реклама сводится к предложению продуктов определённым группам лиц: юридическим, физическим, индивидуальным предпринимателям. Это чётко проявляется в тексте сообщения: *Вы как физическое лицо являетесь владельцем вклада...* (Промсвязьбанк); *Услуги Газпромбанка для частных лиц...* (Газпромбанк); *Сбербанк России предлагает предприятиям региона, кредитным организациям, а также индивидуальным предпринимателям...* (Сбербанк России). В данном случае банк обращается к потребителю как к части этой группы.

2. По использованию того или иного продукта банка. Данная категория, в силу своей специфики, включает только действительных клиентов (не потенциальных), т.е. лиц, которые уже пользуются услугами банка. Грамматическим средством выражения является конкретное существительное со значением активного субъекта действия: *Газпромбанк предлагает держателям банковских карт...* (Газпромбанк); *Вы... являетесь владельцем вклада...* (Сбербанк России); *Последние четыре года Вы пользовались кредитом в нашем банке?*.. Вы – добросовестный заёмщик (Промсвязьбанк).

3. По возрасту. Грамматически возраст выражается или именем числительным, или существительным со значением активного субъекта, действующего в определённый временной промежуток: *Граждане, достигшие 18 лет...* (Газпромбанк); *Учащимся и студентам средних специальных и высших заведений, а также аспирантам очной и заочной форм обучения...* (Азиатско-Тихоокеанский Банк).

4. По гражданству. Грамматически выражается словосочетанием, где главное слово – имя существительное со значением субъекта, зависимое выражено топонимом: *Граждане Российской Федерации* (Сбербанк России).

5. По способностям и желаниям. К данной категории адресатов относятся такие случаи, когда рекламодатель обращается, не указывая юридическую форму организации, изначально не делая акцент на продукте, а обращаясь к мотивам потребителя: *Для тех, кто хочет зарабатывать деньги и тратить их. Для тех, кто хочет заранее знать, что кредит будет выдан. Для тех, кто хочет самостоятельно решать, когда и в каком объёме погашать кредит* (ВТБ 24).

Визуальная форма является дополнительной формой проявления позиции адресата. Практически во всех материалах, в которых присутствует адресат, он занимает нецентральное положение и оказывается объектом с наименьшим удельным весом, уступая место вербальным средствам выражения. Чаще всего это типичный представитель целевой аудитории, архетип определённого социального слоя, и потому он остаётся безымянным. Пример: реклама Альфа-Банка (рис. 3).

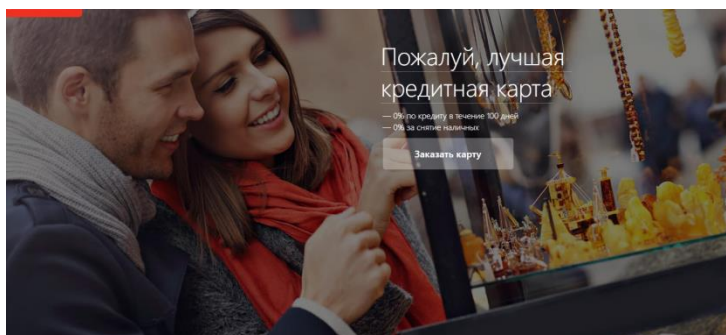

Рисунок 3

4. Основное преимущество

На вербальном уровне выявлены следующие типы представления основного преимущества.

1. При наличии одинаковых услуг отличия наблюдаются только в области процентных ставок: *19 % годовых в рублях* (Промсвязьбанк); *Процентная ставка: 17 % годовых* (Сбербанк России). В этом случае основную функцию выполняет имя числительное, индивидуализирующее данный продукт банка среди подобных продуктов других банков.

2. Основное преимущество заключается в представлении нового продукта, подарка: *При пролонгации <вклада> – карта VISA в подарок* (Газ-

промбанк); *Оформите карту «VISA Аэрофлот» Сбербанка России и вы станете участником акции – розыгрыша 10 авиабилетов авиакомпании «Аэрофлот – российские авиалинии» в Европу* (Сбербанк России).

3. Иногда уникальность продукта выражена в лексике основного текста рекламного сообщения использованием различных форм имени прилагательного «уникальный» [Геттинс, 2007: 74]: *Уникальная возможность неоднократного получения кредита по одному пакету документов* (Газпромбанк).

Часто основное преимущество выражается абстрактными существительными «возможность», «оперативность», «удобство» и другими, участвующими в конструировании клише, т.е. фраз, в которых основное содержание сменяется выполняемой функцией [Хопкинс, 2000: 59]. Такие клише служат вводными конструкциями в номинирующих текстовых блоках: *Ваши возможности* (Газпромбанк); *Оперативность, которую Вы ощущаете* (Росбанк); *Удобство кредитной карты Райффайзенбанка* (Райффайзенбанк).

Несмотря на кажущееся разнообразие, большинство услуг, предлагаемых клиенту, однотипны – в какой бы банк клиент ни обратился, ему предложат стандартный пакет услуг с более или менее выгодными условиями. Большинство банков различаются между собой лишь уровнем сервиса, профессионализмом персонала и разветвлённостью филиальной сети. Как на рынке корпоративных услуг, так и для частных лиц сегодня практически невозможно найти уникальное предложение, благодаря которому банк мог бы выделиться среди конкурентов.

Визуальная форма выражения преимущества в большинстве случаев не присутствует. Следовательно, основное преимущество, сформулированное в чётком, лаконичном, понятном виде, воспринимается рядовым потребителем легче, чем зашифрованное в картинке. Картинку ещё предстоит «перевести» в понятия, которыми люди привыкли мыслить (т.е. интерпретировать), а текст предоставляет нам информацию в готовом виде [Матанцев, 2002: 35].

5. Аргументация

Аргументация – это цифры и факты, поддерживающие объект рекламы. Аргументом в рекламном сообщении может быть всё, что поддерживает и развивает основное преимущество:

- 1) описание принципов использования рекламируемого продукта;
- 2) цифры;
- 3) графики и диаграммы;
- 4) свидетельства очевидцев;
- 5) результаты тестов (в т.ч. и сравнительных, когда рекламируемый товар сопоставляется с конкурентными);
- 6) сертификаты, выданные авторитетным и уважаемым учреждением [Костина, 2003: 214].

Доказательность отдельных положений грамматически выражается именем числительным, выражающим количественную характеристику явления: *Система денежных переводов: 500 городов, 2000 пунктов обслуживания* (Сбербанк России); *Внешторгбанк является крупнейшим коммерческим банком страны по размеру уставного капитала, величина которого составляет 42,1 млрд рублей. Акционером Внешторгбанка с долей в 99,9 % является Правительство РФ* (Внешторгбанк).

Анализируя структуру аргументации рекламного сообщения, мы обращаем внимание на все параметры: используются ли разумные доводы или эмоции, предпочитают ли рекламодатели оперировать цифрами и словесными описаниями фактов или же используют понятные адресату иллюстрации, оперируют ли серьёзными научными терминами или предпочитают простые формулировки? [Уткин, 1997: 19]

В ходе исследования были выявлены наиболее часто используемые виды аргументации в рекламе определённых банковских продуктов.

1. В рекламе банковских карт в качестве аргумента чаще всего используются имена числительные: *Кредитная карта Альфа-Банка «100 дней*

без %»: лимит до 150 000 руб.; процентная ставка от 23,99 % годовых (Альфа-Банк).

2. Использование графиков и схем в рекламе денежных переводов выступает в функции иллюстрации того, насколько широко можно использовать возможности – это карты-схемы, указывающие города и страны, куда можно переводить деньги.

3. Инструкции по пользованию банкоматом обладают наибольшей членимостью. При этом на вербальном уровне преобладает императивная форма глаголов: сделайте выбор, введите нужную сумму, возьмите ваши деньги, не забудьте ваш чек (Сбербанк России).

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что в тексте банковской рекламы традиционно присутствуют такие элементы, как: объект рекламы, адресат, адресант, основное преимущество, частично присутствует аргументация. Отношения, связывающие данные элементы, фактически сводятся к логическим. Имеет место тенденция к временным отношениям «до и после», когда изначально заявлена проблема, а путём её решения предлагается использование того или иного банковского продукта, дающего положительный результат в будущем после его использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 180–189.
2. Геттинс Д. Секреты создания рекламных материалов, или Неписанные правила копирайтинга. М.: Астрель, 2007. 259 с.
3. Костина А.В. Эстетика рекламы: учеб. пособие. М.: Вершина, 2003. 304 с.
4. Матанцев А.Н. Эффективность рекламы. М.: Финпресс, 2002. 412 с.
5. Морозова И.Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М.: Гелла-принт, 2002. 267 с.
6. Уткин Э.А. Рекламное дело. М.: Тандем, ЭКМОС, 1997. 272 с.
7. Хопкинс К. Реклама. Научный подход. М.: Альфа-Пресс, 2000. 96 с.

ПРОЦЕССЫ ФЕМИНИЗАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЙ

Аннотация: В статье через сопоставление устаревших и современных обращений к женщине освещается тема гендерного неравенства в современном китайском языке, а также описывается процесс феминизации лексики в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: процесс феминизации, гендерная асимметрия, диахронические процессы, логограммы.

Abstract: The article compares examples of contemporary and ancient appellations to women in Chinese language and thus features the issue of gender inequality in contemporary Chinese language. ... it describes feminization process in diachronic development.

Keywords: feminization process, gender asymmetry, diachronic processes.

В связи с началом процессов либерализации языка, в китайском языковедении с конца 70-х, 80-х годов XX века большое внимание получили исследования влияния гендера адресанта на язык. Так, согласно данным научного журнала Чживан (中国知网), в период с 2001 по 2016 годы опубликована 1401 статья, содержащая ключевые слова «гендерные исследования» [Ван Минь, 2016: 50]. На данный момент изучением гендерной теории, классификацией школ гендерных исследований, сопоставлением гендерных различий в разных языках занимаются Ши Гэншань, Чжан Шанлянь, Ван Лецинъ и Чжоу Минчуань, Чэнь Чуньхун [Там же].

Данные исследователи в своих работах освещают проблему дискриминации женщин в языке и, следовательно, осуществляют анализ понятия гендерной асимметрии и приводят её примеры, сопоставляют обозначения женщин и мужчин в языке. В настоящей работе фокус исследования смещён в сторону изучения лексики, адресованной женщинам, а именно распространённых обращений к женщине. Через диахроническое сопоставления примеров обращений определяются феминизационные процессы в китайском языке.

¹ Научный руководитель – старший преподаватель М.А. Каданцева.

ке. Под феминизационными процессами в интерпретации Е.С. Зиновьевой понимается либерализация лексических единиц, нейтрализация отрицательных коннотаций и сглаживание гендерных асимметрий [Зиновьева, 2016: 44].

В ходе работы сопоставляются обращения к женщине, использовавшиеся во времена династий от Хань до Мин, с образцами современного китайского языка, собранными методом сплошной выборки из словарей и методом опроса.

Всего в ходе работы собрано и проанализировано 118 лексических единиц. Все единицы по специфике адресата и адресантов разбиты на 12 семантических категорий. В качестве основы классификаций используются такие параметры, как возраст, положение в семье, степень близости с адресатом (члены семьи, жёны), статус женщины в обществе, профессия. Устаревшие обращения собраны на материале 女四书 («Женского четверокнижия», 2–4 тома, написанные в династии Тан и Мин), а также 唐律疏议 («Уголовного кодекса Тан с разъяснениями»), изложенного в монографии Ю.С. Мыльниковой [Мыльникова, 2014]. Современные обращения получены методом опроса носителей китайского языка. Первичный анализ лексических единиц, разбор каждой морфемы на логограммы и морфограммы выполняется на основе метода грамматологического анализа, разработанного О.М. Готлибом [Готлиб, 2006].

Таблица 1. Рассматриваемые семантические категории

Обозначение женских профессий	Обозначающие личный статус женщины (замужняя, незамужняя, вдова)
Обращение к пожилым женщинам (60 лет и старше)	Обращения мужа к супруге
Обращение к женщинам (30-59 лет)	Обращения к возлюбленной
Обращение к девушкам (15-29 лет)	Указывающие на высокий/низкий статус женщины или выражающие уважение к ней
Обращение к девочкам (5-14 лет)	Подчёркивающие личные качества.
Родственные обращения	Нейтральные

В ходе сопоставительного анализа выявлены особенности отдельных категорий. Так, сглаживание иерархичности в обществе наблюдается в кате-

гории, обозначающей статус женщины: в примерах устаревшей лексики выделяется 8 единиц, тогда как на материале современном языке найдено всего две (女士, 先生). Последняя единица обычно не используется по отношению к женщинам, 先生 – «господин», дословно «перворождённый»; традиционно мужское обращение. Сунь Жуцзян (孙汝建) отмечает использование 先生 в академическом и научном дискурсах по отношению к образованным женщинам [孙汝建, 2012: 26]. Также 先生 может выражать высокую степень уважения к женщине. Подобным образом, например, обращались к супруге Сунь Ятсена Сун Цинлин (宋庆龄).

При анализе лексических единиц с семантикой профессий (Таблица 2) возникли следующие вопросы. Во-первых, вызывает интерес тот факт, что в обращениях современного китайского языка представлено только 4 феминитива для двух профессий (стюардесса и водитель), а такие виды деятельности, как учитель (老师), повар (厨师), не упоминаются.

Во-вторых, интересен способ словообразования приведённых китайских феминитивов. Лексические единицы «стюардесса», «таксистка» образованы путём прибавления к обозначающим профессии морфемам «семейные» морфемы 姐 «сестрица», «старшая сестра» и 嫂 «невестка», «тётушка». Идеографичность китайских иероглифов позволяет также передавать возраст: так, 空姐 относится к незамужним, следовательно, скорее всего, к молодым девушкам, а 空嫂 к незамужним стюардессам. Из этого мы делаем вывод, что 空嫂 старше 空姐.

Другой способ образования феминитивов прослеживается на примере обращений к представительницам профессий учителя и повара. При поиске соответствующих единиц были найдены варианты 女老师, 女厨师, образованные по другому принципу, нежели в таблице: посредством прибавления морфемы 女 «женщина». Следовательно, 女厨师 по способу образования эквивалентно русскому «женщина-повар».

Изучение устаревших форм выявляет особенности иерархического патриархального строя Танского Китая. Больше половины (6 из 14) единиц имеют семантику ограничения свободы женщины (наложница, служанка). Также представлено 3 варианта обращения к так называемым «матушкам» – женщинам, выполняющим традиционную роль материнства и воспитания детей.

Таблица 2. Семантическая категория профессий

Устаревшая лексика	Современная лексика
女尼 ní Монахини (буддийские)	空姐 kōngjiě (空中小姐) Стюардесса
女道士 Даосские монахини	空嫂 kōngsǎo Стюардесса
宫女 Дворцовые дамы	的姐 Водительница такси, таксистка
娼妓 chāngjì «Певички»	的嫂 Таксистка
妾 qiè Наложница	
媵 yùng Наложница с высшим правовым статусом	
婢 bì Наложница	
客女 Лично зависимая женщина	
妾妇 qièfù Наложница	
工女 gōngnǚ Женщина, занимающаяся домашним ремеслом, рукодельница, домашняя мастерица	
保傅 bǎofù Воспитательница	
慈母 cí mǔ Матушка-воспитательница	
仆妾 púqiè Служанка	
姆 mǔ Воспитательница, кормилица	

Интересна также категория обращений, подчёркивающих характеристики адресатов. Если устаревшие лексические единицы семантически близки понятию покорности, описывают внутренний мир женщины в её традиционной роли матери и жены (贤妇 добродетельная супруга, 母仪 образцовая мать), то в примерах современного языкового материала смещается акцент на внешность (единицы, содержащие сочетание 美女 – красавица: 小美女, 大美女, 资深美女). Здесь показательна сама иерархия обращений с компонентом 美女, а именно сопоставление 小美女 и 大美女.

Смысловые различия между данными единицами трактуются неоднозначно. По одной из версий, 小美女 (дословно «малая красавица») близко по семантике 小女人 – слабая, материально зависимая от мужчины женщина. Соответственно 大美女 («большая красавица») обозначает способных себя самостоятельно обеспечить женщин. Другая точка зрения связана с сопоставлением по старшинству (大美女 – старшая, 小女人 – младшая). Согласно третьей классификации, 小女人 – «милая, привлекательная девушка», тогда как 大美女 – «роковая красотка».

Таким образом, выявленные через диахроническое сопоставление обращений особенности, а именно исчезновение актуальности в иерархичности, смещение фокуса с традиционных ролей женщины и соответствующих им качеств на внешность, возникновение потребности в феминитивах для обозначения профессий выражают произошедшие в общественном сознании метаморфозы, позволяют проследить изменения в восприятии и ценностях носителей китайского языка с течением времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Минь. Гендерные исследования в китайской лингвистике // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4. С. 49–56.
2. Готлиб О.М. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 284 с.
3. Зиновьева Е.С. Феминистская лингвистика в контексте постмодернистской философии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 43–46.
4. Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века). СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.
5. 孙汝建。汉语性别语言学//北京科学出版社 2012。 166 页 [Сунь Жуцзян. Гендерная лингвистика китайского языка].

**КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ
НОМИНАТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА
В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Аннотация: Статья раскрывает ресурс дискурса глянцевого журнала как инструмента формирования гендерных стереотипов. Основное внимание уделяется описанию номинативных средств языка как основных инструментов языковой реализации маскулинности и фемининности в дискурсе глянцевого журнала на английском и испанском языках за 2019 г.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, дискурс глянцевого журнала.

Abstract: The article reveals the resource of the discourse of glossy magazines as a construction tool of gender stereotypes. The main focus is to describe nominative language units as the major tools of language manifestation of masculinity and femininity in the discourse of Spanish- and English-language glossy magazines published in 2019.

Keywords: gender, gender stereotypes, discourse of glossy magazines.

В современном мире средства массовой коммуникации оказывают огромное влияние на формирование общественного сознания и мировосприятие людей, что обуславливает актуальность их исследования в социолингвистическом аспекте. Так, например, тексты глянцевого журнала сегодня не только воспроизводят культурные ценности, типичные образцы и модели поведения, существующие в данный период времени в том или ином обществе, но и отражают социальные изменения, возникающие в нём. Выбор текстов для печати в глянце обусловлен в том числе и тем, какой идеальный образ мужчины и женщины должен быть сформирован в сознании читателей в конечном счёте. Для успешного формирования и продвижения того или иного образа в дискурсе глянца используются различные средства, в числе которых исследователи выявляют гендерные стереотипы.

Научный руководитель – канд. филол. наук Е.А. Кругликова.

Статья подготовлена по материалам доклада, признанного лучшим жюри конференции «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека», 23-24 апреля 2019 г.

Целью данной статьи является анализ номинативной системы языка как одного из средств конструирования стереотипных образов маскулинности и фемининности в дискурсе англоязычных и испаноязычных глянцевого журналов. Материалом исследования являются тексты интернет-версий глянцевого журналов «Cosmopolitan», «Vogue», «Men's Health» и «GQ» за 2019 год. Данные издания фиксируют происходящие изменения, отражают современные социокультурные установки и в соответствии с ними разрабатывают новые гендерные стандарты маскулинности и фемининности, навязывая универсальные гендерные модели.

Гендер, в свою очередь, является неким социокультурным конструктом, который указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, связанные с полом и сексуальностью, но возникающие во взаимодействии с другими людьми, в том числе и в языковом поведении [Практикум..., 2003: 30]. В аспекте гендерной лингвистики гендер, не являясь собственно лингвистической категорией, может быть рассмотрен через его языковые репрезентации. Гендер является одной из важнейших категорий социальной жизни личности, поскольку не только конструирует отношения между представителями обоих полов, но и подразумевает то, как само общество выстраивает взаимодействие полов в социуме. Чаще всего закрепление гендерных ролей происходит через усвоение гендерных стереотипов, которые представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [Кирилина, 2002].

Безусловно, за формирование гендерных стереотипов отвечает само жанрово-тематическое содержание глянца. Зачастую акцент делается на красоте, стиле и личных достижениях представителя современности, впоследствии это мотивирует читателей глянца воспроизводить транслируемые журналами образцы поведения в реальной повседневной жизни.

Анализ женских журналов «Cosmopolitan» и «Vogue» и мужских журналов «Men's Health» и «GQ» позволяет сделать вывод о том, что их жанро-

во-тематическое содержание не идентично, но имеет общие черты. И в мужском, и в женском глянце обсуждаются вопросы моды и стиля, красоты и ухода за собой, а также тема отношений. Для контента женских журналов характерны вопросы стиля жизни, в мужском глянце чаще затрагиваются вопросы качества жизни, что подтверждает наличие такого тематического блока, как технологии и гаджеты, а также повышенное внимание к вопросам здоровья и спорта.

Таблица 1. Тематические блоки глянцевых журналов

Женские журналы «Cosmopolitan», «Vogue»	Мужские журналы «Men's Health», «GQ»
Moda / Fashion	Fitness & Salud / Fitness & Health
Belleza / Beauty	Estilo / Style
Amor & Sexo / Love & sex	Sexo y relaciones / Sex and relations
Carrera / Work	Tecnología y gadgets / Technology

В рамках этих тематических блоков формируются определённые культурно-символические типы фемининности и маскулинности, среди которых наиболее чётко выделяются образы *красивой девушки, деловой девушки, сексуальной девушки и инстаграм-инфлюенсера*, а также образы *мужчины-модели, мужчины-любовника и успешного мужчины*. Стоит отметить, что черты некоторых культурно-символических типов возникли и стали освещаться журнальной прессой недавно, так, актуальный образ фемининности включает в себя красоту и успешность в онлайн сфере, а для образа современного мужчины характерен ухоженный внешний вид, стиль и умение следовать модным тенденциям.

Таблица 2. Стереотипные образы в глянцеважх журналах

Женские журналы «Cosmopolitan», «Vogue»	Мужские журналы «Men's Health», «GQ»
Mujer hermosa / Beautiful woman	Hombre-modelo / Man-model
Mujer de negocios / Businesswoman	Hombre-amante / Man-lover
Mujer sexy / Sexy woman	Hombre exitoso / Successful man
Instagram-influencer	

Одним из основных лингвистических приёмов в дискурсе глянца является гендерная маркированность как языковое отражение пола в номинативной системе языка. Под гендерной маркированностью исследователи понимают комплекс признаков, которые «позволяют идентифицировать языко-

вую единицу как относящуюся к тому или иному полу» [Кирилина 2004: 226]. Чаще всего за гендерное маркирование текста отвечает номинативная система языка.

В дискурсе мужских и женских глянцевого журналов как на испанском, так и на английском языках отмечено частое использование гендерно нейтральных лексических единиц без указания на половую принадлежность (*persona, gente, alguien, nadie, tú* и т.д.; *person, someone, everyone, anybody, you* и т.д.), что говорит о тенденции к ослаблению гендерной дихотомии и росту политкорректности западного общества:

– *Cuando te encuentras con una persona con la que la conversación que se genera es banal, las primeras impresiones que intercambiáis se centran en lo cansadas que estáis;*

– *Everything to make you feel like Xtremely important person you are.*

Для западного глянца также характерно использование местоимений 3-го лица как гендерно релевантной формы, под которой подразумевается условные мужчина и женщина, представляющие ту или иную гендерную группу в соответствии с традиционными отношениями между ними:

– *I know that she likes his cologne and the blue shirt he wears for important meetings;*

– *Pero las mujeres son mucho más complejas que eso y no se ciñen a horarios, ellas dependen bastante más del estado anímico e incluso hormonal.*

Стремление к гендерной нейтральности в западных изданиях также находит своё отражение в активном употреблении определительных местоимений (*cada, todo/a, algún/alguna, every, each, any*) в сочетании с антропологической лексемой

– *Estupendas. Así salen todas las instagrammers en sus selfies;*

– *First date questions to ask everyone you date.*

В качестве маркеров гендерных групп авторами глянца используются также нейтрально личные местоимения (*tú, you*) и неопределённо-личные местоимения (*alguien, somebody, someone*):

- *Tú necesitas un coche 'para todo';*
- *So you wake up to radiant skin every day;*
- *Eso nos relajará, enriquecerá nuestro entorno y aumentará las probabilidades de conocer a alguien especial;*
- *Whenever I feel stuck on what to buy someone as a gift, I think about what I would want someone to give me: a big ol' box of makeup.*

Однако в связи с гендерной направленностью дискурса, в глянцевах журналах для номинации мужчин и женщин также активно используются и гендерно маркированные лексические единицы.

Наиболее часто в дискурсе глянца встречаются антропометрические лексемы (*hombre, mujer, chico, chica, fémina, boy, girl, man, woman, gentleman, lady,*), в которых признак пола имеет определяющее значение:

- *Tanto para mujer como para hombre son una prenda fundamental;*
- *What it's like to be a 20-year-old woman dating a man in his 50s.*

Данные лексемы способствуют тому, что читатели отождествляют себя с обобщенным представителем гендерной группы, принимают или не принимают его черты и характеристики.

Редко в текстах западных журналов встречаются термины родства (*Salvo que tengas a tu mujer pegada como una lapa a tu cuerpo, dormir sin ropa da una generosa sensación de libertad*) что говорит о нерелевантности данного концепта в обществе. Это еще раз подтверждает, что некогда распространённый стереотипный образ женщины-жены и матери, мужчины-главы семьи и отца сегодня становится неактуальным.

Однако чаще всего в дискурсе глянцевах журналов встречаются агентивные лексемы – гендерно маркированные номинации людей по профессиональному признаку. В испанском языке на гендерную принадлежность указывает окончание (*doctor-doctora, autor-autora*). До сих пор не все агентивные существительные имеют форму женского рода, однако всё чаще предпочтение авторов отдается тем номинациям, которые отражают гендерную принадлежность субъекта:

– *Comprar pañuelos y bufandas vintage es una excelente manera de hacerse con estampados y colores únicos”, según defiende Lauren Friedman, autora e ilustradora de 50 Ways to Wear a Scarf.*

В журналах на английском языке используются сочетания агентивных лексем с антропометрическими существительными, указывающими на половую принадлежность субъекта:

– *Hidden Figures is the never-before-told true story of NASA’s African-American female mathematicians who played a crucial role in America’s space program during the civil right’s movement.*

Именно эта особенность номинаций отражает процесс изменения социальных ролей мужчин и женщин, подчёркивает их равные социальные возможности в современном обществе.

В текстах глянцевого журналов на испанском и английском языках используются также номинативные единицы с оценочной коннотацией. Подобные лексемы чаще встречаются в мужском глянце:

– *Salir quapetón de casa por las mañanas en menos que canta un gallo: sí, es posible;*

– *He was a head-turner on the pre-Grammys lunch in February.*

Данные примеры обращают внимание именно на внешний вид мужчины, на то впечатление, которое он производит на окружающих, что говорит о разрушении существующих ранее стереотипных образов и патриархальных гендерных представлений; сегодня внешность мужчины важна как для него самого, так и для окружающих.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что более активное использование гендерно нейтральных или гендерно маркированных единиц языка при конструировании маскулинности и феминности в дискурсе ГЖ косвенно отражает наличие в обществе гендерных стереотипных представлений.

С одной стороны, в дискурсе и англо- и испаноязычных глянцевого журналов активно используются гендерно нейтральные лексические едини-

цы, в том числе местоимения, что свидетельствует о выполнении требований гендерной корректности, характерной для современного медийного дискурса, а также говорит о тенденции к гендерной дихотомии и росту политкорректности западного общества.

С другой стороны, некоторые особенности использования гендерно маркированных лексических единиц (агентивные лексемы в женском глянце, номинативные единицы с оценочной коннотацией в мужском) позволяют сделать вывод об изменении существующих ранее стереотипных образов и патриархальных гендерных представлений, а также об изменении социальных ролей мужчин и женщин, укреплении их равных социальных возможностей в современном обществе. Данные языковые средства способствуют формированию и укреплению таких стереотипных образов, как *Mujer de negocios/Businesswoman*, *Instagram-influencer* и *Hombre-modelo/Man-model*, некогда не существовавших, а теперь активно транслируемых дискурсом глянца.

На сегодняшний день гляцевые журналы в электронной форме являются важнейшим сегментом масс-медийного дискурса, претендующего на роль разработчика социокультурных, идейных и эстетико-стилистических форм. Таким образом, можно считать, что выявленные результаты гендерной стереотипизации в языковом сознании общества отражают образ современных мужчины и женщины как образцов для гендерной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке [Электронный ресурс]. 2002. URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/01_06.htm (дата обращения: 28.04.2018).
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
3. Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб.: ЗАО Издательский Дом «Питер», 2003. 479 с.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ УКРАИНСКИХ БЛОГЕРОВ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ЯЗЫК ВРАЖДЫ

Аннотация: В работе с лингвистической точки зрения произведён анализ «языка вражды», используемого украинскими блогерами в отношении Русской православной церкви. Рассматриваются негативно-оценочные средства языка, применяемые для актуализации психологического воздействия на участников социально-сетевого дискурса, формирования предубеждений и стереотипов. Исследуемая коммуникация представлена на фоне политического кризиса между Украиной и Россией.

Ключевые слова: Лингвистика информационно-психологической войны, «язык вражды», коммуникация, речевая агрессия, предубеждения, общественное сознание, Русская православная церковь.

Abstract: From a linguistic point of view this work, an analysis of the “hate speech” used by Ukrainian bloggers in relation to the Russian Orthodox Church was made. Negative-evaluative means of the language used to update the psychological impact on participants in social network discourse, the formation of prejudices and stereotypes are considered. The investigated communication is presented against the backdrop of the political crisis between Ukraine and Russia.

Keywords: Linguistics of information and psychological warfare, “hate speech”, communication, verbal aggression, prejudices, public consciousness, Russian Orthodox Church.

Обострившийся кризис в отношениях между Россией и Украиной, между РПЦ и Украинской православной церковью Киевского патриархата (в настоящее время – автокефальной Православной церковью Украины) стал основной причиной распространения «языка вражды» в отношении Русской православной церкви в блогосферах. Исследование настоящей темы может помочь выявить способы отражения конфликта в социально-сетевом дискурсе. Практически значимо это на фоне обострения межэтнического противостояния между украинцами и россиянами в первые десятилетия XXI в.

Интернет-блоги включают в себя достаточно содержательный материал для изучения «языка вражды», так как в социально-сетевом дискурсе относительная анонимность участников и отсутствие цензуры дают большую свободу для вербальной агрессии. Интернет-коммуникация сегодня побуж-

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Фельде.

дает к пересмотру представлений об уровне агрессивности человека и становится её своеобразным индикатором. Помимо этого, нестабильная геополитическая обстановка мотивирует появление в блогах большого количества маркеров «языка вражды». Покажем это на примере вербальных и поликодовых текстов, опубликованных украинскими блогерами. Данные тексты отобраны нами методом сплошной выборки с видеохостинга «Youtube», блога на базе веб-сайта www.i.ua, веб-сайта znaj.ua, тематически связаны с РПЦ. Также материалом исследования выступили публикации веб-ресурса <https://defence-line.org>, который представляет собой блог, имеющий отдельные домен и хостинг. На настоящей платформе размещены тексты, преимущественно выражающие резкую критику в адрес России. Автор (или коллектив авторов), который выступает под никнеймом Anti-colorados, сообщает о том, что ресурс создан для того, «чтобы противостоять чудовищной пропагандистской машине РФ». При этом отмечается, что материал не является объективным, так как во главу угла ставятся интересы Украины [<https://defence-line.org/o-nas/> – дата обращения: 04.01.19 г.].

Под блогом мы понимаем «асинхронный жанр интернет-коммуникации, предполагающий периодические записи (посты), расположенные в обратном хронологическом порядке и позволяющие читателям оставлять свои комментарии к заметкам автора» [Горошко, 2007: 53]. В анализируемых нами блогах авторы рассуждают о политике, власти, экономике, социальных проблемах и других вопросах. Особое место занимает освещение событий о РПЦ на фоне конфликта на Украине. При использовании языка вражды происходит навязывание со стороны блогеров своего речевого поведения, отказ от диалогичности. Отсутствует желание создания общего языкового пространства участников общения. Наблюдается такое явление как троллинг, которое препятствует участникам блогов открыто высказывать своё мнение, противоположное автору публикации. Чаще всего блогеры выступают под вымышленными именами: Вольнов Talks, Pozor Mira Vsego, Nahibator и др.

Мишенями речевой агрессии блогеров выступает сама РПЦ как духовный институт, глава РПЦ – патриарх Кирилл, а также священники РПЦ.

Выявленные нами тексты в материалах блогов, можно объединить, используя критерии А.М. Верховского, в три группы: «жесткий “язык вражды”», «средний “язык вражды”», «мягкий “язык вражды”» [Верховский, 2002: 42–43]. Жесткий язык вражды выражен призывами к насилию и дискриминации; в жёстких контекстах встречаются грубо-просторечные высказывания: «...ФСБ МП (об Украинской православной церкви (Московского патриархата) – самоуправляемой церкви в составе РПЦ – К.В.) надо гнать ссаными тряпками...» (Ярослав, 28.07.17 г., <https://defence-line.org/2017/07/rpc-mp-i-drugie-pechalnye-klouny/> – дата обращения: 04.01.19 г.); «Смерть врагам!» (Речь в публикации о РПЦ на Украине. Блогер с никнеймом Чувачечий заканчивает текст словами: «Слава Україні! Смерть врагам!» (Чувачечий, 01.10.18 г., <https://clck.ru/G9bLG> – дата обращения: 04.01.19 г.). Настоящая фраза содержит в себе начало и окончание двух украинских лозунгов: «Слава Україні – Героям слава!» и «Слава нації! – Смерть врагам!». Первый лозунг известен с 40-х гг. XX в. Принят он был на II Съезде Организации украинских националистов в 1941 г. и присутствует в ряде документов этой организации. Лозунг имеет схожее построение синтаксических единиц, а также аналогичный акцентологический принцип с немецким национал-социалистическим приветствием «*Heil Hitler! Sieg Heil!*» («Слава Гитлеру! Победе Слава!»). Структура лозунга также полностью совпадает с нацистским вариантом. В годы Второй мировой войны клич «Слава Україні – Героям слава!» использовался украинскими националистическими формированиями. С 1991 г. учащается использование настоящего лозунга. В 2018 г. на Украине он становится официальным приветствием армии и полиции [Ленин, 2018]. Лозунг «Слава нації! – Смерть врагам!» возник в среде украинской политической партии праворадикального толка – Украинской национальной ассамблеи – Украинской народной само-

обороны (УНА-УНСО) в нач. 90-х гг. прошлого века. Он использовался в качестве приветствия украинских националистов [Матишов; Котеленко, 2016].

В текстах этой группы используются глаголы в повелительном наклонении в значении побуждения к чему-либо, а также националистические лозунги.

К текстам, объединённым в группу «средний язык вражды», относятся такие, в которых есть указание на связь РПЦ с российскими политическими и государственными структурами с целью её дискриминации. В данных текстах используются ярлыки: *«ГРУ – главное религиозное управление»* – ассоциатив с Главным разведывательным управлением – К.В. (Nahibator, Дурдом роисся, часть 123, 15.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9ani> – дата обращения: 04.01.19 г.); *«сталінськопутінської РПЦ»* (SOKILDNISTER+, 02.12.18 г., URL: <https://clck.ru/G9afU> – дата обращения: 04.01.19 г.); *«ОПГ (Организованная преступная группировка – К.В.) РПЦ»* (Anti-colorados, 22.01.17 г., URL: <https://defence-line.org/2017/01/opg-grpc-dokole/> – дата обращения: 04.01.19 г.); *«ФСБ МП»* (о РПЦ – К.В.), *«...остальные просто обязаны отмежеваться от него (патриарха Кирилла – К.В.) и от его филиала ФСБ»* (там же). Примечателен никнейм Anti-colorados. Перед лексемой «colorados» используется приставка «anti», применяемая для обозначения противодействия. Лексема «colorados» является вариантом неологизма интернет-коммуникации «колорады», написанного с помощью латиницы. Представленным словом обозначаются граждане России, а также пророссийски настроенные люди. Неологизм появляется перед Днём Победы, когда граждане Украины, выступающие против прихода новой власти, надевают георгиевские ленты. Лексема «колорад» создана с помощью процесса универбализации словосочетания «колорадский жук». Далее происходит метафорический перенос значения по смежности – цвет георгиевской ленты сравнивается с цветом колорадского жука. Настоящий неологизм, имеет пейоративное значение и представляет метафору вредительства, ненасытимости и, в более широком смысле, врага. Слово «колорад» представляет собой ярлык – идео-

логический штамп, несущий посыл демонизировать пророссийски настроенного населения Украины, а также граждан России. С помощью никнейма «Anti-colorados» автор самопрезентует себя как борца с вышепредставленными категориями. Как мы понимаем, оружием в этом случае выступают преимущественно средства русского языка.

Тексты, эксплицирующие «средний» язык вражды, изобилуют коммуникативными актами обвинения РПЦ в поддержке военных преступлений, в незаконной деятельности РПЦ на территории Украины. В них используются ярлыки, которые выражаются различными стилистическими средствами эпитетами: *«Если не хватает смелости просто запретить эту банду, как террористическую организацию (наподобие ИГИЛ или Талибана) <...> она (РПЦ – К.В.) последовательно и активно принимает участия в самых гнусных военных преступлениях российской власти, которая уже угрожает миру ядерным оружием» <...> «...обязаны отреагировать на жесткую антиукраинскую позицию этих диверсантов»* (Anti-colorados, 22.01.17 г., URL: <https://defence-line.org/2017/01/org-rpc-dokole/> – дата обращения); *«Российская православная церковь – это незаконная организация, которая не получила томоса от Константинопольского патриарха и, по сути дела, является сектой»* – комментарий к видео (Pozor Mira Vsego, 25.09.18 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rpuNwErOnNU> – дата обращения: 04.01.19 г.). Встречаются утверждения о моральных недостатках, выраженные ярлыками: *«Русская Православная Церковь – Церковь воров и лжецов»* (Captain Vaticano, 08.07.16 г. <https://www.youtube.com/watch?v=7sb3zMEN7l8> – дата обращения: 04.01.19 г.).

Так называемый «мягкий язык вражды» представлен примерами в которых приводятся негативно-оценочные цитаты из разных текстов, без соответствующего комментария: *«„И именно поэтому я поддерживаю предложение Порошенко создать свою церковь – независимую украинскую церковь – и в конце концов покончить с „фээсбэшниками“ в рясах, которые занимаются только стукачеством и пропагандой”, – подытожил Алексей Голо-*

буцкий» (ГалинаВ, 24.12.18 г., URL: <http://blog.i.ua/community/3214> – дата обращения: 04.01.19 г.); *«Хотя, Невзоров верно подметил, что библия – учебник экстремизма»* (Dark Energy, 18.01.18 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0V3GXENQ9QI> – дата обращения: 27.12.18 г.). Тексты, в которых выражен «мягкий» язык вражды, в публикациях украинских блогеров в количественном отношении уступают текстам других типов («жесткий» и «средний»).

Важнейшим языковым средством формирования языка вражды всех рассмотренных выше типов выступает лексика. Блогерами применяются нарочито грубые, вульгарные, стилистически сниженные слова и выражения, дискредитирующие РПЦ, священнослужителей и формирующие её восприятие как подозрительного и нежелательного института, вызывающего неприязнь или отвращение.

Представлена лексика со значением чуждости и агрессии, распространённая в жаргонах, арго, в просторечии. Жёсткость коннотаций градуируется от иронично-пренебрежительных до уничижительных, презрительных, бранных. Приведём пример: *«конвейер канонизации кровавых ублюдков (об РПЦ – К.В.), начиная с ордынского холоуя и палача Александра Невского и заканчивая нарциссом и ублюдком Николаем 2»* (Anti-colorados, 22.01.17 г., URL: <https://defence-line.org/2017/01/opg-rpc-dokole/> – дата обращения: 04.01.19 г.). В приведенных выше высказываниях выявляется эмоциональный тип оценки, даются отрицательные морально-нравственные характеристики исторических личностей.

Основная интенция блогеров: оскорбить и очернить святых РПЦ, её главу – патриарха Кирилла и священнослужителей. Так, лексема «ублюдок» используется для номинации человека с низменными, животными инстинктами. Имеет помету «грубо». Лексема «холоуй» применяется по отношению к раболепствующему, прислуживающему человеку. В словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой указано, что слово «холоуй» «употребляется как бранное слово, которым обзывают такого человека» [НСРЯТС]. Словарные пометы

«бранно», «грубо» означают, что в слове содержится соответствующая эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого слова или явления. Встречаются также такие лексемы как «*дрянь*» (Anti-colorados, 22.01.17 г., URL: <https://defence-line.org/2017/01/opg-rpc-dokole/> – дата обращения: 04.01.19 г.), «*шайка*» (Anti-colorados, 22.01.17 г., URL: <https://defence-line.org/2017/01/opg-rpc-dokole/> – дата обращения: 04.01.19 г.) Обратившись к словарю, мы отмечаем, что лексема «дрянь» имеет помету «бранно» и используется для обозначения плохого, ничтожного, скверного человека. Лексемой «шайка» обозначается группа людей, объединившихся для преступной деятельности [БТСРЯ].

Кроме того, в блогах встречаются жаргонизмы: «„Дяденька, прости засранца“ – Невзоров вновь порвал ватные пердаки РПЦ»; «Как отметил политолог, “украинская церковь должна быть без стукачей и любителей “русского мира”» (ГалинаВ, 24.12.18 г., URL: <http://blog.i.ua/community/3214> – дата обращения: 04.01.19 г.); «стукачество» (ГалинаВ, 24.12.18 г., URL: <http://blog.i.ua/community/3214> – дата обращения: 04.01.19 г.)

В публикациях украинских блогеров можно увидеть эрративы: «шуты мацковской секты» (Вольнов Talks, 22.12.18 г., URL: https://www.youtube.com/watch?v=yYapmucP4_I&t=15s – дата обращения: 04.01.19 г.).

Язык весьма чувствителен к внешним воздействиям и изменение социальных настроений порождает новые лексические единицы. В связи с этим и язык вражды продолжает развиваться и пополняется новыми номинациями. Приведём примеры окказионализмов из анализируемого материала: «особохромосомники» (о РПЦ – К.В., публикуется видеоклип украинского музыкального проекта «Мирко Саблич», зло высмеивающий РПЦ) (Dark Energy, 04.11.18 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rAIIy4wZdfI> – дата обращения: 04.01.19 г.). В представленном примере мы видим комическое словотворчество. Так, присутствует намёк на болезни, обусловленные аномалией числа хромосом или изменением их структуры (синдром Дауна, синдром Па-

тау, синдром Эдвардса). Другим примером окказионализма является слово «*паханат*» – «секта чекистского *паханата*» (от слова «пахан» – жарг. – главарь преступной группировки [БТСРЯ]) (Nahibator, Дурдом роисся, часть 123, 15.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9ani> – дата обращения: 04.01.19 г.).

В анализируемом материале присутствовало обыгранное и искажённое имя собственное: «*Гундяй*» (Nahibator, Дурдом роисся, часть 124, 16.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9aqL> – дата обращения: 04.01.19 г.).

Приведенные выше слова и выражения имеют оскорбительные, уничижающие коннотации.

В украинском сегменте интернета используются стилистические средства языка вражды. Среди них: ирония, перифраз, метафора, цитация.

Нами было выявлено, что в качестве стилистических средств языка вражды украинскими блогерами в отношении РПЦ используются образные негативно-оценочные средства, преимущественно метафорического характера: «*твари скрепные*» (Dark Energy, 18.01.18 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0V3GXENQ9QI> – дата обращения 27.12.18 г.), «*мрази московского патриархата*» (Вольнов Talks, 25.09.18 г., URL: https://www.youtube.com/watch?v=yYapmucP4_I&t=15s – дата обращения: 04.01.19 г.), «*сатанисты в генеральских лампасах*» («сатаністів у генеральських лампасах»), 06.11.18 г., <https://clck.ru/G9asB> – дата обращения: 04.01.19 г.); «*гундяевские уроды*» (Dark Energy, 18.01.18 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0V3GXENQ9QI> – дата обращения: 27.12.18 г.). Выражение «*гундяевские уроды*» применяется в отношении священнослужителей Украинской православной церкви Московского патриархата. Лексема «урод» использована в значении «тот, кто вызывает неудовольствие, раздражение». В словаре под редакцией С.П. Кузнецова представлено с пометами «гнев. бранно» [БТСРЯ]. В отношении РПЦ используется метафора «*политический карго-культ*». (Mason Lemberg, URL: <https://clck.ru/G9b3K> – дата обращения: 04.01.19 г.). Термин «карго-культ» изначально начал употребляться в английском языке («cargo cult»).

но переводится как «поклонение грузу». Впервые он был использован для описания антропологического явления, сутью которого является выполнение религиозных обрядов жителями Меланезии, с помощью созданных ими же различных моделей объектов западного производства (самолёты, вертолёт, радиостанции и др.). Племена Меланезии принимали использование вышеперечисленных средств американскими военными, находящимися на их территории, за выполнение обрядов и прочтение молитв. А следствием этих действий, по их мнению, выступало благополучие присутствовавших там граждан США. Термин «карго-культ» в современном прочтении может использоваться для обозначения ситуации, когда участники воспроизводят некие действия, не понимая их истинного значения, в надежде получить тот же результат, что был представлен в заимствованной среде [Дзедик, Васильева, 2016]. Таким образом, метафора «политический карго-культ» отражает мнение о примитивной ничем не обоснованной вере представителей РПЦ, находящейся в зависимости от политической сферы. Приведём ещё пример используемых метафор: *«Русская православная церковь, которая первой должна была осудить творимое государством зло, настолько с ним в доле, что для всех искренне верующих людей давно сама уже стала олицетворением зла»* (Nahibator, Дурдом роисся, часть 123, 15.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9ani> (дата обращения: 04.01.19 г.)). Представлены морбиальная метафора и сравнительные обороты: *«Московские попы после объявления автокефалии Украинской Православной Церкви потеряли даже остатки приличия и с пеной у рта, подобно чёрным шаманам, камлают: теперь прольётся чья-то кровь, кровь, кровь. Украина как хороший экзорцист сняла маски с этих бесов и начала их изгнание», «РПЦ истошно голосило»* (Nahibator, Дурдом роисся, часть 124, 16.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9aqL> – дата обращения: 04.01.19 г.); *«...приходы РПЦ будут редеть, как российская пехота, разбитая украинскими градами»*. Морбиальная метафора характеризуется более выраженной экспрессивностью, передавая оценку.

У блогеров также встречаются перифразы: «*Секта московіан (донедавна відома як РПЦ)*»; «*Схизмати московські*» (Nahibator, 17.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9aqL> – дата обращения: 04.01.19 г.)

Авторами также цитируются агрессивные высказывания без соответствующего комментария, определяющего размежевание между мнением блогера и позицией автора текста. Так, блогер evgstereo цитирует публикацию пользователя «Facebook» Ивана Симочкина: «*Украина полностью под пятой РПЦ МП – мракобесного античеловеческого агрессивного диверсионно-идеологического подразделения Лубянки*» (evgstereo, 13.11.18 г., URL: <https://clck.ru/G9asB> – дата обращения: 04.01.19 г.). Негативный образ РПЦ создается также за счет обильного использования изобразительно-выразительных эпитетов с изначально отрицательным значением. Используемые прилагательные в приведенных словосочетаниях содержат в себе компонент «плохой», «нехороший», что способствует формированию негативного образа у участников интернет-коммуникации.

Мы установили, что доминирующими способами усиления значения и создания отрицательного образа выступает ирония. Встречается гротеск выраженный с помощью ситуативной аллюзии на новостные публикации о «Петрове» и «Боширове»: «*...агент Гундяев подговаривает своего непосредственного начальника отправить Петрова и Боширова с «новичком» в Константинополь*» (комментарий к фотографии, на которой изображены патриарх Кирилл и В.В. Путин – К.В.) (Nahibator, Дурдом роисся, часть 124, 16.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9aqL> – дата обращения: 04.01.19 г.). В тексте присутствует ироничный намёк на события недавней истории. Гротеск также представлен в следующем тексте: «*Говорят, чтобы теперь отличаться от Украинской православной церкви, в РПЦ решили креститься дулей...*» (Nahibator, там же). В этом предложении мы видим реминисценцию на Раскол Русской церкви в 1650-х гг., когда в ходе реформы патриарха Никона были приняты изменения, в том числе в нанесении крестного знамени. В качестве средств используется разговорно-сниженная лексема «дуля». В предложении

также используется устаревшая лексика («москвиты») и выражение «добывать огонь», с помощью которых происходит намёк на исторический этап развития общества. Представлено также сознательное обыгрывание постулата ясности: «– *Как на церковно-славянский переводится ФСБ? – РПЦ*» (Nahibator, Дурдом роисся, часть 121, 13.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9ani> – дата обращения: 04.01.19 г.). В тексте с помощью намёка происходит указание на связь РПЦ с российскими государственными структурами.

Используется демегафоризация, что создаёт определённый комический эффект: «*Теперь москвиты будут добывать благодатный огонь с горящего пердака гундяя*» (Nahibator, Дурдом роисся, часть 124, 16.10.18 г., URL: <https://clck.ru/G9aqL> – дата обращения: 04.01.19 г.).

Итак, в ходе анализа установлено, что публикации украинских блогеров и авторов веб-сайтов представлены главным образом «жёстким» и «средним» типом языка вражды. Основным средством её выражения является оценочная лексика и стилистические средства языка (метафора, сравнение, эпитет, ирония).

Активное использование языка вражды оказывает негативное воздействие на языковую культуру общества, формируется агрессивное восприятие действительности и, как следствие, агрессивная социальная среда. В настоящее время наметилась тенденция учащения применения языка вражды в блогосфере и, в частности, в публикациях украинских блогеров, что может быть обусловлено обострением политической обстановки, нестабильностью общества, которое подвержено деградации в условиях социальных противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://gramota.ru/slovari> (дата обращения: 13.01.19.)
2. Верховский А.М. Общий анализ результатов мониторинга // *Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ* / сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр "Панорама"», 2002. С. 20–48.

3. Горошко Е.И. Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. Вып. 5. М.: ИЯ РАН. 2007. – С. 52–63.

4. Дзедик В.А., Васильева С.И. Исследование влияния карго-культа на эффективность систем менеджмента качества // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. No 4 (37). С. 123 – 127. [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27309888_65847299.pdf (дата обращения: 23.05.19.)

5. Ленин А. Рада утвердила приветствие «Слава Украине» в армии / Российская газета 04.10.18 г. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2018/10/04/rada-utverdila-privetstvie-slava-ukraine-v-armii.html> (дата обращения: 03.04.18.)

6. Матишов Г.Г., Котеленко Д.Г. Украинские националисты на страже американских интересов // Власть. 2016. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskie-natsionalisty-na-strazhe-amerikanskih-interesov> (дата обращения: 23.05.19.)

7. НСРЯТС – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Ефремова Т.Ф. М.: Русский язык [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 13.01.19)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ ГЕРМАНИИ

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению случаев включения прецедентных феноменов в политическую рекламу Германии, а также их функционированию в рекламном дискурсе. Материалом исследования являются тексты политической рекламы, в период парламентских выборов Германии в 2017 году.

Ключевые слова: Политическая реклама, типология прецедентных феноменов, функции прецедентных феноменов.

Abstract: The article is devoted to questions concerned with cases of precedence phenomena and functioning of these phenomena in the advertising discourse. The material of research is political advertising texts appeared during the period of Germany federal elections, 2017.

Keywords: Political advertising, precedent phenomena classification, precedent phenomena functioning

Значимость рекламы в современном обществе постоянно растет, поэтому на сегодняшний день существует множество исследований данного феномена с точки зрения различных наук. В рамках лингвистической науки рекламный текст становится объектом для изучения языковых средств, представляющих изменения в жизни общества, а также зарождение новых идей и тенденций.

Актуальность темы данного исследования обусловлена постоянным изменением ценностей и тенденций в обществе, а также выражением этих ценностей посредством рекламы. Изменения политической ситуации в стране очень четко выражаются через призму политической рекламы как способа выражения ценностей и антиценностей определенного периода времени.

Научный руководитель – канд. филол. наук Л.М. Штейнгарт.

Статья подготовлена по материалам доклада, признанного лучшим жюри конференции «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека», 23-24 апреля 2019 г.

Объектом данной исследовательской работы являются прецедентные феномены в немецкоязычных текстах политической рекламы. Предметом исследования выступают функции прецедентных феноменов в немецкоязычных текстах политической рекламы. Цель исследования – выявление и описание функций прецедентных феноменов в текстах политической рекламы немецкоязычных стран.

Рассмотрим основные теоретические положения, взятые за основу в данном исследовании.

В одной из своих работ Д.В. Олышанский приводит следующее определение рекламы: «Реклама – это печатное, рукописное, устное или графическое уведомление о лице, товаре, услугах или общественном движении, открыто исходящее от рекламодателя и оплаченное им с целью увеличения сбыта, расширения клиентуры, получения голосов или публичного одобрения» [Олышанский, 2002: 323].

В рамках исследовательской работы используется определение политической рекламы, предложенное С.Ф. Лисовским: «политическая реклама – один из типов рекламы, который характеризуется как вид политической коммуникации, выраженный в доступной и запоминающейся форме» [Лисовский, 2000: 8]. Определение С.Ф. Лисовского является релевантным для данного исследования, так как из него можно вычленить составляющие политической рекламы. Так, целью политической рекламы является побуждение объекта рекламы (избирателей) принять участие в том или ином политическом процессе. Субъектом политической рекламы выступает рекламодатель, то есть политическая организация или партия. Предмет политической рекламы – это кандидат или его партия

Для определения прецедентных феноменов мы пользуемся дефиницией В.В. Красных. Так, под прецедентными феноменами (ПФ) мы понимаем феномены, «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обра-

щение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных, 1997: 9–10].

В концепции прецедентных феноменов, созданной Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой, выделяются прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентное имя (ПИ) [Багаева, Гудков и др., 1997: 82].

Под прецедентной ситуацией авторы понимают некую ситуацию, которая известна всем представителям определенного лингвокультурного сообщества, а также вызывающая определенные коннотации у данных представителей. Прецедентный текст определяется как «сложный знак; законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности» [Там же: 83]; к числу ПТ относят художественные произведения, тексты реклам и песен и т.д. Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности» [Там же]. В данном случае цитаты и пословицы являются ПВ. Наконец, прецедентное имя – это имя, которое является символом и своего рода знаком, определяющим какие-либо характеристики апеллируемого имени [Там же].

В рамках данной статьи мы используем для анализа классификацию функций ПФ, предложенную Г.Г. Слышкиным. В своей работе автор говорит о персуазивной, парольной, людической и номинативной функциях ПФ в тексте [Слышкин, 2000: 85].

Номинативная функция обусловлена способностью ПФ называть объекты и явления действительности. Автор указывает, что чаще всего в данной функции выступает прямое цитирование, выраженное в форме сравнения и перифраза [Там же: 85].

Выполняя персуазивную функцию, ПФ могут воздействовать на читателя, убеждая в чем-либо. Персуазивная функция ПФ чаще всего проявляется в дискуссиях и спорах, где есть необходимость воздействовать, убедить или побудить к действию своего оппонента [Там же: 92].

В людической функции ПФ чаще проявляются в виде языковой игры. Цель данной функции заключается в своеобразном «оживлении» текста, а также развлечении адресата [Там же: 95].

Парольная функция ПФ служит для обнаружения общности автора и читателя, задавая «пароль» посредством использования определенных языковых средств, понятных лишь определенному сообществу, таким образом отделяя «своих» от «чужих» [Там же: 97].

Рассмотрим далее, как феномены прецедентности проявляются в текстах политической рекламы Германии, а также, какие функции они призваны выполнять в текстах данного типа.

В предвыборной рекламе партии «Зелёных» (Die Grünen) можно найти текст следующего содержания: «*Umwelt ist nicht alles, aber ohne Umwelt ist alles nichts*». («Окружающая среда – не все, но без окружающей среды всё – ничто»). Данный текст представляет собой прецедентное высказывание и является трансформированной цитатой немецкого философа Артура Шопенгауэра, которая в оригинале звучит следующим образом: «*Die Gesundheit ist zwar nicht alles, aber ohne Gesundheit ist alles nichts*» («Здоровье еще не все, но без здоровья всё – ничто»). В этом случае мы видим трансформацию оригинала за счет замены ключевых слов: слово *Gesundheit* «Здоровье» в цитате-источнике заменено на *Umwelt* «окружающая среда» в виду основной деятельности партии (а именно – рассмотрение вопросов охраны природы и окружающей среды), тем самым подчеркивая важность представленных в предвыборной программе пунктов.

В случае с данным рекламным текстом мы можем видеть, как прецедентное высказывание выполняет персуазивную функцию, так как имеющиеся у избирателей «Зеленых» ассоциации с текстом, послужившим источником данного прецедентного высказывания, влияют как на характер восприятия самого высказывания, так и на характер интерпретации содержания рекламного текста. Ассоциация партии «Зеленых» с немецким философом призвана убеждать избирателей поверить им так же, как они верили бы филосо-

фу Артуру Шопенгауэру. Помимо персуазивной функции можно выделить также и парольную функцию, так как прецедентное высказывание задает определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной степени регулирует поведение представителей лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

Рассмотрим следующий пример. В случае рекламного текста партии Die Partei (абр. от Партии труда, права, благополучия животных, элитарного развития и за демократическую инициативу), который звучит как «*Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne süße Tiere streicheln*» («За Германию, в которой нам нравится гладить животных»), мы видим, как автор данного рекламного текста трансформирует предвыборный лозунг политической партии ХДС (Христианско-демократический союз) на выборах в Бундестаг ФРГ в 2017 году «*Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben*» («За Германию, в которой нам нравится жить»). Так как Die Partei заявляет в своей программе рассмотрение вопроса защиты животных, составители рекламного текста заменяют глагол leben («жить») в первоисточнике на выражение süße Tiere streicheln («гладить милых животных»), убеждая, таким образом, потенциальных избирателей в своих намерениях, а также привлекая внимание к этой проблеме посредством использования предвыборного рекламного текста лидирующей партии.

В представленном случае мы видим реализацию персуазивной функции: использование прецедентного высказывания, принадлежащего действующей партии (частота появления которого выше, чем частота появления рекламных текстов других партий), выступает средством убеждения избирателей, а замена лексических средств в высказывании-источнике является способом акцентирования внимания на тех проблемах, рассмотрением которых партия ХДС не занимается. Убеждение и акцентирование внимания на различных аспектах жизни Германии являются способами воздействия, то есть данное прецедентное высказывание выполняет персуазивную функцию.

В связи с нынешним миграционным кризисом в Европе, и в Германии, в частности, в программах некоторых партий (например, партии AfD – «Альтернатива для Германии», NPD – «Национал-демократическая партия Германии») наряду с выпадами против наплыва мигрантов, присутствует и критика ислама. В рекламном тексте «*Maria statt Scharia*» («Мария вместо Шариата») Национал-демократической партии Германии (НДПГ) имя Мария выступает прецедентным именем, так как данное имя является эффективным языковым средством, с помощью которого автор не только на основе ассоциативной связи отсылает реципиента к прецедентной ситуации, связанной с этим именем, но и показывает свое отношение к определенному акту. Имя Мария используется как особый культурный знак, который выступает своего рода символом определенных качеств.

Прецедентное имя в данном рекламном тексте выполняет персуазивную функцию и убеждает потенциальных избирателей поверить данной партии, что ее представители «освободят» страну от мусульманских граждан-мигрантов.

Помимо персуазивной функции, можно также выделить людическую функцию, так как созвучие «Maria – Scharia» позволяет «оживить» таким образом предвыборный плакат Национал-демократической партии Германии и «развлечь» адресата, делая текст запоминающимся и постоянно воспроизводимым в памяти представителей немецкоязычного лингвокультурного сообщества.

Таким образом, рассмотрев некоторые случаи включения прецедентных феноменов в тексты политической рекламы, можно сделать следующие выводы:

- 1) Прецедентные феномены используются автором текста политической рекламы для того, чтобы привлечь внимание читателя на первоисточник. Это обращение может убедить читателя как потенциального избирателя сделать выбор в пользу той или иной партии посредством предложенных

ценностных ориентаций в известных для представителей той или иной культуры текстах.

2) 20% рассмотренных текстов политической рекламы на немецком языке являются текстами, включающими прецедентные феномены.

3) 20% всех текстов с прецедентными феноменами являются прецедентными текстами. 50% являются прецедентными высказываниями. 20% прецедентными ситуациями и 10% – прецедентные имена.

4) Прецедентные феномены в текстах политической рекламы выполняют, в основном, персуазивную функцию: это объясняется и прагматической установкой политической рекламы – цель политической рекламы заключается в подаче максимума информации в минимальном количестве текста, чтобы убедить потенциального избирателя сделать свой выбор в пользу той или иной партии/кандидата.

5) Чаще всего в роли прецедентных феноменов в политической рекламе выступают прецедентные высказывания – цитаты известных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташева Е.М. Воздействующий потенциал телевизионного рекламного дискурса // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 90–91.

2. Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык – Сознание – Коммуникация. Москва. 1997. №1. С. 82–103.

3. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык – Сознание – Коммуникация. Москва. 1997. № 2. С. 5–12.

4. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 256 с.

5. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

6. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Akademia, 2000. 128 с.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ИСПАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация: Статья посвящена описанию фразеологических единиц испанского языка как источника гендерных стереотипов. Особое внимание уделено языковой репрезентации маскулинности и фемининности в отношении биологического и психологического портрета мужчин и женщин, а также их социальных ролей. Проводится сравнительный анализ мужских и женских стереотипов.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, гендерный стереотип, фразеология, фразеологическая единица.

Abstract: The article is devoted to the study of the Spanish phraseology as a source of gender stereotypes. The main focus is the language representation of masculinity and femininity in relation to the biological and psychological portrait of men and women, as well as their social roles. A comparative analysis of the stereotypes of masculinity and femininity is carried out.

Keywords: gender, gender linguistics, gender stereotype, phraseology, phraseological unit.

С момента возникновения гендерной лингвистики, изучающей проявления «мужского» и «женского» в единицах языка, гендерные исследования часто являются объектом исследования в области гуманитарных наук. Вопросы о связи языка и видов человеческой деятельности всегда находятся в поле зрения лингвистов, так как именно язык является инструментом общения, обмена информацией и выражения мыслей и чувств.

В нашем исследовании под гендером мы понимаем «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [Гендер, 2002].

Посредством углублённого изучения определённых лексических единиц становится возможным зафиксировать менталитет людей, говорящих на определённом языке, обозначить специфические черты национального характера. Фразеологический фонд языка – это та основа, на которой базиру-

Научный руководитель – канд. филол. наук Е.А. Кругликова.

Статья подготовлена по материалам доклада, признанного лучшим жюри конференции «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека», 23-24 апреля 2019 г.

ются ценностные ориентиры и приоритеты человека, а также стереотипы, которые часто формируются в сознании человека за счёт средств массовой информации и мнения других людей. Каждый человек подвержен их влиянию, оценке и, вследствие этого, он создаёт необъективную картину мира. В результате включаются механизмы стереотипизации. Стереотип, некая «фиксированная картинка», прочно въедается в наше мышление и не позволяет давать объективную оценку.

По словам В. Н. Телии, фразеологические единицы отображают и закрепляют в языке национальные, культурные стереотипы каждого народа, выражают менталитет определённой лингвокультурной общности. Более того, люди часто опираются на фразеологизмы, формируя свой собственный образ. Появившиеся отсюда стереотипы задают определённые поведенческие формы для человека [Телия, 1996: 9].

В нашем исследовании мы придерживаемся определения гендерных стереотипов как «стандартизированных представлений о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям "мужское" и "женское"» [Воронина, 1992: 16].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить и описать гендерные стереотипы и способы их языковой репрезентации в испанских фразеологических единицах.

Материалом для исследования послужили 272 фразеологических единиц испанского языка, отобранных путём сплошной выборки из «Испанско-русского фразеологического словаря» Э. И. Левинтовой [Левинтова, 1985].

При отборе фразеологических единиц мы использовали два критерия: семантический и структурный. Семантический критерий основан на дефинициях фразеологизмов, в которых присутствуют слова, указывающие на лицо мужского и женского пола (например, *andar a faldas* ‘волочиться за женщинами’). Структурный подход подразумевает наличие в структуре фразеологизма слов, обозначающих лицо мужского и женского пола *hombre, mujer, chico, chica, Señor, Señora* и т.д.

В ходе исследования мы выделили три основные контекстуальные группы, содержащие в себе гендерную коннотацию: фразеологическая вербализация биологического портрета (внешность, возраст), фразеологическая вербализация психологического портрета (характер, интеллектуальные способности), фразеологическая вербализация социальных ролей (семья и родственные отношения, положение в обществе).

Таблица 1. Распределения единиц по их семантике

Семантика	Описания мужчин (127 единиц)	Описания женщин (145 единиц)
Внешность	15	40
Возраст	13	8
Характер	58	34
Интеллектуальные способности	12	4
Семья и родственные отношения	12	14
Положение в обществе	17	49

В ходе анализа фразеологических единиц первой группы с семантикой внешности мы пришли к выводу, что мужчины репрезентируются красивыми и ухоженными, а также высокими и худыми: *gato de azotea* ‘кощей’ (сравнение с уличным худым котом), *como mula de alquiler* ‘очень худой, тощий, костлявый’ (сравнение с самкой мула), *como un espárrago/triguero* ‘долговязый как жердь’ (сравнение с жердью/спаржей), *hecho un brazo de mar* ‘богато, нарядно одетый мужчина’ (сравнение с широким и длинным заливом), *príncipe azul/encantado* ‘сказочный принц’ (сравнение с принцем).

Что касается женщин, то они чаще всего изображаются как красивыми девушками, которые тщательно следят за своей внешностью (*llevarse a los hombres de calle* ‘привлекать всеобщее внимание, приковывать взоры’, *parecer/ser una pella de oro* ‘быть очень красивой, блистать красотой’ (сравнение со сплавом золота), *capaz de hacer pecar a un santo* ‘чертовски хорошенькая, обольстительная’ (негативная оценка, сравнение с грешницей)), так и наоборот, полными, некрасивыми, неопрятными: *estar muy casera* ‘быть

одетой кое-как, небрежно' (сравнение с домохозяйкой), *parece una garrapata* 'сущая каракатица, жаба (о низкорослой женщине уродливого сложения)'.

Фразеологические единицы с семантикой возраста репрезентируют мужчин в возрасте, стариков: *hombre mayor* 'старик', библеизм *más antiguo/viejo que Noé* 'стар как Мафусаил' (сравнение с библейским персонажем), *viejo petate* 'заносчивый старик', *como ciruela pasa* 'крепкий, сухощавый и жилистый старик' (сравнение с черносливом), *viejo verde* 'молодящийся старик'.

Женщины же представляются как молодыми, так и пожилыми в равной степени. Во втором случае, некоторые фразеологические единицы несут негативную окраску. Например, *buena/guapa/real toza* 'молодая женщина', метафора *capullo de rosa* 'молоденькая девушка, бутончик' (сравнение с бутоном розы), метафора *escoba vieja* 'старая кляча' (сравнение со старой метлой), *como la vieja Quintañona* 'чудная старушенция, старая чудачка' (сравнение с женщиной, которой больше 100 лет).

В ходе анализа фразеологических единиц второй группы с семантикой характера были выявлены единицы, репрезентирующие мужчину как холостяка, который постоянно ухаживает за женщинами: *ir con mujeres* 'путаться с женщинами (мужчине)', *soplar uno la dama a otro* 'отбить невесту у кого-либо', метонимия *andar a faldas* 'волочиться за женщинами'. Также, испанцам характерно наделять мужчин такими стереотипными чертами характера как смелость и мужество и репрезентировать их как 'настоящих мужчин': метафора *fajarse bien las bragas* 'показать, что такое настоящий мужчина', *de hombre a hombre no va nada* 'смельчаки, храбрецы как на подбор', *portarse como un hombre* 'вести себя как настоящий мужчина'.

Подавляющее большинство фразеологических единиц носит негативную оценку в отношении женщины и характеризует её как гордую, хитрую и болтливую (*más coqueta que una perdiz* 'горделивая, важная как куропатка' (сравнение с куропаткой), *pájara pinta* 'ловкая, хитрая женщина' (сравнение с птицей), *yegua rabona* 'грубая, наглая, сварливая женщина' (сравнение с ло-

шадью), *donde el diablo no puede, recurre a la mujer* ‘там, где черт бессилен, он посылает женщину’ (сравнение с прислужницей дьявола), *esto parece una pajarera* ‘настоящий птичий базар’ (сравнение женщин с птицами)).

Фразеологические единицы с семантикой интеллектуальных способностей приписывают мужчине высокий интеллект и образованность: *hombre de mucho seso* ‘способный, толковый, человек с головой’, *el hombre del siglo* ‘выдающаяся личность’, *hombre de ambas sillas* ‘широко образованный человек, эрудит’. В то время как женщина, наоборот, репрезентируется глупой и сравнивается с курицей: *las mujeres a la cocina* ‘не женского ума это дело’, *más tonto que las gallinas de noche* ‘глупая как пробка’, *cabello luengo y corto el seso* ‘волос длинный – ум короткий’.

В ходе анализа фразеологических единиц последней третьей группы с семантикой семьи и родственных отношений мы выявили, что концепт матери и жены является основным признаком феменинности: *parir como un cuí* ‘быть плодovитой как морская свинка’ (сравнение с морской свинкой), *salir de su cuidado* ‘родить’, *como gata/las gatas en Enero* в значении ‘женщина или девушка, которой не терпится выйти замуж’ (сравнение с кошкой), метафора *buena tierra (para siembra)* ‘плодовитая женщина, воплощённое плодородие’ в значении земля, идеальная для посева. Как и концепт мужчины как хозяйственного семейного человека и главы семейства: *hombre de su casa* ‘домовитый, хозяйственный’, *casado y con hijos* ‘отец семейства’, *padre de familia* ‘глава семьи’.

Что касается социального положения, мужчине свойственно занимать низкое положение в обществе и иметь невлиятельную должность: *hombre de nada* ‘бедняк, человек незнатного, низкого происхождения’, *mozo de labranza* ‘батрак, сельскохозяйственный рабочий’, *mozo de campo y plaza* ‘слуга, работавший и по хозяйству, и по дому’, *mozo de paja y cebada* ‘слуга на постоялом дворе’.

Женщине так же приписывают низкий статус, а также профессию девушки лёгкого поведения: *mujer de mala nota/de vida alegre/del arte/del*

partido/de punto/de la vida airada/de mala vida ‘женщина лёгкого поведения’, *mujer de gobierno* ‘экономка, домоправительница; ключница’, *moza de cámara* ‘горничная’, *moza de cántaro* ‘прислуга, служанка’.

При анализе стилистических средств (115 единиц), мы отметили, неравное распределение: 64% стилистических средств были обнаружены в единицах с гендерной маркированностью феменинности, 36 % – маскулинности.

Было выявлено частое использование метафор (61 единица; например, *cabeza de familia, llevar buenos bajos*). В их числе гастрономические метафоры (3 единицы; например, *canela con tilín, azúcar y canela*), зоологические (11 единиц; например, *comer uno gallo muerto, pájara pinta*), природные (4 единицы; например, *hecho un brazo de mar, capullo de rosa*), а также метафоры с негативной оценкой (2 единицы; например, *pelos de demonio/diablo, es el arrabal del infierno*).

Также, мы отметили, что испанцам свойственно употреблять сравнения (46 единиц; *cobarde como una mujer, como las mujeres embarazadas*). В их числе зоонимы, сравнения с представителями животного мира (17 единиц, например, *como gato en Enero, es usted más salada que sardina de cuba*), гастрономические сравнения с продуктами питания (3 единицы, например, *como un espárrago, como ciruela pasa*), сравнения с природой (7 единиц, например, *como un sol, como la rosa en verano*), бытовые сравнения (4 единицы, например, *como un triguero, como un mástil*), а также сравнения, несущие негативную оценку (3 единицы, *como las brujas, más tonto que las gallinas de noche*).

В испанском языке также отмечается использование фразеологических единиц, которые содержат имена нарицательные и аллюзии на известных персонажей из литературы (8 единиц). Например, *Don Juan (Tenorio)* ‘донжуан, женолюб, волокита’ (аллюзия к литературному персонажу Тирсо де Молина ‘Севильский распутник и каменный гость’), *Juan Bimbe* ‘тряпка, рохля, балда, чурбан’ (аллюзия к персонажу стихотворений венесуэльского поэта Андреса Элоя Бланко), *como la mujer de Ulises* ‘стойкая, как Пенелопа’

(аллюзия к Пенелопе, персонажу из ‘Одиссеи’ Гомера), *como la vieja del candilejo* ‘забавная старушка, старушенция’ (аллюзия к старушке из пьесы ‘La vieja del candilejo’, опубликованной Хосе Марией Репульес).

Что касается эпитетов, то фразеологические единицы с гендерной маркированностью фемениности чаще содержат эпитеты в выражениях, репрезентирующих падшую женщину: *mujer mala/ mundana/ perdida/ pública/ alegre*. Единицы с гендерной маркированностью маскулинности носят более положительную оценку: *buen/real/guapo tozo, príncipe azul/encantado*.

Мы пришли к выводу, что самыми распространёнными стереотипами о женщинах являются их роль хранительницы очага, матери и жены, а также невысокие интеллектуальные способности. Отмечается преобладающая негативная оценка женского характера. К стереотипам о мужчинах относятся такие качества как храбрость, смелость, невысокое положение в обществе, а также роль главы семьи.

Проведённый нами анализ продемонстрировал андроцентризм и сексизм языка. Языковые гендерные асимметрии в рассмотренных нами фразеологических единицах показывают, что во фразеологическом фонде испанского языка сохранились традиционные социальные стереотипы, а также отражают некоторые образы, транслируемые современным масс-медийным и рекламным дискурсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина О.А., Клименкова Т.А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект), 1992. С. 10–22.
2. Гендер // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. 2002. URL: <https://goo.gl/4q7rHM> (дата обращения 27.04.2019).
3. Левинтова Э.И. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц. Москва: Русский язык, 1985. 1080 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА
ПОСРЕДСТВОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ЛОКАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ВИДЕОИГРЫ UNCHARTED:
A THIEF'S END НА РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Аннотация: Настоящая работа посвящена исследованию проблемы оценки качества аудиовизуального перевода посредством определения степени локализации как процесса адаптации для носителей другого языка и культуры. В статье рассматриваются различные степени локализации видеоигр и анализируется их влияние на качество конечного аудиовизуального перевода на примере локализации видеоигры «Uncharted: A Thief's End».

Ключевые слова: локализация, аудиовизуальный перевод, лингвокультурологическая адаптация, глубина локализации.

Abstract: This paper addresses the problem of assessing the quality of audiovisual localization as an adaptation process for speakers of another language and culture. More precisely, the article explores the relation between different degrees of video games localization and analyzes their impact on the quality of the audio-visual localization using the example of the video game *Uncharted: A Thief's End*.

Keywords: localization, audio-visual translation, linguoculturological adaptation, depth of localization.

В настоящее время индустрия видеоигр стала неотъемлемой частью нашей жизни, в связи с этим растёт и значимость такого процесса, как «локализация». Многие рассматривают локализацию как лингвистический процесс близкий, либо идентичный переводу. Однако несмотря на то, что перевод играет большую роль в локализации всех продуктов текстового формата, процесс локализации подразумевает гораздо большее.

Согласно определению, данному Международной ассоциацией стандартизации в области локализации (Localisation Industry Standards Association – LISA), «локализация – это процесс адаптации программного обеспечения под конкретные национальные требования (правила классификации и преоб-

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова..

разования одиночных символов, строк; правила национального представления времени и даты, а также чисел с плавающей точкой и денежных величин)» [Esselink, 2000: 3].

Ив Гамбье считает, что локализация как профессиональный прием, а не как название для всей индустрии, ближе всего к переводу. В самом широком смысле локализация заключается в комбинировании языка и технологии для получения результата, способного преодолеть культурный и лингвистический барьеры [Гамбье, 2017: 61].

Концепт локализации постоянно менялся в связи с развитием индустрии локализации и цифровых технологий. Локализация возникла как часть бизнес и маркетинговой стратегии в индустрии программного обеспечения в ответ на необходимость «перевода программного обеспечения» и первоначально была ограничена «переводом на компьютере для компьютера» [Ачкасов 2017: 289].

Согласно А. Пашутиной [Пашутина, 2004], традиционно различают следующие виды локализации (по нарастанию глубины локализации):

- 1) бумажная локализация;
- 2) поверхностная локализация;
- 3) экономичная локализация;
- 4) углубленная локализация;
- 5) избыточная локализация;
- 6) глубокая локализация.

Глубина локализации определяется спецификой, бюджетом проекта и другими факторами. При выборе локализации любой глубины все предыдущие должны автоматически включаться в нее. Иначе говоря, если принимается решение русифицировать игровой звук, разумеется, нужно русифицировать и бумажные материалы, и интерфейс меню, и игровой интерактив [Пашутина, 2004].

Бумажную локализацию практикуют компании-дилеры, которые закупают продукт, печатают для него свою полиграфию и продают. В таком

случае обычно локализуются коробка, регистрационная карточка, обложка к руководству пользователя, руководство, маркетинговые материалы. Такой тип локализации может быть предпочтительней в странах, где высоко знание языка оригинала.

Стандартное издание *Uncharted: A Thief's End* включает в себя буклет с информацией о самой игре, руководство пользователя и гарантийная информация, полностью переведенные на русский язык. Коробку с диском локализовали полностью, оставив без изменений название самой серии *Uncharted*, так как в России данная серия более известна среди игроков под оригинальным названием.

Поверхностная локализация применяется в ситуации, когда издатель хочет добавить в игру больше информации о своей компании. «Обычно в этом случае издатель хочет добавить в игру свою заставку, свой логотип, свой копирайт», – пишет А. Пашутина. В некоторых случаях издатель может вносить изменения и в процесс инсталляции продукта в зависимости от своих предпочтений.

В России и во всём мире изданием данной серии видеоигр занимается Sony Interactive Entertainment, поэтому для компании нет никакой необходимости что-то добавлять – вся необходимая информация уже присутствует в играх.

Для экономичной локализации характерен перевод всей текстовой составляющей игры. Это могут быть игровые диалоги, всплывающие подсказки, статистика, внутриигровое руководство и пр. При экономической локализации звук остается на языке оригинала, а графические объекты не подвергаются никаким изменениям, в связи с чем этот способ локализации является наименее затратным в производстве.

В серии игр *Uncharted* переводится весь текст игры – всплывающие подсказки, игровые диалоги, статистика, раздел помощи и подсказок и т.д.

Для данной серии игр характерно наличие специфического юмора и хорошо построенных диалогов, что обязательно необходимо учитывать при

локализации. Часто именно из-за неправильного понимания юмора в игре появляются ошибки перевода. Как, например, в следующем примере:

Victor Sullivan: Whoo. Looks like he and Baldridge were in a <i>best wig competition</i> .	Виктор Салливан: Похоже у них с Болдбриджем были <i>лучшие парики!</i>
--	--

В данном примере Виктор и Натан разгадывают головоломку, связанную с двумя картинками, на которых изображены двое мужчин с очень длинными париками. В локализации переводчик неверно понял изначальную интенцию Виктора и решил опустить фрагмент про соревнование, в результате чего вместо саркастического высказывания, свойственного Салли, зритель наблюдает неуместное восхищение.

Иногда в процессе перевода теряются важные черты характеризующие отношения персонажей, что можно наблюдать в следующем примере:

Nate Drake: Whoa. How did you know to do that?	Натан Дрейк: Воу. Как ты догадался?
Sam Drake: Well, <i>if there's one thing I've learned from you...</i> Press everything.	Сэм Дрейк: Ну как, <i>основной принцип...</i> Жми на всё.

Сэм и Натан в бункере пытаются найти способ открыть ставни, когда Сэм случайно нажимает на кнопку, открывающую эти ставни. В оригинале Сэм одновременно хвалит и подшучивает над братом, указывая на то, что именно у него научился этому подходу. Но в локализации переводчик снова опускает очень важную деталь про Натана, в результате чего меняется весь смысл реплики Сэма.

Иногда переводчик может просто не заметить в стене переводимого текста, не совсем очевидную, но необходимую для вербального взаимодействия связь между двумя одинаковыми словами, как это продемонстрировано в следующем примере:

Elena Fisher: Nate!	Елена Фишер: Нейт!
Nate Drake: It's okay! I'm okay!	Натан Дрейк: Я жив! Я жив!

Elena Fisher: The tree! The tree is not okay!	Елена Фишер: Дерево ломается!
Nate Drake: Oh, come on!	Натан Дрейк: Ох, да ладно!

В локализации переводчик не установил связь между двумя «окау» и использовал модуляцию значения слова «окау» в «жив», из-за чего впоследствии не удалось сохранить игру слов оригинала, и в переводе был утрачен саркастический оттенок высказывания Елены о дереве.

В углубленной локализации заменяются все звуковые составляющие в игре. Это довольно дорого, поэтому такой тип локализации обычно используется, если в целевой стране мало пользователей, говорящих на английском языке, и если для понимания игры строго необходим звук.

В Uncharted 4: A Thief's End переведены практически все реплики и диалоги в игре, за исключением случаев, когда сохранение оригинальной озвучки продиктовано решением разработчиков. При этом стоит отметить, что некоторые реплики на испанском были полностью переведены и продублированы на русском, что противоречит решению разработчиков оставить диалоги между панамцами неперевоенными. И в то же время английские реплики, никоим образом не связанные с итальянским языком, передаются следующим образом: «Thank you», «Grazie».

В избыточной локализации замене подвергаются графические объекты, нарушающие юридические правила и нормы страны. Такие изменения характерны для стран азиатского региона, где очень многие игровые объекты видоизменяются, чтобы не отпугнуть целевого покупателя.

Графические объекты в Uncharted 4: A Thief's End не были локализованы, так как оригинальные объекты не нарушают юридические правила и нормы России.

В глубокой локализации подразумевается изменение сценария, если тот содержит в себе сценарные недочеты, которые не позволят продать ее на другую территорию. Действие игры Uncharted 4 разворачивается по всему земному шару, соответственно были переведены все географические названия, и некоторые имена собственные, из-за чего в локализации подверглись

изменению многие реплики персонажей. Так переводя «Shoreline» как «Боевой Патруль», локализаторы убрали любое упоминание об этой организации, несмотря на то что в оригинале это название звучит очень часто.

Редко, но встречаются случаи, когда из-за невнимательности при локализации, получается откровенно бессмысленный набор предложений. Это можно увидеть в следующем примере:

Nate Drake: Flights in Bangkok. That um...are...having troubles with them cause the smog and they can't...land...	Натан Дрейк: Про полеты в Бангкок. Что у них там...большие проблемы, потому что из-за смога никто...не может... сесть.
Elena Fisher: Wow...	Елена Фишер: Класс...
Nate Drake: All right I'm sorry...	Натан Дрейк: Слушай, извини...
Elena Fisher: No, it was valiant. That was really—	Елена Фишер: Нет, очень смело, прямо очень—
Nate Drake: I was in the ballpark, right?	Натан Дрейк: Ну, я же был на стадионе, так?
Elena Fisher: In a different state. But, yeah, you were in the ballpark.	Елена Фишер: В другой стране, но, в общем, да на стадионе.

Натан и Елена за ужином обсуждают новую статью Елены про туризм в Бангкоке. Из-за неправильной передачи игры слов «ballpark» в предложении: «I was in the ballpark, right?», которое в российской локализации перевели как: «Ну, я же был на стадионе, так?», пропадает смысловая связь между репликами персонажей. Если бы переводчик знал о том, что «ballpark» может переводиться как «приблизительно», такой казус бы не произошёл. На наш взгляд, более корректно было бы перевести данный диалог так: «Натан Дрейк: Про полеты в Бангкок. Там... проблемы с ними из-за смога, и никто не может... приземлиться. Елена Фишер: Класс... Натан Дрейк: Ладно, прости... Елена Фишер: Нет, это было смело. Это очень... Натан Дрейк: Но я был близок, так? Елена Фишер: В другой стране, но, допустим, она близко».

Ещё одной часто встречающейся трудностью является игра слов. Следующий пример демонстрирует один из вариантов перевода игры слов, в котором переводчик попросту от неё избавляется:

Elena Fisher: ...All right? And I will be doing all of the shooting...with my really expensive camera.	Елена Фишер: ...Ладно? И я отвечаю за всю съемку...своей жутко дорогой камерой.
--	---

Суть всей реплики в том, что «shooting» может означать, как стрельбу, так и запись на камеру. Натан напрягается, услышав, что стрелять будет Елена. И лишь после паузы она поясняет, что под стрельбой имела в виду видеосъемку. В локализации теряется саркастический оттенок её реплики, который, на наш взгляд, можно было сохранить, переведя эту реплику следующим образом: «...Ладно? И я буду вооружена...только...своей ...жутко дорогой камерой».

В некоторых случаях некорректный перевод продиктован исключительно техническими причинами:

Nate Drake: ...there's still time. Nadine Ross: <i>Trust a Drake?</i> Hm. I'm not falling for that again.	Натан Дрейк: ...еще не поздно. Надин Росс: <i>Опять болтаешь.</i> Хм. Но я больше не поведусь.
---	---

В данном примере перед нами предстает ситуация, в которой Надин прижала Натана к земле, и Натан в попытках освободиться пытается с ней договориться. Чтобы текст идеально накладывался на губы персонажа, переводчику пришлось опустить целое предложение, вследствие чего фраза Надин поменяла смысл, так как Надин не доверяет Натану исключительно из-за его брата, поэтому в оригинале звучит поверить «Дрейку».

На данном этапе игровой индустрии издатели локализуют полностью весь пользовательский интерфейс компьютерной игры (то есть весь текст, который появляется на экране), в то время как аудио-сопровождение часто остается нетронутым. На фоне большинства современных адаптаций локализация данной видеоигры выделяется, не только полностью переведенной текстовой составляющей, но и хорошим дубляжом, с небольшим количе-

ством смысловых ошибок в переводе, не мешающих погружению в игровой процесс. Исходя из вышеперечисленных критериев, можно сделать вывод, что была выполнена глубокая локализация, но из-за того, что при переводе были допущены ошибки лингвистического характера, не особенно влияющие на восприятие игрового мира, можно сказать, что аудиовизуальный перевод выполнен на приемлемом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов А.А. Переосмысляя практику локализации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Сер. 10. 2017. Вып. 3. С. 288–297.
2. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 4. С. 56–74.
3. Пашутина А. Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения. [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://dailytelefrag.com/articles/read.php?id=1291> (дата обращения: 15.03.2019).
4. Esselink B. A practical guide to localization, revised edition, Amsterdam: John Benjamins, 2000. 488 p.
5. Lommel A. The Localization Industry Primer, 2nd edition, Fechy: SMP marketing and LISA, 2003. 53 p.

ОПЫТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ГАЗЕТНОГО ИЗДАНИЯ «ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ»

Аннотация: В статье предложена модель лингвоэкологического портрета печатного издания. Лингвоэкологический анализ газеты «Городские новости» г. Красноярска позволил определить, что в текстах данного печатного издания встречаются отдельные неэкологичные явления; в содержательной структуре газеты представлена проблематика, связанная с сохранением общечеловеческих и национальных культурных ценностей, служащих поддержанию и укреплению национального самосознания.

Ключевые слова и фразы: речевой портрет, лингвоэкологический портрет, СМИ, лингвоэкология.

Abstract: In the present article is proposed the model of the linguo-ecological portrait of a newspaper. The linguo-ecological analysis of the Krasnoyarsk newspaper "City news" made it possible to determine that in the texts of this print edition there are some non-ecological phenomena. The content structure of the newspaper presents dimensions related to the preservation of human and national cultural values, which serve to maintain and strengthen national identity.

Keywords: speech portrait, linguo-ecological portrait, mass media, linguo-ecology.

Введение

Ученые-лингвисты сходятся во мнении, что состояние русского языка в СМИ экологически неблагополучно [Шапошников, 1998; Валгина, 2001; Костомаров, 2005; Сковородников, 2013; Сиротинина, 2013; Жданова, 2013 и др.], связывая это, в первую очередь, с общей либерализацией общества и появлением обширного количества интернет-изданий, отказавшихся от установленных норм публицистического стиля и в целом снизивших качество написания и вычитки текстов. В настоящее время масс-медиа, в том числе печатные издания, играют большую роль в развитии языка, в появлении и закреплении новых норм: «превратившись в одну из основных сфер речепользования, средства массовой информации сегодня во многом определяют характер и свойства современного состояния языка» [Добросклонская, 2012: 13]. Негативные изменения (криминализация, вульгаризация и бюро-

* Научный руководитель – д-р филол. наук Г.А. Копнина..

кратизация языка, возросшее количество неоправданных заимствований, обилие грубой лексики и т.д.), по мнению лингвистов, носят массовый характер и впоследствии могут привести к настоящему лингвоциду русского языка [Жданова, 2013], однако на данный момент эти явления остаются слабоизученными. Их исследование входит в сферу интересов нового направления в языкознании – лингвоэкологии [Сковородников, 2000: 70]. По мнению А.П. Сковородникова, лингвоэкология – «междисциплинарное направление исследований, в основе которого лежат языкознание и экология <...> и предметом которого является состояние языка и среды его обитания; факторы, влияющие (негативно или позитивно) на состояние и развитие языка, языкового сознания социума и его речевой культуры; пути и способы защиты языка от негативных влияний, <...> а также нахождение способов обогащения языка и условий его оптимального развития» [Сковородников, 2017: 113].

Очерчивая круг языковых проблем, А.П. Сковородников выявил «ряд “болевых” участков речи / языка» [Сковородников, 2016: 23], на которые следует обратить внимание. К ним относятся: лексико-фразеологические утраты в языковом сознании носителей, немотивированные внешние и внутренние заимствования, жаргонизация языка, языковая русофобия и т.д. Учёный пишет о том, что «выделяется группа явлений, которые наносят вред, с одной стороны, языку как коммуникативной системе, а с другой – языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира. Такая группа явлений может быть терминирована лингвотоксинами, а раздел лингвоэкологии, их изучающий, – лингвотоксикологией» [Сковородников, 2017: 29]. Второе направление лингвоэкологических исследований в его концепции – это лингвистическая реанимация и проблематика языкового / речевого творчества, «поскольку благополучие языка требует не только его защиты, но и совершенствования <...>, что предполагает сбор, лингвоэкологическую квалификацию, лексикографическую (в широком смысле) фиксацию и пропаганду наиболее выдающихся результатов лингвокреативной деятельно-

сти» [Сковородников, 2016: 281]. Результатом вербальной креативности, по мнению А.П. Сковородникова, являются лингвокреатемы, т.е. языковые / речевые новации, способные войти в широкое употребление, благодаря своим когнитивным и / или коммуникативным достоинствам [Сковородников, 2017: 120].

Развивая тезис О.П. Ждановой о необходимости разработки лингвоэкологического инструментария, нами была предложена модель лингвоэкологического портрета газетного издания, в основу которой положена концепция лингвоэкологии А.П. Сковородникова. Лингвоэкологический портрет газетного издания мы определяем как характеристику воплощенных в газетной речи особенностей коллективной языковой личности журналистов, в которых находят проявление факторы, способные оказывать негативное или позитивное влияние на язык и языковое сознание социума.

Моделирование лингвоэкологического портрета газетных изданий позволит получить новую информацию о состоянии современного русского языка.

Материалы и методы

В качестве материала для моделирования лингвоэкологического портрета газеты послужили выпуски периодического издания «Городские новости» за период с 27 февраля 2018 г. по 21 апреля 2019 г. Красноярская муниципальная газета «Городские новости», еженедельный тираж составляет около 130 тыс. экземпляров. Несмотря на солидный тираж, это издание еще не становилось объектом лингвистического исследования. Созданная более 20 лет назад в качестве официального органа местного самоуправления, информирующего население о работе местной власти, газета «Городские новости» по-прежнему продолжает выполнять свою изначальную функцию.

Методом случайной выборки нами было отобрано 13 номеров: 3, 12, 16, 23, 32, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 45, 47.

Модель лингвоэкологического портрета газеты построена на основе двунаправленной концепции лингвоэкологии А.П. Сковородникова [Сковородников, 2017: 113] и включает следующие характеристики:

- 1) определение статуса печатного издания;
- 2) определение экологичности общего содержательного поля газеты на основе анализа тематического членения газетных рубрик / текстов;
- 3) выявление и описание явлений, травмирующих язык и/или речь: лингвотоксинов, лингвоперверсивов и т.д.;
- 4) выявление и описание лингвокреатива, соответствующих критериям экологичности;
- 5) общая характеристика речевого портрета (выводы).

Результаты

При проведении содержательно-тематического анализа тексты газеты были разделены на 4 тематические группы на основании существующих сфер общественной жизни человека. Традиционно их разделяют на 4 основные: духовную, социальную, политическую, экономическую.

Представленные тематические группы имеют следующее процентное соотношение:

1) 35,71 % – тексты, посвященные духовной сфере жизни общества, где отражена область идеальных, нематериальных отношений, отражающей идеи и ценности религии, искусства, морали и т.п. (*«Врачевали и душу и тело»*, *«Продолжается сезон бесплатных экскурсий по заповеднику “Столбы”»*, *«“Безымянная звезда” возшла над Красноярском»* «Библиотека музеев России», *«Можно ли учиться без стресса?»*, *«Красавицы с Инициаторов»*, *«“Родина-мать” – под охраной»*, *«Чудо весом килограмм»* и др.);

2) 25 % – тексты социального характера, отражающие отношения, которые возникают при непосредственном взаимодействии человека как социального существа с обществом (*«Фасады приходится перекрашивать из-за вандалов»*, *«Спортивная семья не сдаётся»*, *«Нашествие расклейщиков»*,

«Выгул собак запрещён!», «Дачная амнистия продолжается», «Забрать голос у молчунов», «И в пир, и в мир», «Не чихает. Чешется» и др.);

3) 32,14 % – тексты, относящиеся к политической сфере жизни человека, где отражены отношения людей, связанные в первую очередь с властью (*официально-правовые документы*);

4) 7,14 % – тексты экономического характера, где отражены отношения людей, связанные с созданием и перемещением материальных благ (*«Обходите пирамиды стороной», «Сколько стоит образование?», «Поддержка для дольщика», «Сколько тратят родители на дообразование детей» и др.*).

Для газеты «Городские новости» свойственен интерес к спортивной и культурной жизни города, его истории и истории жителей Красноярска, без обзора которых не обходится ни один номер, на страницах газеты часто поднимаются вопросы образования и просвещения, журналисты часто пишут про школы и университеты города. В газете и на её официальном сайте, публикуются объявления и афиши, анонсы театральных спектаклей и фестивалей (*«Музей Рязова приглашает на сериал» (№ 35), «Какой станет “Родина” через год» (№ 35), «Какие места в Красноярске связаны с Геннадием Юдиным?» (№ 32); «Проверяем музеи на дружелюбность к посетителям с детьми» (№ 47), «В Красноярске предложено создать “Суриков-центр”» (№ 45), «Старейшая библиотека стала мультимедийной» (№ 41)*). В газете также часто рассказывается о конкурсах (*«Голосуй за лучший слоган-приветствие гостям и участникам Универсиады» (№ 3); «“Городские новости” победили в конкурсе “Красноярские перья – 2018”» (№ 3); «“Герой из народа” – новый проект “Городских новостей”»*). Благодаря газете происходит приобщение читателей к русской культуре и культурной жизни края, знакомство с творчеством талантливых красноярцев, поддержание творческого духа региона.

Обсуждаются также проблемы экологической тематики, которые отражены в следующих статьях: *«Чтобы следить за ассенизаторами, в Крас-*

ноярске установили камеры» (№ 42) о видеофиксации нарушений, связанных со сливом отходов в Енисей; «До 5 апреля из Красноярска увезут ртутные лампочки и батарейки» (№ 41) о проведении традиционной экологической акции; «Эффективная экологичность» (№ 41) об организации мероприятий по модернизации красноярской энергетической системы одновременно с улучшением экологической обстановки; «Противопаводковые мероприятия в городе» (№ 36).

Анализ показал, что содержание газеты и её тематическая рубрикация в полной мере соответствует одному из критериев экологичности: наличие в содержательной структуре газеты проблематики, связанной с сохранением общечеловеческих и национальных культурных ценностей, служащих поддержанию и укреплению национального самосознания [Сковородников, 2016].

Однако в текстах газеты «Городские новости» есть и отрицательные стороны, связанные с нарушением норм лексической сочетаемости, например: *Как правильно строить семейный бюджет* (№ 16). Правильно было бы «планировать семейный бюджет». «*Саморазвитие, т.е. творчество направленное “внутри”, на свою личность – это часть индивидуального стиля жизнедеятельности*», вместо «стиля жизни».

К лингвотоксинам, т.е. к таким словам и оборотам, которые засоряют письменную речь, можно отнести жаргонизмы и варваризмы, содержащиеся в текстах анализируемой газеты, например: «*Профессия геолога сегодня не так распиарена, как в советское время*» (№ 39 «У черной сопки нет связи с магмой»); «*Создалось стойкое впечатление, что тренера сливают его в последних матчах*» (№ 39 «Этот состав был способен на большее»); «*Уверен, что никто сливом тренера не занимался*» (№ 39 «Этот состав был способен на большее»); «*Сначала я, как говорится, выпал в осадок ...* » (№ 39 «Телефон») и пр.

Ещё одной из отрицательных сторон анализируемой газеты является отступление от этических норм, что нарушает основные критерии экологич-

ности текста, например: «Кретинизм у вас в роду?» (№ 23) о генетической предрасположенности мужчин к наилучшей ориентации в пространстве по сравнению с женщинами. Этический аспект культуры речи предполагает соблюдение этических норм поведения, существующих в любом обществе, где особую роль играют такие этические категории, как миролюбие, негневливость, смирение, уравновешенность, правда, доброта. В приведенном заголовке представлена дискредитация женской половины населения, заключающаяся в умалении способностей женщин, что является проявлением речевой агрессии. По мнению И.В. Пекарской и Е.А. Шпомер, «агрессия в <...> дискурсе в любых своих проявлениях разрушает лингвоэкологическую сферу взаимоотношений» [Пекарская, Шпомер, 2016: 136]. Приведем и другие примеры: «Женщины часто получают шпильки от мужчин по поводу способности заблудиться в трёх соснах. Неужели умение ориентироваться на местности – исключительно мужская прерогатива, а женщины вынуждены смириться с диагнозом “топографический кретинизм”? // Феминисткам придётся смириться: согласно многим исследованиям, женщины страдают от этой проблемы чаще мужчин»). Циничность данного текста создаётся посредством использования словосочетания «топографический кретинизм» вместо общепринятого медицинского термина «топографическая дезориентация» или «топографическая дезориентация». Кретинизм – эндокринное заболевание, следствием которого является слабоумие, однако в тексте указано, что от кретинизма (топографического) «страдает» любой человек, неспособный ориентироваться в пространстве. Согласно десятому пересмотру Международной статистической классификации болезней и проблем термин «кретин» является устаревшим и к использованию не рекомендуется, так как стал носить негативный социальный оттенок. «Топографический кретинизм» можно отнести к лингвоцинизмам.

Заключение

Моделирование лингвоэкологического портрета газеты «Городские новости» позволило выявить лишь отдельные нарушения лексической соче-

таемости, лингвотоксичные элементы, а также отступления от этических норм. В текстах газеты неэкологичные явления единичны, поэтому нет оснований говорить об их разрушительном эффекте на речь и сознание читательской аудитории. Содержательно-тематический анализ заголовков и статей показал, что большинство публикаций в газете посвящены проблемам духовной сферы жизни общества, отражающим область идеальных, нематериальных отношений, в том числе идеям и ценностям религии, искусства, морали и т.п. Таким образом обеспечивается наличие в содержательной структуре газеты проблематики, связанной с сохранением общечеловеческих и национальных культурных ценностей, служащих поддержанию и укреплению национального самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации: учебное пособие. М.: КДУ, 2012. 116 с.
3. Жданова О.П. Лингвоэкологический портрет толкового словаря начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 54–72.
4. Пекарская И.В., Шпомер Е.А. Речевая агрессия как нарушение лингвоэкологических норм в масс-медийном пространстве современного политического дискурса [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Pekarskaya-I.V.-Shpomer-E.A..pdf> (дата обращения: 19.05.2019).
5. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. / В.Г. Костомаров. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.

7. Сиротинина О.Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 81–93

8. Сиротинина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2009. С. 5–11.

9. Сковородников А.П. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов. М.: Флинта, 2017. 384 с.

10. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи языке // Мир русского слова. СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. № 3. С. 28–32.

11. Сковородников А.П. Экология русского языка: монография / А.П. Сковородников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

12. Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А.П. Сковородников // Речевое общение / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2000. Вып. 3 (11). С. 70–78.

13. Шапошников В.П. Русская речь 1990-х годов. Современная Россия в языковом отображении. М.: М.А.Л.П., 1998. 248 с.

ФОБИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПОДРОСТКОВ)

Аннотация: Статья посвящена изучению явления фобии в лингвистическом контексте посредством метода анализа тональности текста. На материале сообщений из социальных сетей рассматриваются страхи современного китайского общества. Перечислены главные достижения зарубежной и отечественной лингвистики эмоций. Описана специфика метода анализа тональности текстов из социальных сетей. Выявлены основные тенденции рассматриваемого явления.

Ключевые слова: фобия, эмоция, анализ тональности, лингвистика, социальные сети, китайская лингвокультура.

Abstract: the purpose of this article is to describe the concept of phobia in relation to linguistics using the method of opinion mining. The article examines fears of the modern Chinese society based on text messages from social networks. It outlines basic achievements of both Russian and foreign researchers in linguistics of emotion. The specific features of linguistic analysis in context of social networks are described. The prevalent trends of the central phenomenon are established.

Keywords: phobia, emotion, opinion mining, linguistics, social networks, Chinese language culture.

Страх в различных его проявлениях оказывает фундаментальное влияние на формирование языковой картины мира человека, восприятие и концептуализацию им действительности. Недостаточная на сегодняшний день изученность различных форм явления фобии и их репрезентация в языке являет собой широкое поле для лингвистических исследований. Особое значение также имеет то, что коммуникация людей сегодня перешла на новый уровень, поэтому вопросы интерпретации высказываний в сети Интернет посредством метода анализа эмоциональной окраски текста являются как никогда актуальными.

Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова.

Таким образом, интерес нашего исследования заключается в возможности проследить как рассматриваемый феномен фобии концептуализируется в сознании среднего человека, а также как находит выражение в языке.

В начале нашего исследования мы задались следующими вопросами: Что такое страх и фобия? Какие фобии могут быть присущи юным представителям китайского общества сегодня? Какие лексемы указывают на фобии и возможно ли посредством анализа тональности сообщений из социальных сетей выявить основные тенденции?

Для поиска ответов на эти вопросы и решения поставленных задач основным методом исследования был выбран анализ тональности текста. Данный метод определяется как метод оценки эмоциональной окраски текста, который проводится инструментами следующих категорий:

- автоматизированный анализ тональности;
- ручной анализ тональности.

В нашем исследовании мы опирались на ручной анализ тональности экспертом с предварительным поиском лексем по заранее составленному списку. Списки были составлены с опорой на лексико-семантические группы эмоции страха, использованные другими исследователями [Красавский, 2000; Мун Чун Ок, 2004; Опарина, 2004].

Поскольку текстовые сообщения социальных сетей обладают своей спецификой, при анализе тональности необходимо учитывать некоторые особенности. Сегодня многие ученые сходятся во мнении о том, что эмоции являются общечеловеческой универсалией, обладающей, однако, национальной спецификой [Johnson-laird, 1989; Вежбицкая, 1996; Шафиков, 1999; Voroditsky, 2001; Шаховский, 2009]. Поэтому, как утверждает В. И. Шаховский, эмотивную составляющую языковой семантики необходимо рассматривать с культурологической стороны [Шаховский, 2009: 33]. В связи с этим заметим, что особое внимание при анализе текстовых сообщений сети Интернет стоит уделять эмотиконам – пиктограммам, изображающим эмоцию. Подобно самим эмоциям, неодинаковым в проявлении и восприятии у представителей

разных культур, их графические обозначения также имеют свои нормы выражения и определенные места использования.

Материалом для проведенного исследования послужили высказывания из сети WeChat, количество пользователей которого в 2018 году достигло миллиардной отметки [新华网, 2018]. Личные публикации пользователей представляют собой широкую базу текстового материала, на основе анализа которого возможно решение самых разнообразных лингвистических задач.

В качестве респондентов исследования был определен целевой массив, включающий юношей и девушек Китая в возрасте от 19 до 24 лет.

Для того, чтобы наиболее глубоко изучить объект нашего исследования – явление фобии, – мы обратились к словарям, которые предлагают разноаспектные определения данного феномена.

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой понятию «фобия» дается следующее определение: фобия – это 1) «непреодолимый навязчивый страх»; 2) «психопатическое состояние, характеризующееся таким немотивированным страхом и неприязнью к тому, что вызывает страх» [Ефремова, 2000].

По данным словаря синонимов, фобия, помимо названий многочисленных ее видов, также связана со словом «страх».

Если мы обратимся к этимологическим словарям, то увидим, что происхождение «фобии» восходит к греческому слову «phobos», переводимому как «страх».

Кроме того, толковом словаре иноязычных слов фобия трактуется как «нетерпимость, боязнь чего-либо» [Крысин, 1998: с. 1069].

Так, мы видим, что есть основания говорить о смежности понятий фобии и страха.

Фобия, объект нашего исследования, понимается как непреодолимый навязчивый страх. Страх в виде фобии имеет психическую связь с конкретными объектами и ситуациями, явная же опасность для индивида отсутствует [Фрейд, 1991: 218]. Обратим внимание на то, что данное исследование про-

водилось в рамках лингвopsихологии – науки, изучающей предмет психологии лингвистическими методами, – и имело целью проследить основные тенденции в отношении присущих большинству юных китайцев страхов, но не изучить глубинные предпосылки, корень индивидуальных фобий в одиночных их проявлениях. Таким образом, далее речь пойдет о коллективных фобиях китайских подростков.

Исходя из этого, под фобией предлагается понимать навязчивый страх, не имеющий связи с реальной опасностью и не превосходящий по силе обычный страх, а также сопутствуемый чувством тревоги.

В ходе исследования мы установили наиболее часто встречающиеся в текстовых сообщениях социальных сетей фобии.

Рассмотрим первую выделенную нами фобию – боязнь одиночества.

«**越大越孤单**»

«Чем старше становишься, тем более ты одинок».

В данном текстовом сообщении, размещенном в Моментax сети WeChat, фобия заключается, во-первых, в страхе взросления (сопутствуемом футурофобией), и, во-вторых, в боязни потери друзей и страхе одиночества. Об этом свидетельствует лексема «одинокий», а также конструкция «*чем (далее)..., тем (больше)...*», которая маркирует постепенность развития процесса.

«...**不该怨天尤人**, 相信一切都是最好的安排, 未来**没人懂**».

«...Не нужно винить всех и вся, лучше всем доверять. В будущем никто не поймет».

В этом примере можно увидеть, что пользователь, опубликовавший данную запись, выражает уверенность по поводу того, что в будущем он не будет понят другими, что говорит о его ощущении одиночества или же о предвкушении этого состояния. В примере выделены лексемы «не должно» и «нет кого-либо», свидетельствующие об этом.

Второй выделенной нами фобией является футурофобия – страх перед будущим.

«今天下午及晚上看了蝴蝶效应一，刚开始觉得很压抑很恐怖，后面还是坚持看完了，感觉很不是滋味。男主角为了改变身边的人的命运，一次又一次地回到过去去改变历史，从而改变了自己及身边的人的生命轨迹，改了一次又一次，还是不尽人意，他终于决定不让自己出生，回到娘胎里把自己杀死，成全了别人。。。。。。很唏嘘，我也时常想：如果自己当初是这么做的话，现在的生命轨迹是怎么样呢？很多人都有这样的想法，真的不知道。电影中的镜头可以重来，并演绎各种可能，但是我们却不能走到今天，对过去已经无能为力，只能好好规划将来，希望接下来的生活更接近自己想要的那样，唯能如此»。

«... в фильме можно перемещаться во времени и изменять ход жизни, но в реальности мы бессильны, не можем вернуться в прошлое. Мы можем только строить планы на будущее и надеяться, что следующая жизнь будет ближе к тому, чего мы хотим, и только так».

Автор данной публикации делится впечатлениями о фильме, в котором герой мог путешествовать во времени, чтобы исправлять что-то в своей жизни. О футурофобии здесь свидетельствуют слова *«только и можно, что», «нет возможности», «бессильный»*. Все эти слова относятся к будущему, следовательно, автор может испытывать футурофобию – страх будущего.

«这段过渡时期会是我人生中最辛苦与最痛苦·的时段»。

«Этот переходный период, возможно, будет самым тяжелым и болезненным в моей жизни».

Лексемы xīnku 辛苦 – «тяжкий», «горький» и tòngku 痛苦 – «болезненный», «страдать», «мучение» говорят о негативных ожиданиях автора публикации о предстоящем периоде. Следует отметить, что данные прилагательные в китайском языке наиболее часто описывают работу, то есть можно предположить, что упоминаемый автором «переходный период» связан с учебной деятельностью. Важно, что степень испытываемых автором записи чувств – превосходная (наречие zuì 最–«самый»). Также значима пунктуация:

традиционные на письме знаки препинания в социальных сетях используются современными молодыми китайцами крайне редко – им предпочитают смайлики. Точка же в конце предложения, а также отсутствие каких-либо смайликов, указывают на серьезный тон, которым автор хотел наделить свое высказывание.

«万般不舍不回头

但我们也只能往前走...»

«Я не в силах, на каждом шагу смотрю назад

Но мы лишь можем двигаться вперед...»

В следующем примере выделенная лексема *«только и остается что...»* указывает на нежелание двигаться вперед, что может быть проявлением футурофобии. Представленные примеры наиболее ярко иллюстрируют отобранный в ходе исследования материал. Как показал анализ, футурофобия является одним из преобладающих среди китайской молодежи навязчивых страхов.

Далее перейдем к третьей наиболее часто встречающейся фобии нашего исследования – атазагорафобии. В «Энциклопедии человеческих фобий» [Кананин, 2016: 87] данная фобия описывается как страх быть непопулярным, как боязнь забвения со стороны других. Рассмотрим ее на примерах.

«周末才有时间不是我的错

但是我的票圈居然没有一个人吹???

我对我的朋友们很失望啊😞😞😞»

«Я не виноват, что у меня есть свободное время в выходные.

Только вот почему-то в моих Моментх никто даже не пишет!

Очень разочарован в своих друзьях»

Автор публикации как бы напоминает о себе, при этом возлагая вину за свои страхи на невнимательность к нему друзей. Возможно, что причиной, натолкнувшей юношу напоминать о себе, является боязнь забвения со стороны окружающих.

«从来没想过会因为瘦太多而无法穿以前的裙子
心满意足了»

*«И не думала, что со своей худобой смогу надеть старое платье
Довольна»*

В данном высказывании несложно проследить попытку повышения собственного имиджа. Автор записи – девушка, и она упоминает о своей фигуре, выставляя достоинство за недостаток, при этом используя выделенное в примере слово «нет выхода», «невозможно» перед «надеть платье». Вероятно, что именно атазагорафобия подтолкнула автора делиться проблемами своей внешности.

«我家楼顶能看银河。就问你们羡慕不羡慕»

«С высоты моего дома виден Млечный путь. А теперь подумайте, завидуете ли вы мне»

В данном примере атазагорафобии автор записи ставит акцент на том, что он не хуже других, и что окружающим есть в чём ему позавидовать.

Таким образом, проведенный анализ показал, что наиболее широко распространенными среди молодого поколения китайцев фобиями являются футурофобия, атазагорафобия, а также боязнь одиночества. Эмоциональная окраска проанализированных текстов была определена как негативная.

Далее, путем анализа тональности текста из подготовленных на начальном этапе исследования лексико-семантических групп были отобраны лексемы, по которым в текстовом сообщении можно проследить указание на наличие фобии. Большую часть из них составляют слова с отрицательным показателем модальности (не мочь, не уметь), а также слова с отрицанием «不»/«没» («нет»). Ниже приведен данный список.

- 不会 – не мочь
- 不(可)能 – нельзя, нет; не быть в состоянии
- 不容易 – нелегко, непросто
- 不敢 – не достоин, не смею; не осмеливаться
- 不该 – не следует; виноватый
- 不安 – беспокойный

- 痛苦 – душевная боль, горе
- 恐怕 (怕, 害怕) – боязнь, страх; бояться
- 愤怒 – гнев
- 爱情 – любовь
- 痛恨 – ненависть
- 孤单 – одинокий, уединенный
- 小心 – осторожный
- 只能 – остается только, только и мочь что...
- 无法/没法 – невозможно, нет выхода

Данный список возможно применять в лингвистических исследованиях тональности текста при изучении явления фобии в рамках таких научных направлений, как эмотиология, социолингвистика, лингвокультурология, лингвopsихология. Он может послужить словарем для анализа тональности методом ручного поиска текстовых сообщений с целью дальнейшей интеллектуальной обработки.

Таким образом, концепт «страх» занимает одно из центральных мест в фокусе исследователей-лингвистов, однако, принимая во внимание то, что страх представляет собой полисемантическое языковое явление, изучению в некотором роде сопредельного ему, но менее изученного понятия «фобия» следует уделить больше внимания. Лингвистическое исследование текстов в сети интернет с опорой на изучение их тональности является одним из решений этой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: (13.02.2019)).
3. Кананин А. Страхи. Энциклопедия человеческих фобий. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. 100 с.

4. Красавский Н.А. Этимологический анализ синонимического ряда «страх» (на материале немецкого языка) // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. Рязань: Изд-во РГПУ, 2000. С. 83–90.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
6. Мун Чун Ок. Лексико-семантическое поле «Страх» в современном русском языке (на фоне корейского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2004. 220 с.
7. Опарина О.И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 27. С. 26–35.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
9. Шафилов С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа, 1999. 88 с.
10. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–43.
11. Boroditsky L. Does language shape thought?: Mandarin and English-speakers' conceptions of time // Cognitive Psychology. 2001. 43 (1). P. 1–22.
12. Johnson-laird P.N., Oatley K. The Language of Emotions: An Analysis of a Semantic Field // Cognition & Emotion. 1989. 3 (2). P. 81–123.
13. 马化腾: 微信全球月活跃用户数首次突破十亿 [Электронный ресурс] // NPC&CPPCC, 2018. [Ма Хуатэн: количество ежемесячно активных пользователей WeChat в мире превысило 1 миллиард]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/05/c_1122488991.htm (дата обращения: (27.03.2019)).

ГЕОЛОКАЛИЗАЦИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация: Статья посвящена истории распространения и становления жестовых языков. На основе лексикостатистического анализа с учетом исторических сведений сложилась традиция выделения семей жестовых языков, что позволяет предпринять попытку системного обобщения представленных данных с целью включения их в научный оборот. Основное внимание акцентируется на ключевой роли внедрения системы образования для глухих детей, что сформировало условия для формализации жестовых языков.

Ключевые слова: жестовые языки, семьи жестовых языков, лексикостатистический анализ, геолокализация.

Abstract: The article is devoted to the history of the spread and formation of sign languages. On the basis of lexicostatistical analysis, taking into account historical information, there is a tradition of distinguishing families of sign languages, which allows an attempt to systematically summarize the data presented in order to include them in scientific circulation. The focus is on the key role of the implementation of the education system for deaf children, which has created the conditions for the formalization of sign languages.

Keywords: sign languages; sign language families; lexicostatistical analysis; geolocalization.

В настоящее время бесспорным является тот факт, что жестовые языки представляют собой естественные знаковые системы, полностью сопоставимые с звучащими языками во всех аспектах языковой структуры. Жестовые языки лингвистически разнообразны, поскольку развивались независимо друг от друга в сообществах глухих, более того, в пределах одной страны могут сосуществовать не только различные диалекты одного жестового языка, но и несколько жестовых языков. В отличие от калькирующей жестовой речи и дактилирования, которые полностью копируют звучащий язык, между жестовым языком и языком звучащим, распространенным на определенной территории, не прослеживается практически никаких корреляций. Жестовый язык – естественная коммуникативная система, обновляющаяся и развивающаяся. Очевидно, что жестовые языки отличаются от звучащих языков, но

несмотря на то, что жестовые языки задействуют жестикуляцию и мимику, коммуникативная эффективность жестовых языков ни в чем не уступает звучащим языкам. Актуальность работы связана с тем фактом, что в последнее время наблюдается возрастание интереса к жестовым языкам, благодаря чему появляются работы по сопоставлению и изучению различных жестовых языков, и это позволяет предпринять попытку обобщения данных для представления целостной картины геолокализации жестовых языков в исторической перспективе, что предопределяет научную новизну. Целью настоящей работы является включение в научный оборот системы знаний об ареалах распространения жестовых языков. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ трудов, посвященных лексикостатистическому анализу жестовых языков и истории их распространения, структурирование данных о семьях жестовых языков, выявление закономерностей развития жестовых языков.

Согласно ресурсу ethnologue.com всего в мире насчитывается 144 живых жестовых языков, однако там же отмечается, что данную цифру нельзя назвать точной. Как и в случае с разговорными языками, остро стоит вопрос статуса идиомы (какие разновидности являются диалектами, какие – отдельными языками), недостаточная изученность многих жестовых языков также затрудняет калькуляцию. Зачастую противоречивы и данные о количестве носителей. Кросс-лингвистические исследования, посвященные лексикостатистическому анализу жестовых языков [Al-Fityani, 2010; Guerra-Currie, 2002; Woodward, 1996], а также исторические данные позволяют выделить семьи жестовых языков. Лексикостатистический метод по аналогии со звучащими языками предполагает анализ базовой лексики, для чего используется модифицированный список Сводеша. Однако наблюдается значительный дисбаланс в наличии эмпирического материала в пользу жестовых языков Западной Европы и Северной Америки, в то время как недостаточно много известно о жестовых языках Африки, Восточной Европы, Южной и Центральной Америки и Азии [Zeshan and Palfreyman, 2017: 181]. Одним из самых ранних

упоминаний жестового языка является фраза из египетских иератических текстов, датируемых приблизительно 1200 г. до н.э. В разделе предупреждений для праздного писца магистрат говорит следующее: «Ты – тот, кто глух и не слышит, которому люди делают (знаки) рукой» [Gardiner; цит. по: McBurney 2012: 912]. Еще одним ранним письменным упоминанием жестового языка и глухих является вопрос Сократа в диалоге Платона «Кратил», который восходит к 4 веку до н. э.: «И здесь я задам вам вопрос: предположим, что у нас не было бы голоса или языка и хотели бы мы общаться друг с другом, не должны бы мы были, подобно глухонемым и немым, делать знаки руками, головой и остальным телом?» [Платон; цит. по: McBurney 2012: 912]. Таким образом становится очевидным, что жестовые языки существовали еще до нашей эры и служили эффективным средством коммуникации. Историк М. Майлз в своем исследовании описывает жестовый язык глухих людей, служивших при турецком османском дворе с пятнадцатого по двадцатый века. Их язык был довольно распространен и регулярно использовался другими людьми, включая последователей султана, и, что примечательно, был способен выражать идеи любой сложности [Miles, 2000]. В исследовании С. Планта упоминается жестовый язык, который использовался испанскими монахами в обучении детей приблизительно в 1550 году, однако обнаружить детального описания данного языка не удалось [Paddon, 2010]. В середине 16-го века бенедиктинский монах Педро Понсе де Леон начал обучение двух глухих братьев, Франциско и Педро де Веласко. Понсе де Леон, которого часто называют первым учителем глухих детей, основал школу для глухих детей в монастыре в Оне [Lane et al., 1996: 112]. В то время в Испании преобладало мнение, что глухие дети необразованны и не способны освоить навык говорения, однако Педро Понсе де Леон опроверг данное заблуждение, совершив значительный прорыв, который принес ему немалую известность. Согласно историческим источникам де Леон учил около двух десятков учеников в монастыре [Plann, 1997: 16]. Ключевым для истории развития жестовых языков стало создание специализированных школ для глухих, что поспо-

способствовало стабилизации и распространению жестовых языков [Su and Tai 2009: 150].

Семья французского жестового языка. Основателем одной из первых школ для обучения глухих детей стал аббат Шарль-Мишель де л'Эпе в Париже в начале 1760-х годов [Napier and Leeson 2016: 45]. Л'Эпе во время благотворительной работы с бедными встретил двух молодых глухих сестер, которые общались используя жестовый язык, вероятно старофранцузский жестовый язык, распространенный в тот период во Франции. Частотно ошибочное представление о том, что де Л'Эпе изобрел жестовый язык, тогда как в действительности аббат выучил его с помощью сестер и разработал методику обучения [McBurney, 2012: 915]. Аббат скомпилировал уже существующие жесты с жестами, которые он назвал «методическими» для использования в качестве металингвистических средств проведения общего знаменателя с французской грамматикой. До основания подобных школ жестовые языки, по всей вероятности, формировались и видоизменялись изолированно даже в рамках одной страны.

Основателем первой школы для глухих в Соединенных Штатах Америки стал Эдвард Майнер Галлоде, который посетил школу л'Эпе и нанял одного из лучших выпускников – Лорана Клерка для преподавания в школе для глухих в Хартфорде, штат Коннектикут [Там же: 917]. Кларк и Галлоде модифицировали французский жестовый язык, и со временем этот модифицированный язык, претерпев некоторые изменения, стал американским жестовым языком (амслен). Лексикостатистический анализ демонстрирует схожесть лексики современного французского и современного американского жестовых языков на 61 % [Marshall, 2005: 1069]. Кроме того, французский жестовый язык способствовал также формированию мексиканского жестового языка. История мексиканского жестового языка и сообщества глухих в Мексике начинается с прибытия глухого француза Эдуардо Хьюэ в Мехико в конце 1860-х годов. По прибытии Хьюэ открыл школу для глухих детей в Мехико, а поскольку Хьюэ свободно владел французским жестовым языком

1800-х годов, считается, что на развитие мексиканского жестового языка повлиял французский жестовый, создав историческую связь между двумя языками [Quinto-Pozos, 2002: 16]. Однако было обнаружено, что процент схожести базовой лексики мексиканского и французского жестовых языков довольно низок, что может указывать на недостаточную близость двух языков и, как предполагается, является следствием влияния жестовых языков коренных народов [Guerra et al., 2002: 232]. Многие европейские жестовые языки, а также американский жестовый язык и некоторые южноамериканские жестовые языки появились благодаря диаспоре учителей и выпускников школы Rue St. Jacques в Париже [Fischer, 2015: 446]. В Европе французский жестовый язык распространился в таких странах как Дания, Италия и, предположительно, Россия. Кроме того, французский жестовый язык оказал огромное влияние на формирование жестовых языков Канады (за исключением квебекского жестового языка) и Бразилии. Сам же французский жестовый язык претерпел значительное влияние жестового языка цистерцианских монахов, которые были вынуждены практически постоянно хранить молчание. Было установлено, что значительное число цистерцианских знаков, которым приблизительно 1000 лет, все еще являются частью вокабуляра французского жестового языка несмотря на наличие некоторых семантических и фонологических сдвигов [Cagle; цит. по: Fischer, 2015: 446].

Семья немецкого жестового языка. Первая школа для глухих в Германии была основана в 1778 году в Лейпциге Самуэлем Хейнекен [Rietveld, 2009: 45]. Между немецким, австрийским и венгерским жестовыми языками прослеживаются значительные корреляции, так как исторически данные территории были связаны с Габсбургской империей и учителя школ для глухих после прохождения обучения в Германии оказали влияние на жестовые языки, используемые во всей империи [McCagg, 2002: 255]. Историческое развитие немецкого жестового языка предопределяется методом обучения глухих, который был распространен в Германии. Данный метод использовался французским монахом Понсе де Леоном (1520–1584) и получил название «немец-

кий метод» благодаря тому, что из Германии распространился по всей Европе и Америке. «Немецкий метод» предполагал обучение глухих детей лишь в устно-слуховой модальности, в то время как любые жесты были под запретом [Gregory and Hartley, 2002: 79]. Вопреки установившейся жесткой традиции немецкий жестовый язык не прекратил своего существования, однако следствием подобной политики стало то, что в настоящее время сведений об историческом развитии немецкого жестового языка исключительно мало [Herbert, 2016: 129]. В настоящее время представлено большое количество региональных вариантов, к примеру, жестовый язык, используемый в немецкой Швейцарии, распространен в южных частях Германии [Braem, 2010: 22]. В некоторых исследованиях отмечается, что израильский жестовый язык также исторически связан с немецким жестовым языком, так как учителя первой школы для глухих, открытой в Иерусалиме в 1932 году, были немецкими евреями [Meir and Sandler; цит. по: McBurney, 2012: 935].

Семья британского жестового языка. Первая британская школа для глухих детей была открыта в 1760 году Томасом Брэйдвудом в Эдинбурге за несколько месяцев до открытия л'Эпее школы в Париже [Hull et al., 2014: 2]. К 1870 году в Великобритании было создано около 22 школ для глухих [Plapp, 1997: 4]. Существование школ для глухих способствовало стабилизации и стандартизации многих разновидностей британского жестового языка, распространенных на всей территории Великобритании, хотя значительные региональные различия сохраняются и по сей день. Дальнейшему развитию жестового языка содействовало создание новых школ бывшими учащимися и учителями старых устоявшихся школ. Подобная модель была успешно применена и в Австралии, где первые две школы в Сиднее и Мельбурне были открыты бывшими учениками школ для глухих Эдинбурга и Лондона соответственно. Первые две школы для глухих были открыты в течение нескольких недель в 1860 году сначала в Сиднее, а затем в Мельбурне. Паттисон основал Сиднейскую школу, в то время как Фредерик Дж. Роуз, бывший ученик Олд-Кент-роудской школы для глухонемых в Лондоне, открыл Мель-

бурнскую [Jonston and Schrembri, 2007: 56]. В течение девятнадцатого и в начале двадцатого веков связь австралийского и британского жестовых языков укреплялась и поддерживалась за счет иммиграции глухих и учителей глухих в Австралию, а также путем отправки глухих детей в Великобританию для обучения.

Как и австралийский жестовый язык, новозеландский жестовый язык тесно связан с британским благодаря схожей истории колонизации британцами данных территорий. До открытия первой школы для глухих новозеландских детей отправляли на обучение в Мельбурн. Первая школа была открыта в Самнере, недалеко от Крайстчерча, в 1880 году [Powell, 2013: 2]. Тогда же произошло знаковое событие, на долгие годы предопределившее судьбу подобных образовательных учреждений – в 1880 году состоялся Второй Миланский Конгресс, посвященный вопросам методике преподавания глухим детям, на котором была решено интегрировать устный метод обучения, что означало полный запрет использования жестов [Lane et al., 1996: 61]. Лишь две страны выступили против – Соединенные Штаты Америки и Британия. Итогом стало то, что глухие дети были вынуждены коммуницировать посредством жестового языка тайно, однако данный факт не повлиял на естественное развитие новозеландского жестового языка. При лексикостатистическом сопоставлении новозеландского и австралийского языков процент совпадения лексики варьируется в зависимости от того как применялись и анализировались региональные и фонологические варианты от 87 % до 96 %, а при сопоставлении британского и новозеландского – от 79 % до 96 % [Johnston and Schrembri, 2007: 62]. Вышеуказанные данные позволяют некоторым исследователям считать данные языки диалектами и номинировать их BANZSL от английского British, Australian and New Zealand Sign Language [Там же: 23].

Семья японского жестового языка. Единого стандартизированного японского жестового языка не существует, однако токийский вариант несколько превалирует над другими за счет большей представленности на

местном телевидении, что в свою очередь объясняется тем, что подобные программы спонсируются токийским обществом глухих. Японский жестовый язык несколько моложе других национальных жестовых языков, так как первая школа для глухих была основана в Киото в 1878 году. Крайне мало сведений имеется о более ранних этапах развития японского жестового языка [Nakamura, 1995]. За исключением наличия нескольких заимствований из американского жестового нет свидетельств того, что японский жестовый язык подвергался влиянию других жестовых языков, а значит он развивался обособленно и независимо [Fisher and Gong 2010: 501]. Развитие и становление жестовых языков Тайваня и Кореи непосредственно связаны с историческими событиями, а именно с японской оккупацией. Первая школа для глухих в Тайване была основана японцами в 1915 году в Тайнане, а вторая два года спустя в Тайпее. Учителя первой школы прибыли из Осаки, для тайпейской школы - из Токио. Данный факт объясняет наличие двух диалектов жестового языка Тайваня, дублирующих соответствующие диалекты японского жестового языка. Вышеуказанные диалекты взаимопонимаемы, их грамматические структуры схожи, различия представлены лишь в лексике [Tai and Tsay, 2015: 771–772]. Кроме того, отмечается влияние китайского жестового языка, который широко распространен наряду с жестовым языком Тайваня, однако некоторое сходство данных языков является следствием длительного языкового контакта и не указывает на языковое родство [Su and Tai, 2009: 150]. После окончания оккупации Японией Кореи и Тайваня жестовые языки последних развивались самостоятельно, что привело к некоторым изменениям, в частности лишь 60–70 лексики родственны лексике японского жестового языка [Fisher and Qunhu, 2010: 501].

Семья китайского жестового языка. Первая китайская школа для глухих детей была основана в Тун Чоу, Чифу, в 1887 году при поддержке Пресвитерианской Миссии преподобным Чарльзом Роджерсом Миллсом и его женой Аннеттой Т. Миллс, которая ранее обучала глухих детей в Рочестерской школе [Yang and Fisher, 2002: 169]. Вторая школа была открыта в Шан-

хае в 1892 году. Китайский жестовый язык разделен на два диалекта, северный и южный. Северный диалект (распространенный, например, в Пекине) более подвержен влиянию китайского языка чем южный диалект (Шанхайский), который демонстрирует несколько меньшее влияние звучащего языка [Fisher and Gong, 2010: 501]. Шанхайский диалект китайского жестового языка распространился также на территории Гонконга, когда выпускница шанхайской школы боя глухих открыла школу в Гонконге в 1948 году. Современный гонконгский жестовый язык представляет собой продукт слияния местного жестового языка, который, как предполагается, стал распространяться и укореняться после образования первой школы для глухих в 1935 году и шанхайского диалекта китайского жестового языка [Powell, 2013: 157]. Развитие сингапурского жестового языка также связано с китайским жестовым языком благодаря тому, что основатель крупнейшей частной школы для глухих (1954 г.), где обучались глухие ученики со всей Малайи Пэн-цзу Ин получил образование в гонконгской и шанхайской школах для глухих. В 1975 году ученик Пена Лим Чин Хенг после окончания американского университета для глухих содействовал внедрению амслена в гонконгские школы, и занятия начали проводиться на американском жестовом языке [Lim Jia Ying, 2016: 14].

Арабские жестовые языки. В то время как история распространения жестовых языков Европы, Соединенных Штатов и Азии позволяет проследить генетическое родство и влияние одного жестового языка на другой, установление отношений жестовых языков арабоязычных стран требует иного подхода ввиду того, что первая школа для глухих была основана в Ливане лишь в 1950-х годах отцом Андевегом, голландским англиканским миссионером [Padden: 8]. Существует несколько факторов, повлиявших на развитие и становление арабских жестовых языков. Во-первых, на протяжении веков на Ближнем востоке заключались браки в демографически изолированных деревнях, и следствием подобной эндогамии стала частотность возникновения генетической глухоты. В то время как в экзогамных обществах примерно

один младенец из тысячи рождается с нарушением слуха, в регионах, где распространено кровное родство процент детей с наследственным нарушением слуха составляет 1,7 [Shahin et al., 2002: 284]. Описан жестовый язык аль-сайидских бедуинов в Негеве, где распространены кровные браки и наблюдается потеря слуха у 3 % населения из-за генетически рецессивных признаков глубокой предъязычной нейросенсорной глухоты, и в этой деревне жестовый язык используется слышащими наряду с глухими [Al-Fityani, 2010: 48]. Естественным следствием подобной ситуации является то, что жестовые языки в эндогенных сообществах меньше подвержены риску исчезновения благодаря тому, что они передаются из поколения в поколение, в то время как в экзогенных сообществах выживаемость языка напрямую зависит от доступа глухих к специализированным школам и сообществам. Кроме того, на развитие жестовых языков в арабоязычных сообществах влияют культурные, социальные, политические и экономические обстоятельства. Политические факторы и устоявшиеся традиции способствуют изолированности развития жестовых языков данного региона. Таким образом в отличие от разговорного арабского языка, распространенного в арабоязычных странах и представляющего собой различные диалекты, жестовые языки данных территорий демонстрируют большее разнообразие и не являются диалектами единого жестового арабского языка. Аль-Фитьяни в своей докторской диссертации сравнил базовую лексику иорданского (LIU), кувейтского (KSL), ливийского (LSL) и палестинского (PSL) жестовых языков, а также лексику жестового языка бедуинов Аль-Сайид (ABSL), где слышащие жители используют арабский язык, и иорданского жестового языка. В результате было обнаружено, что что LIU–PSL и LIU–KSL являются родственными языками, но, вероятно, не диалектами одного и того же языка, поскольку базовая лексика совпадает на 36–81 %. Что касается LIU–LSL, LIU–ABSL и LIU–ASL, то они, скорее всего, не связаны, поскольку процент совпадений составляет лишь 12–36 % [Там же: 74]. Результаты исследования демонстрируют, что география жестовых языков не соответствует географии разговорных языков, а также тот

факт, что данные языки не являются диалектами и не имеют общего происхождения.

Жестовые языки Африки. История развития жестовых языков Африки непосредственно зависит от истории колонизации континента с одной стороны, и от развития местных деревенских жестовых языков с другой. Остается нерешенным вопрос следует ли рассматривать жестовые языки стран Африки как диалекты европейских и американского жестовых языков либо их нужно идентифицировать как африканские языки, которые подверглись влиянию других языков и в результате несколько трансформировались. Ситуация осложняется тем, что даже в рамках одной страны из-за изменчивости политической ситуации и наличия миссионеров различных церквей местные языки подвергались влиянию нескольких жестовых языков попеременно или одновременно. Показательным является пример Южной Африки, где обучением глухих детей занимались первоначально представители голландской протестантской реформаторской церкви и католический доминиканский орден, представленный в регионе ирландскими монахинями, которые начали обучать глухих в 1863 году, что в последующем привело к открытию первой школы в Кейптауне. В этой школе использовался ирландский жестовый язык в качестве средства обучения, который в свою очередь подвергся сильному влиянию французского жестового языка. А в 1888 году немецкая доминиканская монахиня сестра Стефани Хэншубер основала в Кинг-Уильямс-Таун школу для белых глухих детей, которая впоследствии переехала в Йоханнесбург, где она превратилась в нынешнюю школу Святого Винсента и где применялся немецкий метод обучения. Первой школой для глухих, созданной голландской реформистской церковью, была школа Де Ла Бат для глухих в Вустере в 1881 году, где в качестве средства обучения использовался местный язык жестов. Кроме того, в XX веке были созданы школы для белых англичан Англиканской церковью, частные школы Найка и Карбай для индийских детей, а также школы для обучения глухих детей сесото и тсонго [Aarons and Akach, 2002: 131-134]. Аналогичным образом в Ботсване пред-

ставлены американский, датский и немецкий жестовые языки, в Эфиопии – шведский, финский, и американский жестовые языки, в Гамбии – датский и британский, в Танзании – американский, шведский и финский [Schmaling; цит. по: Fenlon and Wilkinson 2015: 11]. Влияние иностранных языков на развитие и становление местных жестовых языков посредством внедрения системы образования можно увидеть во всех странах Африки. Например, в середине двадцатого века Эндрю Фостер, глухой афроамериканец, основал несколько школ для глухих во франкоязычных странах, используя американский жестовый язык, что в последствии привело к креолизации местных языков или полной их замене [Там же: 13]. В 1956 году Фостер учредил Христианскую миссию для глухих в Соединенных Штатах, и впоследствии основал первую школу для глухих в Гане в 1957 году, в скором времени открыв на территории Ганы еще восемь подобных школ. В дополнение к девяти школам в Гане миссия способствовала образованию еще 22 школ в 17 других странах, включая Нигерию, Кот-д'Ивуар, Того, Сенегал, Бенин и Буркина-Фасо [Caroll and Matherp; цит. по: Nyst, 2010: 3–4]. В таблице 1 представлены некоторые жестовые языки западной Африки, призванные проиллюстрировать разнообразие языковой ситуации региона [Nyst, 2010: 6]:

Таблица 1. Жестовые языки западной Африки

Наименование	Происхождение ЖЯ	Место распространения
ЖЯ Адаморобе	местный	деревня Адаморобе, Гана
Американский ЖЯ	иностраный	Бенин, Буркина Фасо, Гана, Либерия, Кот д'Ивуар, Мавритания, Мали, Нигерия, Того
ЖЯ Бура	местный	населенные народностью бура территории Нигерии
Французский ЖЯ	иностраный	Того
Гамбийский ЖЯ	дериват американского ЖЯ	Гамбия

ЖЯ Ганы	дериват американского ЖЯ	Гана
ЖЯ Гвинеи-Биссау	местный	Гвинея-Биссау
ЖЯ Гвинеи	дериват американского ЖЯ	г. Конакри, Гвинея
ЖЯ Хауса	местный	Кано, Нигерия
ЖЯ Мбур	местный	г. Мбур, Сенегал
ЖЯ Буркина Фасо	местный	г. Уагадугу, Буркина Фасо
ЖЯ Нанабин	местный	деревня Нанабин, Гана
Нигерийский ЖЯ	дериват американского ЖЯ	Нигерия
Португальский ЖЯ	иностраный	Кабо Верде
ЖЯ Сьерра-Леоне	дериват американского ЖЯ	Сьерра-Леоне
ЖЯ Тебул Уре	местный	деревня Тебул Уре, Мали

Подтверждением тезиса о том, что ключевую роль в формировании и становлении многих жестовых языков сыграли специализированные школы, где изолированные ранее друг от друга глухие получили возможность контактировать, тем самым предоставив фундамент для развития жестовых языков подтверждает ситуация, возникшая в Никарагуа. Первая школа для глухих детей была основана Манагуа в 1977 году, и обучение включало в себя лишь тренировку навыков чтения по губам и говорения по-испански, однако детям было позволено общаться жестами в автобусах и на школьных площадках [Senghas and Coppola, 2001: 324]. Как следствие никарагуанский жестовый язык быстро развился и никак не коррелирует с испанским языком, на котором говорят в регионе, а также не связан с американским жестовым языком, который используется в большинстве стран Северной Америки. Хотя происхождение жестового языка зачастую зависит от системы образования, существуют языки (помимо деревенских жестовых языков), которые не

были подвержены какому-либо влиянию. Так, индо-пакистанский жестовый язык, распространенный на индийском субконтиненте, не относится к какой-либо языковой семье и на данный момент нет достоверной информации об истории его развития [Zeshan, 2006: 304]. Таким образом можно заключить, что история развития и становления жестовых языков зависит от многих факторов, например от политической ситуации, наличия специализированных школ и сообществ, количества глухих, а также от степени поддержки государства. Следует отметить, что в настоящий момент согласно данным Всемирной федерации глухих лишь в 41 стране жестовые языки имеют официальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aarons D., Akach P. South African Sign Language: one language or many? // *Language in South Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 127–147.
2. Al-Fityani K. Deaf People, Modernity, and a Contentious Effort to Unify Arab Sign Languages: a dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. San Diego: University of California, 2010. 227 p.
3. Braem P.B., Rathmann C. Transmission of sign languages in Northern Europe // *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 19-45.
4. Fenlon J., Wilkinson E. Sign languages in the world // *Sociolinguistics and Deaf Communities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Vol. 1. Schembri, Lucas. P. 5–28.
5. Fisher S. Sign languages in their Historical Context [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264741714_Sign_languages_in_their_Historical_Context (дата обращения: 10.07.2019).
6. Fisher S., Qunhu G. Variation in East Asian sign language structures // *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 499–518.

7. Guerra Currie A-M., Meier R., Walters K.. A crosslinguistic examination of the lexicons of four signed languages // *Modality and structure in signed and spoken languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 224–235.
8. Gregory S., Hartley G. *Constructing deafness*. London: Printer Press, 1991. 320 p.
9. Herbert M. G. A New Classifier-Based Morpheme in German Sign Language (DGS) // *Working Papers in Linguistics, proceedings of the 39th Annual Penn Linguistics Conference*. University of Pennsylvania, 2016. Vol. 22 Issue 1. P. 128–138.
10. Hull D., McDonald R., Ward M. Legislation and policy on sign language in the UK and Ireland [Электронный ресурс]. URL: http://www.niassembly.gov.uk/globalassets/documents/raise/publications/2014/culture_arts_leisure/14114.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
11. Johnston T. BSL, Auslan and NZSL: Three Signed Languages or One? // *Cross-Linguistic Perspectives in Sign Language Research, Selected Papers from TISLR 2000*. Hamburg: Signum Verlag, 2003. P. 47–69.
12. Johnston T., Schrembri A. *Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 338 p.
13. Lane H., Hoffmeister L., Bahan B. *A Journey into the DEAF-WORLD*. San Diego, CA: DawnSignPress, 1996. 513 p.
14. Lim Jia Ying J. *Investigation of Classifiers in Singapore Sign Language through Narratives: A Pilot Study: A Final Year Project submitted to the School of Humanities and Social Sciences, Nanyang Technological University*, 2016. 76 p.
15. Marshall B. *France and Americas*. ABC-CLIO, 2005. 1297 p.
16. McBurney S. *History of sign languages and sign language linguistics* // *Sign Language, an international handbook*. KG: Göttingen, 2012. P. 909–949.
17. McCagg W. O. 2002. Some problems in the history of Deaf Hungarians // *Deaf History Unveiled*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 1993. P. 252–271.

18. Miles M. Signing in the Seraglio: mutes, dwarfs and jestures at the Ottoman Court 1500–1700. 2000. [Электронный ресурс]. URL: www.independentliving.org/docs5/mmiles2.html (дата обращения 12.06.2019).

19. Nakamura K. About Japanese Sign Language. [Электронный ресурс]. 1995. URL: <http://www.deaflibrary.org/jsl.html> (дата обращения 12.06.2019).

20. Napier, L. Leeson L. Sign Language in Action. Palgrave Macmillan, 2016. 339 p.

21. Nyst V. Sign Language in West Africa. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sign-languages/sign-languages-in-westafrica/0A1F049657C4FD09671AB6A3F2014EBE> (дата обращения 12.06.2019).

22. Padden C. Sign language geography [Электронный ресурс]. URL: <http://pages.ucsd.edu/~cpadden/files/Padden%20SL%20Geography.pdf> (дата обращения 12.06.2019).

23. Plann S. A Silent Minority: Deaf Education in Spain. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P 1550–1835.

24. Powell D. Deaf Education in New Zealand: Where We have been and Where We Are Going [Электронный ресурс]. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/256846189_Deaf_Education_In_New_Zealand_Where_We've_Been_and_Where_We're_Going (дата обращения 12.06.2019).

25. Quinto-Pozos D. Contact between Mexican Sign Language (LSM) and American Sign Language (ASL) in two Texas border areas // Sign Language & Linguistics, 2006. P. 215–219.

26. Rietveld M., Westerman W. “Hear, Israel” The involvement of Jews in education of the deaf (1850–1880) // Jewish History, 2009. P. 41–56.

27. Shahin H., Walsh T., Sobe T., Lynch E., King M., et al. Genetics of congenital deafness in the Palestinian population: Multiple connexin 26 alleles with shared origins in the Middle East. // Human Genetics, 2002. P. 284–289.

28. Schembri A., Stamp R., Fenlon J., Cormier K. Variation and change in English varieties of British Sign Languages [Электронный ресурс]. URL:

http://kearsy.webmate.me/web/Publications_files/Schembri_et_al_SocioEngland.pdf (дата обращения 12.06.2019).

29. Su S-F., Tai J. H-Y. Lexical Comparison of Signs from Taiwan, Chinese, Japanese, and American Sign Languages: Taking Iconicity into Account // Taiwan Sign Language and Beyond. Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 149–176.

30. Sze F., Lo C., Lo L., Chu K. Historical development of Hong Kong Sign Language // Sign Language Studies. 2013. Vol. 13. № 2. P. 155–185.

31. Senghas A., Coppola M. Children Creating Language: How Nicaraguan Sign Language Acquired a Spatial Grammar // Psychological Science. 2001. Vol 12. № 4. P. 323–328.

32. Tai J. H-Y., Tsay J. Taiwan Sign Language // Sign Languages of The World. Germany, De Gruyter Mouton, 2015. P. 771–809.

33. Woodward, J. Modern standard Thai Sign Language, influence from ASL, and its relationship to original Thai sign varieties // Sign Language Studies. Gallaudet University Press, 1996. P. 227–252.

34. Yang J. H., Fischer S. Expressing negation in Chinese Sign Language // Sign Language & Linguistics. 2002. Vol. 5. № 2. P. 167–202.

35. Zeshan U. Regional variation in Indo-Pakistani Sign Language – evidence from content questions and negatives // Interrogative and negative constructions in sign languages, 2006. P. 303–323.

36. Zeshan U., Palfreyman N. Typology of sign languages // The Cambridge Handbook of Linguistic Typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 178–216.

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию вербальных средств конструирования маскулинности на основе анализа языка американской и британской рекламы. Рассматриваемые маскулинно-ориентированные рекламные тексты дают возможность выявить современные представления о мужчине, существующие в англоязычных лингвокультурах, а также тенденции изменения гендерных ролей в обществе и формирование новых типов гендерных идентичностей. В ходе исследования были выделены три типа мужчины.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, маскулинность, мужественность, реклама, дискурс.

Abstract: This article is devoted to the research of verbal means of constructing manliness in American and British advertisements. The masculine-orientated advertising texts give the opportunity to find out contemporary images of men that exist among English lingua-cultures, and also, the tendencies in changing of gender roles in society and the formation of the new gender identities. During the research three types of a man were identified.

Keywords: gender, gender identity, manliness, masculine, advertising, discourse.

В настоящее время внимание многих ученых обращено к изучению дискурса. Так как исследования в области дискурса стали появляться не так давно, не существует однозначного и общепринятого понимания этого явления. Многоплановость понятия также объясняется междисциплинарным исследованием и различными подходами в рамках одной научной дисциплины.

В данной работе мы рассматриваем текст с его составляющими (языковыми средствами), что находится внутри дискурсивных практик, включающих в себя также процессы создания и интерпретации текста. Дискурсивные практики, в свою очередь, являются формой социальной практики, поскольку использование языка – это не индивидуальная деятельность, а социальный акт [Гриценко, 2005].

* Научный руководитель – канд. филол. наук Л.М. Штейнбург.

Статья подготовлена по материалам доклада, признанного лучшим жюри конференции «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека», 23-24 апреля 2019 г.

Соответственно, текст воплощается в жизнь только тогда, когда он интерпретируется адресатом, а интерпретация зависит от многих социальных условий, например, возраста, образования и т.д.

К социальным условиям, влияющим на создание и интерпретацию текста, относится в том числе гендер. В современной науке гендер понимается именно как социальный конструкт, так как он конструируется каждым индивидом в процессе социализации. Поэтому гендер не всегда совпадает с биологическим полом. В связи с этим возможны отклонения от привычных форм и появление таких гендерных идентичностей, как «женственный мужчина» и «мужественная женщина» [Крапивкина, 2011].

Как самостоятельное направление гендерные исследования зародились в науке около 50 лет назад, чему способствовало распространение феминистских движений в США и Европе [Зиновьева, 2018]. Однако, это не является единственным фактором, повлиявшим на формирование гендерной теории, так как вполне логично появление данного направления в связи со сменой научной парадигмы.

В лингвистике гендерные концепции сформировались немного позже, чем в других гуманитарных науках. Вначале ученые изучали «первобытные» языки, где были выявлены различия вариантов «женского» и «мужского» языков. Затем данные идеи стали исследоваться на материале европейских языков [Скачкова, 2009].

Основным понятием гендерной лингвистики является гендер с такими его проявлениями, как гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентичность и другие [Зиновьева, 2018].

Взросший интерес к гендерному аспекту языка привел к формированию нескольких основных направлений в данной области. Среди них когнитивные и социолингвистические традиции в изучении языка и гендера, а также отдельно феминистские или маскулинные работы.

Реклама — это коммуникация, в которой присутствует отправитель и получатель. Отправитель в данном случае надеется на определенную реак-

цию от получателя в виде приобретения товара или услуги, а получатель чаще всего руководствуется рекламным сообщением и оценивает рекламируемый объект. Реклама относится к массовой коммуникации и не ориентируется на отдельного человека.

Рекламный текст следует рассматривать также с помощью дискурсивного подхода, потому что процессы его создания и интерпретации обуславливаются рядом социальных факторов. Гендер в данном случае выступает и как фактор, влияющий на создание рекламного текста, и как явление, конструируемое рекламным сообщением. В текстах рекламы хорошо видно, как конструируется гендерная идентичность, так как реклама чаще всего нацелена на определенную аудиторию – мужскую или женскую.

В данной работе мы фокусируемся на вербальных средствах конструирования маскулинности на материале англоязычной коммерческой рекламы. Так как гендерные исследования в науке зародились на основе феминистской критики языка, большинство работ в этой области посвящено «женскому» дискурсу [Крапивкина, 2011]. Мы же решили проанализировать маскулинно-ориентированные рекламные тексты.

Для анализа было использовано 19 телевизионных рекламных роликов в таких сферах, как уход за телом, уход за лицом, парфюмерия, спорт, автомобили, одежда, а также 20 текстов рекламы из американских и британских версий журналов «GQ» и «Esquire» за 2015–2017 годы.

В ходе исследования были выделены следующие вербальные средства конструирования маскулинности:

- 1) существительные, семантически отражающие гендерные характеристики мужчины (integrity, greatness, manliness, power, sophistication, style, fashion, taste);
- 2) гендерно-маркированные единицы, использованные для наименования лица (gentlemen, men, man);
- 3) адъективная лексика, характеризующая образ современного мужчины (strong, efficient, fast, sharp, elegant);

4) глагольные формы, отражающие мужское гендерное поведение (break, succeed, strive, never regret);

5) синтаксические конструкции, репрезентирующие «мужские» гендерные идентичности (could it be, go, dare).

В результате анализа фактического материала нами были выявлены три типа маскулинной идентичности:

- 1) «женственный мужчина»,
- 2) «мужественный мужчина»,
- 3) новый тип мужчины.

Первым типом является такая идентичность, как «мужественный мужчина», при конструировании которой используются следующие существительные: «*Integrity is how you behave and is nothing to be gained*» (Boss); «*New innovation and a tradition of excellence. Spots and blackheads zapping your man power?*» (L'Oréal Men Expert); «*Shoulders were made for greatness*» (Head & shoulders). Мужественным мужчину делает существительное *integrity* (“honesty and the ability to do or know what is morally right” [Cambridge Dictionary Online]). В данном примере встречается также существительное *innovation* (“a new idea or method” [Cambridge Dictionary Online]), что указывает на потенциал и стремление к развитию.

В качестве гендерно-маркированных единиц, использованных для наименования лица, выбранные единицы «*man*», «*men*», «*gentlemen*», а также гендерно-нейтральная единица «*people*»: «*Gentlemen Only*» (Givenchy); «*He is now the perfect man*» (Clear Men); «*Real watches for real people*» (GQ.September 2015); «*Engineered for men*» (GQ.October 2015).

С помощью адъективной лексики мы можем увидеть образ «мужественного мужчины», который является «*sharp*», «*strong*», «*fast*», «*not tired*» их характеристики, важные для мужественного мужчины при выборе товара: *dynamic, luxurious, innovative, efficient*. «*Fast by nature*» (Nike); «*With its dynamic looks, luxurious interior, innovative technologies and strong, yet efficient*

engines things really don't get any better» (Jeep); «Look sharp, not tired» (GQ. October 2015).

По глагольным формам становится очевидным поведение данного типа мужчины: *«Life is short. Break the rules. They were made to be broken. Never regret anything» (Dior Homme); «Choose to strive for more, for better. Every hour and every day be the man of today» (Boss); «What's driven me my whole life is the will to succeed» (Tommy Hilfiger); «Don't crack under pressure» (Esquire. April 2017). Семантически глагол *to crack* обозначает следующее: “to break, split, or snap apart” [Merriam-Webster Dictionary Online]. В данном примере он используется в отрицательной форме, что подразумевает «не ломаться под давлением», то есть, «выстоять», что говорит о такой характеристике, как выносливость.*

Среди синтаксических конструкций, репрезентирующих «мужественного мужчину», используются синтаксический параллелизм и парцелляция для большего включения манипулятивной функции языка, а также простые безличные предложения со сказуемым в форме императива, что создает более конкретный образ товара: *«You care for your shoes. You care for your car. And you care for your pet. So why not take better care of your face?» (Nivea Men); «Today is yours. Go after what you really want. Dare to take first step. What are you waiting for? Your time is now» (Hugo Boss)*

Следующий тип гендерной идентичности – это «женственный мужчина», что является отклонением от привычных форм.

В конструировании данного типа появляются следующие существительные: *«Combining comfort and personal taste. Made to Measure is the Giorgio Armani line designed for men who seek style. Their own» (GQ. September 2015); «Elegance is an attitude» (GQ. September 2015); «Travel in different fashion» (GQ. October 2015); «Quality. Sophistication. Style» (Esquire. April 2017); «Your face is the only business card you need» (Esquire. April 2017).*

Образ женственного мужчины складывается из прилагательных «sweet», «elegant» и важной характеристики продукта «beautifully propor-

tioned»: «Welcome to sweet amenity» (Dolce & Gabbana); «beautifully proportioned» (GQ. September 2015); «Simply elegant» (Esquire. September 2016).

Синтаксические конструкции дополняет модальность, выраженная следующими формами: «Could it be anymore perfect» (GQ. September 2015); «*There's a certain type of man who, when the autumn arrives, reduces his casual shoe game to, simply, trainers. He would argue that anything dressier isn't rain-appropriate: that is to say, not sufficiently hard-wearing and grippy. He would be wrong. Our favourite shoemakers are now bringing resilient soles to sprezzati uppers – and making a statement in the process*» (GQ. September 2015)

Однако нами было выявлено, что в современном мире появляется новый тип мужчины, который сочетает в себе ухоженность и мужество. Данные выводы подтверждают примеры рекламных текстов: «Hello, ladies. Look at your man. Now back to me. Now back at your man, Now back to me. Sadly, he isn't me. But if he stopped using lady scented body wash and switched to Old Spice, he could smell like he's me. Look down. Back up. Where are you? You're on a boat with the man your man could smell like. What's in your hand? Back at me. I have it. It's an oyster with two tickets to that thing you love. Look again. The tickets are now diamonds. Anything is possible when your man smells like Old spice and not a lady. I'm on a horse. Smell like a man, man» (Old Spice). В первую очередь мы видим обращение к «*ladies*», что означает, данному типу мужчин, также, как и «мужественному мужчине» важна оценка женского пола. Противопоставление «*your man*» и «*me*» основывается на том, что один пользуется специальным средством по уходу для мужчин, что делает его мужчиной. Повторение гендерно-маркированной единицы «*man*» в конце усиливает образ мужественности.

Рассмотрим другой пример: Look strong. Feel strong. Be strong. Care makes a man stronger (Dove. Men+Care). Чтобы наиболее точно понять смысл предложенного рекламного текста, рассмотрим значение слов *strong* и *care*. Strong – «physically powerful», «of a good quality or level and likely to be successful», «confident and able to deal with problems well» [Cambridge Dictionary

Online]. Русским эквивалентом будут являться прилагательные *сильный, твердый, решительный*, что явно относится к маскулинным чертам. Care – “watchfulattention” [Merriam-WebsterDictionaryOnline]. Данное существительное понимается как уход, забота. В данном рекламном тексте мы сталкиваемся с тем, что слово «*strong*» сочетается со словом «*care*». Соответственно, мужчину уход за собой делает еще сильнее.

В следующем примере использование мужского средства по уходу сочетается с таким существительным, как «*manliness*» (маскулинность): «*When you use Old Spice body wash within visible pray, you'll smell so many scientists will want o study your manliness*» (Old Spice).

Таким образом, в современной англоязычной лингвокультуре мужчины стремятся ухаживать за собой и выглядеть красиво, однако это не делает их женственными. Англоязычная коммерческая реклама конструирует и воспитывает новый тип мужчины, разрушая существующие гендерные стереотипы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Нижний Новгород, 2005. 405 с.
2. Зиновьева Е.С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журналов (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославль, 2018. 235 с.
3. Крапивкина М.В. Язык немецкой журнальной рекламы: вербальные и невербальные средства конструирования гендерной идентичности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2011. 26 с.
4. Скачкова И.И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса // Вестник ТГЭУ. 2009. Вып. 4. С. 119–132.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Аннотация: В статье рассматриваются словообразовательные средства выражения эмоций в сибирском фольклорном тексте. Установлено, что в текстах необрядовых песен Северного Приангарья наиболее продуктивный словообразовательный способ выражения эмоций – суффиксы субъективного отношения.

Ключевые слова: эмоция, словообразовательные средства выражения эмоций, народные лирические песни, Северное Приангарье.

Abstract: The article is devoted to word-formation means of expression of emotions in the Siberian folklore text. It is established that the most productive word-formation way of expression of emotions in texts of not ceremonial songs of the Northern Angara region are suffixes of the subjective relation.

Keywords: emotion, word-formation means of expression of emotions, national lyrical song, the Northern Angara region.

В задачи настоящего исследования входит выявление и характеристика языковых средств выражения эмоций в текстах песенного фольклора Северного Приангарья. Объектом исследования являются словообразовательные средства выражения эмоций. Актуальность работы заключается, во-первых, в возможности на репрезентативном материале рассмотреть фундаментальную проблему взаимосвязи языка и эмоций, исследуемую в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания; во-вторых, показать, как в языке отражается национальная картина мира, в-третьих, в необходимости расширения эмпирической базы лингвистики эмоций.

В лингвистическом аспекте фольклорные тексты Северного Приангарья рассматриваются впервые. В фокусе внимания оказались солдатские, тюремные («удалые»), семейные и лирические песни о любви. В целом проанализировано 92 фольклорных текста.

* Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Фельде..

Эмоциональность – это психическая категория, обозначающая поведенческое проявление эмоций. В языке эмоциональность переходит в категорию эмотивности и выражается при помощи множества средств на всех его уровнях.

На уровне словообразования С. В. ИONOBA [ИONOBA, 1998] выделяет 4 основные средства эмотивного словообразования:

- суффиксы субъективного отношения;
- переход существительного в глагол при помощи суффиксов –ича-/–ствова;
- приставочно-суффиксальный способ (у глаголов может добавляться –ся);
- эмотивные глаголы поведения, оканчивающиеся на –ся.

Суффиксы субъективного отношения. Методом сплошной выборки было выявлено 152 слова, в морфемном составе которых есть суффиксы субъективного отношения: 138 существительных, 8 прилагательных (5 полных, 3 кратких), 1 наречие, 5 имен собственных. Это такие суффиксы как –ушк- (–юшк-, –ышк-, –ишк-), –ечк- (–очк-, –ичк-), –оньк- (–еньк-), –ок- (–ек-, –ик-), –к-.

Наиболее продуктивный суффикс (42 слова) – –ушк- (–юшк-, –ышк-, –ишк-).

Основные случаи употребления суффикса –УШК- (и его вариантов), выделенные А. Вежбицкой, реализуются и в найденных словах:

– выражает ласку и сочувствие при назывании взрослых и старых людей (мамушка, старушки): *Не скажет мамушка родима: — Вставай, сынок, попьем чайку...* (Прощайте, красные девицы);

– в фольклоре употребляется при назывании абстрактных понятий (кручинушка, волюшка, неволюшка, печаль-горюшко, думушка): *Ох, мне бы девушке да быть-то на волюшке! Быть на волюшке, Ой, быть на волюшке, на свободушке (Ты детинушка да сиротинушка).*

В семантике суффикса А. Вежбицкая акцентирует внимание на «теплом отношении к людям, которое выработано на основе жизненного опыта» [Вежбицкая, 1995: 131], которое «отражает важную черту русской народной

философии, которая считает, что человек заслуживает жалости и поощряет смирение и сострадание. Такие слова... связаны с традиционно русским отношением к жизни» [Вежбицкая, 1995: 130].

На втором месте по продуктивности находятся суффиксы: -ечк- (-очк-, -ичк-) и -ок- (-ек-, -ик-) – по 28 слов в каждой группе. Основное значение в семантике суффикса -ЕЧК-, по мнению А. Вежбицкой, – это «дважды уменьшительное значение, особая степень ласковости: уменьшение (малый размер) и хорошие чувства к называемому объекту» [Вежбицкая, 1995]. Суффиксы -ок- (-ек-, -ик-) употребляются только с существительными мужского рода: *Ой, да с кем я ду... с кем я думушку буду, Буду ее бы думовати, думова-а-ти?* (С кем я буду думушку думовати); *У девчоночки у молоденькой все заранее сердце слышало, за неделюшку сдогадалось, ох, всего за три дня показалось* (У девчоночки, у молоденькой).

Из двух семантических значений суффикса -К-, выделенных А. Вежбицкой (деминутивное и аугментативное), в изученных текстах реализуется только первое (птичка, сосенка, сиротинка, лебедка): *Ой, да я в ушочки вдерну сереже... ох, да сережки* (Что за садик. Что за бравой); *Да не былиночка она во полечке она стояла, ой, стояла* (Да не былиночка); *Мы с тобой под дубком, ой, сиде... ой, сидели. Ой, сидели* (Из-за лесу, из оврагу).

Средняя степень продуктивности у суффиксов -ОНЬК-/-ЕНЬК- и -К- – от 15 до 20 слов. Низкопродуктивны суффиксы: -ЧИК-/-ЮШ-/-ИЦ-ЕЦ-/-ЯТК- (от 7 до 1 слова): *Да зи... зимонька-то была студе... Ой, зима студена* (Не зима то была студеная); *Из-за ле... из-за лесу да из оврагу, да три лебе... ой, три лебедки оне воду пьют* (Из-за лесу. Из оврагу); *Цветно платице мне-ка будта поносити, да по...й, поноси-ити* (С кем я думушку буду думовати).

Три слова образованы приставочно-суффиксальным способом: *восударушка, раздевчоночка, размальчишка*. Все – имена существительные, обозначающие людей либо разного пола, либо разного возраста: *Восударушка, ты жисть, радость будто моя, Э-ох, в отдаленнушке ты живешь от меня*

(Соловеюшка, птичка маленька); *Раздевчоночке бедно ста... ой, бедно стало, ой, стала плакать да го... ой, горевать* (Что за садик. Что за бравой); *Полюбила она размальчишка, ой, да двадцати-то, ой, двух лет* (Похожу, млада, по горенке).

Два словообразовательных средства выражения эмоций: приставка+ся (без возвратной частицы) и постфикс -ся в эмотивных глаголах поведения, указывающие на наличие эмоциональной семы или усиливающие её, практически не представлены в изученных текстах – было найдено по 8 глаголов на каждый случай: *Да не прогневайся, мой милый, Что я буду говорить* (Я стояла, примечала); *Что ж ты сделал, да что ж ты надсмеялся, Да, ой, над девчо... ой, девчонкою, парень молодой?* (Что за парень, что за бравый); *Ох, еще все люди дивовалися* (У девчоночки, у молоденькой).

Такое словообразовательное средство выражения эмоций как переход существительного в глагол при помощи суффиксов –ич/-ствова- не представлен в изученных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1998. 197 с.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 416 с.

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Аннотация: В статье рассматривается речевая стратегия дискредитации России и русских в публицистике Т. Толстой, выявляются коммуникативные тактики данной стратегии, анализируются образные средства языка, которые способствуют созданию негативного образа России и её титульной нации.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, речевая стратегия, речевая тактика.

Abstract: The article discusses the communicative strategy of defamation of Russia and Russians in T. Tolstaya's publicism, reveals the communicative tactics of this strategy, analyzes the figurative means of language that contribute to the creation of a negative image of Russia and its titular nation.

Keywords: information psychological war, communicative strategy, communicative tactic.

В настоящее время термин информационно-психологическая война активно используется во многих гуманитарных науках и в публицистическом дискурсе. Информационно-психологическая война – это информационное воздействие субъекта воздействия на объект для его когнитивного подавления и/или подчинения с целью получения выгоды, осуществляемое с использованием речевых стратегий, тактик и языковых средств [Сковородников, Королькова, 2015: 161].

Понятие информационно-психологической войны не ново для мировой и российской истории. Достаточно вспомнить немецкие самолеты, сбрасывающие вместо бомб листовки с призывом сдаваться в плен и воевать против ненавистных «коммунистов», развал СССР и даже падение самодержавия. В данных процессах огромную роль играла сила слова, которая воздействует на умы.

Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Фельде.

Во всех этих случаях сценарий приблизительно одинаков: в информационном поле страны распространяются идеи неполноценности государства, делается акцент на недостатки, опускаются или даже намеренно дискредитируются достоинства. Все, кто не согласен с идеями протеста, объявляются неполноценными гражданами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения эмпирической базы лингвистики информационно-психологической войны и изучения ценностной картины мира неолиберальной творческой интеллигенции.

Задачи исследования:

- рассмотреть речевую стратегию дискредитации России и русских в публицистике Т.Н. Толстой;
- выявить коммуникативные тактики данной стратегии;
- проанализировать образные средства, которые способствуют созданию негативного образа России и ее титульной нации.

Неотъемлемой частью логической структуры информационной войны являются ее субъект, объект и цель.

Субъектом информационной войны является лицо или лица, заинтересованные в достижении определенного результата, при этом важно, что данное лицо действует исключительно для достижения своих корыстных интересов (См. об этом подробнее: [Сковородников, Королькова, 2015: 161]). В рамках настоящего исследования в качестве субъекта информационно-психологической войны выступает Татьяна Никитична Толстая (3 мая 1951 г.) – российская писательница, телеведущая, публицист и литературный критик.

Объектом информационной войны является сознание индивида, группы людей или народа в целом, на которые необходимо оказать влияние, чтобы субъект мог добиться своих целей (См. об этом подробнее: [Там же: 161–162]). Объектом публицистики Татьяны Толстой являются русскоязычные читатели и телезрители.

Цели (мишени) в информационной войне могут сильно отличаться и быть как вполне безобидными (например, убедить человека приобрести товар определенного производителя), так и откровенно вредительскими для самого объекта (ненависть к собственному народу, истории и т.п.) (См. об этом подробнее: [Сковородников, Копнина, 2016: 44]).

Необходимо помнить, что в любой войне применяется оружие. В информационной войне таким оружием является информация, передаваемая по средствам коммуникации в любой доступной форме, но с обязательным применением характерных для информационной войны коммуникативных стратегий и тактик (См. об этом подробнее: [Сковородников, Королькова, 2015: 162]).

Речевая (коммуникативная) стратегия – это общая линия речевого поведения, определяемая коммуникативными целями субъекта коммуникации на основе осознания совокупности факторов, влияющих на ход коммуникации [Сковородников, 2012: 246–247].

Речевая (коммуникативная) тактика – это отдельный этап реализации речевой стратегии, направленный на решение частных коммуникационных задач. Конечной целью речевой тактики является реализация речевой стратегии и достижение конечных целей субъекта коммуникации [Там же].

В основе речевой стратегии российских правых либеральных сил, к которым можно отнести и Татьяну Никитичну Толстую, явно прослеживается одна и та же генеральная линия дискредитации патриотических движений России, истории и достижений ее народа, внешней и внутренней политики, русской православной церкви, идей имперской России и соответствующих символов. Основными мишенями является сама Россия, ее титульная нация – русские и русский мир.

Источниками исследования являются:

1. Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010.
URL: <https://bazeboo.livejournal.com/42082.html>.

2. Т. Толстая о России и русских // Пятая либеральная колонна: Вся правда. URL: <http://droplak.ru/?p=2033>.

3. Толстая Т.Н. Река. М.: Эксмо, 2007.

4. Интервью Толстой Т.Н. для Интернет-газеты «Соль» от 09 марта 2011.

Рассмотрим отдельные тактические проявления генеральной стратегии дискредитации Татьяной Толстой России и русских на основе некоторых ее высказываний. Тактики, использованные при анализе, подробно описаны в монографии Иссерс О.С. – «Коммуникативные тактики и стратегии русской речи» и статье Сковородникова А.П. и Корольковой Э.А – «Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты»)».

«Страна не такова, чтобы ей соответствовать! Ее надо тащить за собой, дуру толстожопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же блядским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как народ...» (Т. Толстая о России и русских // Пятая либеральная колонна: Вся правда).

В данном высказывании Татьяны Толстой четко прослеживается тактика аргументативно недостаточных объяснений и оценок фактов, сочетающаяся с искажением действительного положения вещей. Толстая использует антропоморфные метафоры: Россия объявляется «*дурой толстожопой*», «*косной*». Кроме того, используется инвективная и грубо-просторечная лексика: народ страны предстает «*блядским*», «*тупым*», «*отсталым*», сопоставляющийся государству. При этом Толстой не приводится совершенно никаких логических аргументов в подтверждение данных слов. Так, мы наблюдаем тактику оскорблений, пронизывающих весь текст наряду с отрицательно-оценочными характеристиками.

«Недавно кто-то остроумно заметил, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Это очень верно, и это очень удобно: каждый придумывает собственное прошлое, собственную историю этого сумасшедшего

дома, и один рассказ ничуть не лучше и не правильнее другого, прошлых столько, сколько вы хотите» (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. 2010).

В данном высказывании Татьяна Толстая уже использует очевидную метафорическую модель, представляя Россию как «сумасшедший дом», предлагая идеологически заряженному читателю самому додумать нужные, актуальные для него самого элементы. При этом, что характерно, данная цитата может использоваться абсолютно для любой другой страны, ведь наш мозг все остальное сделает за нас. Например: «Недавно кто-то остроумно заметил, что Соединенные Штаты Америки — страна с непредсказуемым прошлым...».

«Россия – это большой сумасшедший дом, где на двери висит большой амбарный замок, зато стены нету; где потолки низкие, зато вместо пола – бездна под ногами; где врачи утратили разум, а пациенты по-своему очень хорошо соображают, что к чему, но притворяются ненормальными, и не потому, что хотят угодить врачам, а просто потому, что так интереснее, удобнее и волшебнее...» (Толстая Т.Н. Река. 2007).

И вновь мы встречаем ту же самую метафорическую модель – «сумасшедший дом», помимо которой прослеживается целый букет коммуникативных тактик: неприведение данных об источнике информации; неприведение фактических данных, подтверждающих обоснованность высказывания; односторонняя подача информации; такая организация высказывания, при которой предполагается понимание по догадке и ассоциативным связям; навешивание ярлыков; оскорбления.

Рассмотрим также тактики реализации генеральной стратегии дискредитации русских как нации.

«Когда тебя читают 22 000 человек, это автоматически означает, что 21 000 из них – хомячки. Их реакция прогнозируема и планируема. Время от времени я пишу пост так, чтобы хомячки набежали и перегрызлись. Это же все манипуляции. Накрошишь им: эй, мышки, давай сюда. Бегут, бегут!»

Чтобы не пропустили место прикормки, пост хорошо озаглавить, например, «Русофобия». Обязательно прибежут и обвинят меня, в чем бы вы думали? В русофобии. Не ошибутся» (Соль. 09.03.2011).

В данном высказывании можно наглядно наблюдать комбинацию таких коммуникативных тактик, характерных для информационной войны, как «навешивание» ярлыков (для этого Толстая использует оскорбительный зоосемизм – «хомячки», «мышки») и уничтожение интеллектуального потенциала читателей, не согласных с ее оценкой.

«Когда русские врут, воруют и обманывают (тут мы лидеры, и первенства никому не уступим, и не потому, что врем и ворует больше других народов, а потому, что делаем это даже без пользы для самих себя, а порой и во вред, ради чистого искусства) – то это не потому, что мы грешны, а потому, что дихотомия между добром и злом, правдой и ложью, светом и тьмой, правым и левым для нас объективно не существует» (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. 2010).

Мы вновь наблюдаем тактику неуточненности данных об источнике информации одновременно с тактикой неприведения фактических данных, подтверждающих обоснованность положения. Мы не можем сказать на какие исследования опирается Толстая, и почему она делает такой вывод; она основывается исключительно на эмоциональном восприятии русского народа. Характерна и тактика «вброса» (как бы случайного включения) в нейтральный текст идеологически оценочного фрагмента и, конечно, тактика «навешивания» ярлыков (русские «врут», «воруют», «обманывают», для них «не существует дихотомии» между добром и злом).

Речевая стратегия дискредитации проявляется Толстой и по отношению к русскому патриотизму.

«Для меня русский национализм, национал-патриотизм ужасен, и не только по той очевидной причине, что он смертельно и безошибочно пахнет фашизмом, но главным образом потому, что его идея и цель – замкнуть русский мир на самого себя, заткнуть все щели, дыры и поры, все форточки, из

которых сквозит веселым ветром чужих культур, и оставить русских наедине друг с другом» (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. 2010).

Для дискредитации русского патриотизма Толстая использует языковые маркеры:

- политические метафоры, обозначающие негативные явления – русский патриотизм *«пахнет фашизмом»*. Кроме того, он сравнивается с национализмом. «Фашистскому» патриотизму противопоставляется западная культура. Так, появляется метафора с положительной коннотацией, которая используется по отношению к иным народам и странам – *«веселым ветром чужих культур»*;
- метафора закрытого пространства – *«замкнуть на самого себя»*; *«заткнуть все щели, дыры и поры, все форточки»*.

Таким образом, в деятельности Татьяны Толстой не просто прослеживаются, а откровенно выставляются на всеобщее обозрение все признаки ведения информационной войны. Применяемая ей стратегия дискредитации, очевидно, не несет под собой цели изменить что-либо к лучшему, а носит исключительно негативный, деструктивный характер, направленный против России и ее народа.

Хочется задать вопрос: а что тогда Родина для Татьяны Толстой? Голая территория? Земля и природа? А может она, просто ослепленная ненавистью, не способна любить ее и видеть в ней хорошее? Тогда стоит спросить, а Родина ли это вообще, или для концепции Родины Толстой требуется свой собственный термин?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иссерс О.С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Сковородников А.П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 246–247.

3. Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160–172.

4. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1(55). С. 42–49.

«ЖЕНСКОЕ ЧЕТВЕРОКНИЖИЕ»: СТРУКТУРА ТЕКСТА, ХАРАКТЕРНЫЕ ОБОРОТЫ И УЗУС

Аннотация: Статья посвящена интерпретации текстов, входящих в состав «Женского четверокнижия» («女四书»), путем анализа отдельных его фрагментов на основании методики, разработанной В. С. Спириным. Структурный анализ этого свода правил позволяет выявить характерные речевые обороты в текстах «Женского четверокнижия», принимая во внимание наличие параллельных конструкций, интерпретировать и систематизировать факты, формирующие содержание рассматриваемого нами древнекитайского произведения, описать формы соотношения фрагментов текста, а также изучить систему воспитания женщин на основе текстов.

Ключевые слова: Женское четверокнижие, вэньянь, женское образование в императорском Китае, параллельные конструкции, синтаксис древнекитайского языка, семантика древнекитайского текста.

Abstract: The article focuses on interpretation of the texts included in *The Four Books for Women* (“女四书”) by analyzing its particular fragments based on the methodology developed by V. S. Spirin. Structural analysis of *The Four Books for Women* makes it possible to identify peculiar speech patterns, all the parallel constructions, to interpret and systematize the content of the ancient Chinese text, to describe forms of correlation of text fragments and to study the system of women education based on *The Four Books for Women*.

Keywords: *The Four Books for Women*, *wenyan*, women education in imperial China, parallel constructions, syntax of ancient Chinese language, ancient Chinese text semantic.

Древнекитайский текст представляет собой искусственную систему знаков, надстроенную над естественным языком. Она обладает своими уникальными синтаксисом и семантикой, а потому связь элементов текста в контексте реализуется не средствами естественного разговорного языка, а совершенно отличными способами.

Мы ограничиваемся использованием некоторых семиотических приемов для выяснения лингвистических вопросов, нас интересует не вся сфера применения искусственного языка, который обнаруживается путем структурного анализа, а лишь та ее часть, которая применяется сознательно и связана с лингвистической наукой.

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук И.Г. Нагибина..

Наша работа посвящена интерпретации текстов, входящих в состав «Женского четверокнижия» (班昭, 女四书), путем анализа отдельных его фрагментов на основании методики, разработанной В.С. Спириным [Спирин, 1976: 18]. «Женское четверокнижие» представляет собой сборник четырех поучительных книг для женщин в китайском феодальном обществе: «Наставления для женщин», «Женские приготовления», «Домашние уроки» и «Идеальная женщина».

Древнекитайские тексты позднего классического периода, к которым относится рассматриваемая нами глава «Женского четверокнижия», написанная Бань Чжао (班昭), 45–116, I в. н.э., содержит в себе достаточное количество параллельных конструкций. Параллельность элементов текста определяется как по формальным, так и по содержательным признакам. Структурный анализ китайских текстов имеет ряд своих особенностей, речь о которых пойдет ниже.

Принято считать, что древнекитайский язык послужил основой для вэньяня. Вэньянь, или классический китайский язык, использовался в Китае до начала XX века. Тексты, написанные на вэньяне, как и любые другие древние тексты, сложны для понимания и последующей интерпретации. В частности, ввиду неоднородности вэньяня, так как до конца XIX века в Китае отсутствовала нормативная грамматика, при том, что вэньянь, в свое время, подобрал в себя значительное количество цитат из древнекитайского языка, которые сохранились в практически неизменном виде [Симоненко и др., 2011].

Параллельное существование двух языков создало ситуацию фактического двуязычия, оба языка взаимодействовали между собой и неизбежно оказывали влияние друг на друга. При этом вэньянь выступал основным источником заимствований в байхуа. Грамматические формы и конструкции представлены во всех текстах на байхуа в большей или меньшей степени [Зюграф, 2008].

Изменения в грамматической системе вэньяня происходили постоянно, однако выявить их несколько затруднительно, поэтому среди исследователей существуют разногласия, так как некоторые из них отождествляют понятие вэньянь и древнекитайский язык. Тексты, написанные на вэньяне, по праву заслуживают отдельного внимания со стороны исследователей. Хронологический аспект, особенности словоупотребления каждого автора представляют собой целую область для исследования.

Вслед за отечественными синологами мы придерживаемся мнения, что вэньянь и древнекитайский язык между собой не тождественны. В нашем понимании, вэньянь – литературный язык древнекитайских произведений, история которых восходит к IV в. до н.э. Мы будем говорить о том, что анализируемые нами тексты написаны на вэньяне, а не на древнекитайском языке как таковом.

По мнению синологов, таких как С.Е. Яхонтов, С.А. Старостин, чьи труды служат основой для теоретической части нашего исследования, уже на закате правления династии Хань, вэньянь начинает отличаться от собственно разговорного китайского языка – байхуа [Старостин, 2007: 132]. Уже в древнекитайский период, примерно во II в. до н.э., появляются различия между письменным, литературным китайским языком и устной речью [Яхонтов, 1965: 7].

Следует отметить, что установленный временной промежуток, в течение которого были написаны анализируемые нами главы «Женского четверокнижия», не охватывает период глобальных социальных изменений, повлиявших на дальнейшее развитие вэньяня. В те времена, когда было написано «Женское четверокнижие», в китайском языке не существовало пунктуации. Со временем потомки расставили знаки препинания в «Женском четверокнижии», опираясь, прежде всего, на свое собственное понимание текста.

Отличительная черта текстов позднего классического периода – наличие значительного числа параллелизмов [Кондратьева, 2011]. Параллелизм –

стилистический прием, при котором у следующих друг за другом предложений или фрагментов текста наблюдается идентичная или схожая структура. Китайский язык сложный и богатый, малейшая неточность может привести к глубочайшим расхождениям в смысле [Никитина, 2004]. В новой интерпретации «Женского четверокнижия» были произведены значительные изменения в пунктуации, что позволяет современным читателям наиболее полно понимать значение написанного.

Существует несколько видов параллелизма: структурный, синтаксическое тождество, количественный, композиционный, по формально-содержательному признаку, внешнее оформление, рифма [Спирин, 1976: 23]. Структурный параллелизм представляет собой совокупность простых параллелизмов, располагающихся не обязательно в линейной последовательности. Синтаксическое тождество представляет собой тождество грамматических форм, проявляющееся в разной степени.

Понятие количественного параллелизма основывается на способности равнозначных последовательностей знаков складываться в высказывания. Композиционный параллелизм – вид простого составного параллелизма, выражающийся в тождественности строения отдельных фрагментов, позволяющий выделять их в самостоятельные части. Определение тождественности предмета мысли в фрагментах текста входит в область изучения семантики. Исследователю, работающему с древним текстом, следует быть предельно осторожным в определении тождественности значений слов.

Внешнее оформление текста предполагает включение в текст особых фрагментов, к которым относятся вводные слова и фразы. Правила стихосложения, распространяющиеся главным образом на авторскую лирическую поэзию, включают четыре опорных компонента: поэтический размер, метрико-композиционную структуру, мелодическое построение стиха и систему рифмы. В первую очередь параллелизмы использовались в канонических текстах (кит. 经纬 цзин вэй), представляющих собой вид классического текста, создаваемый согласно четко установленным правилам.

В отличие от ранних канонических сочинений, не имеющих определенного авторства, отличающихся многослойностью текста и явно длительным временем формирования, более поздние произведения, к которым относится и рассматриваемое нами «Женское четверокнижие», написанное Бань Чжао (班昭, 45–116 гг.), представляют собой совершенно иной тип письменного памятника.

«Женское четверокнижие» – близкий к каноническим древнекитайским произведениям текст. Прежде всего, это – авторский текст, иными словами – сочинение, имеющее определенного автора. Именно автор придавал своему сочинению определенную форму, согласно принятым то время правилам и традициям. Такие произведения принято называть трактатами. Трактаты – сочинения достаточно абстрактного содержания, как правило, философского характера.

Первая книга «Женского четверокнижия» под названием «Наставления женщинам», написанная Бань Чжао, схематизируется следующим образом:

Таблица 1

1.女有四行	一曰婦德	二曰婦言	三曰婦容	四曰婦功
2.	夫雲婦德 不必 才明絕異也	婦言 不必 辯口利辭也	婦容 不必 顏色美麗也	婦功 不必 工巧過人也
3.清閒貞靜	守節整齊	行己有恥	動靜有法	是謂婦德
4.擇辭而說	不道惡語	時然後言	不厭於人	是謂婦言
5.盥浣塵穢	服飾鮮潔	沐浴以時	身不垢辱	是謂婦容
6.專心紡績	不好戲笑	潔齊酒食	以奉賓客	是謂婦功
7.此四者	女人之大德		而不可乏之者也	
8.然為之甚易	唯在存心耳			
9.古人有言	仁遠乎哉	我欲仁	而仁斯至矣	此之謂也

Перевод данного фрагмента выполнен А.А. Масловым:

1. Женщина должна отличаться четырьмя качествами: первое – это женские добродетели, второе – женские речи, третье – женственная внешность, четвертое – женским мастерством. 2. То, что именуется женскими добродетелями, отнюдь не является поразительными способностями, кото-

рые удивляют других. Женские речи отнюдь не означают мастерство в словах и искусственность в словах. Женственная внешность отнюдь не означает привлекательность лица и красоту форм. В своем женском мастерстве женщина не должна превосходить умелость других женщин. 3. Хранить свою чистоту и целомудрие, строго соблюдать правила поведения, во всех поступках быть скромной, в движении или в покое соответствовать предписаниям, – вот это и зовется женскими добродетелями. 4. Быть осмотрительной в речах, не произносить грубые слова, говорить лишь в нужный момент и не утомлять других [разговорами], – вот что именуется женскими речами. 5. Отмывать и очищать грязь и пыль, беречь одежды и украшения в свежести и чистоте, вовремя омыться, не выставлять свое тело на показ, – вот это и зовется женственной внешностью. 6. Полностью отдавать себя шитью и ткачеству, не увлекаться забавами и смехом, в чистоте готовить пищу и напитки, с почтением встречать гостей, – вот это и зовется женским мастерством. 7. Эти четыре качества являются величайшими добродетелями женщины, и ни одна девушка не может существовать без них. 8. Их очень легко достичь, если только женщина сберегает их в сердце. 9. А поэтому древние и говорили: «Что делать, если отдалился от гуманности? Стоит мне лишь возжелать гуманность, и гуманность тотчас будет достигнута». Вот что именуется четырьмя качествами женщины [Маслов, 2017].

Согласно методу, предложенному В.С. Спириным, форма соотношения фрагментов текста может быть описана следующим образом: здесь в строках 3, 4, 5 объединяющая простая. Это подтверждается наличием объединяющих элементов в 5 столбце 3, 4, и 5 строк. Выражается это посредством фразы 是謂, за которой следуют элементы, восходящие к верхней части канона. Из этого следует вывод, что основание канона берет начало в первых двух строках. Это, в свою очередь, дает нам право охарактеризовать данный фрагмент канонизированного текста как разделяющий объединяющий.

Синтаксическое тождество, как было сказано выше, включает в себя тождество грамматических форм. Иногда, как в строках 3, 4 и 5, по своей грамматической форме полностью тождественны друг другу и имеют одинаковую структуру. В данном случае мы имеем дело с полным грамматическим параллелизмом.

Форма соотношения текста во 2 строке может быть охарактеризована как тождественные друг другу по форме выражения сказуемого 不必才明絕異也, 不必辯口利辭也, 不必顏色美麗也, 不必工巧過人也. Этого вполне достаточно для того, чтобы признать фрагменты указанной строки признать элементарно параллельными и содержащими необходимые признаки параллелизма.

В случаях простого параллелизма подобного типа наблюдается фактическое отождествление грамматически равнозначных служебных слов, и часто происходит уравнивание вынесенного на первое место сказуемого с подлежащим, стоящим на привычном ему месте – в начале предложения.

Наиболее важными в теоретическом и практическом плане являются не случаи полного грамматического тождества, а различные отклонения от него. Строки 3, 4 и 5 также демонстрируют наличие количественного тождества элементов – количественного параллелизма, так как количественный параллелизм предполагает, что равновеликие цепочки знаков могут составлять высказывания. Иными словами, отрывки, входящие в состав высказывания, состоят из одинакового количества знаков.

Цепочки иероглифов в рассматриваемых строках являются законченными высказываниями и имеют форму законченных предложений. Обычно количественный параллелизм сопровождается синтаксическим. Полное его проявление заключается в тождественности друг другу группы подлежащего и сказуемого в высказываниях. «Женское четверокнижие» обладает характерными речевыми оборотами и связанностью фрагментов текста в логическом контексте.

1. Зограф И.Т. Вэньянь и байхуа: взаимодействие двух форм изолирующего языка [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16545356> (дата обращения: 01.05.2019).
2. Кондратьева Е.Б. Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16393576> (дата обращения: 30.04.2019).
3. Маслов, А.А. Наставления женщинам [Электронный ресурс] // URL: http://www.asianreflections.com/blog/ban_zhao (дата обращения: 01.05.2019).
4. Никитина Т.Н. Некоторые особенности древнекитайского текста// Вып. 23. Востоковедение. Филологические исследования. СПб: СПбГУ, 2004. С. 9–15.
5. Симоненко Я.И., Шушарина Г.А. Понятие языка вэньянь и его классические черты [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20217098> (дата обращения: 15.06.2018).
6. Спирин В. С. Построение древнекитайских текстов. М: Наука, 1976. 234 с.
7. Старостин С.А. Заметки о древнекитайском языке. М.: Языки славянских культур, 2007. 504 с.
8. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 115 с.
9. 班 昭 . 女 四 书 [Электронный ресурс] // URL: <https://goo.gl/https://baike.baidu.com/item/女四书> [Бань Чжао «Женское четверокнижие»] (дата обращения: 01.05.2019)

ВЕРБАЛЬНО-АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА-ИДЕОЛОГЕМЫ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема сформированности концепта-идеологемы «цветная революция» в языковом сознании студенческой молодежи г. Красноярска. На основании анализа результатов ассоциативного эксперимента моделируется вербально-ассоциативное поле данного концепта, выявляются смысловые зоны, когнитивные классификаторы и когнитивные признаки изучаемого концепта.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт-идеологема, языковое сознание, когнитивный классификатор, когнитивный признак, вербально-ассоциативное поле.

Abstract: The article focuses on the maturity issue of the concept-ideologeme “Color Revolution” in the linguistic consciousness of Krasnoyarsk students. The research is conducted on a case study of the association experiment and cognitive experiment. As a result the associative field of the concept-ideologeme “Color Revolution”, semantic fields, cognitive qualifiers and cognitive signs are revealed.

Keywords: associative experiment, concept-ideologeme, linguistic consciousness, cognitive qualifiers, cognitive sign, associative field.

Языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов, 2000].

Наиболее эффективным средством доступа к языковому сознанию отдельных территориальных, возрастных и иных групп людей является ассоциативный эксперимент. Он, как отмечается выше, «овнешняет» языковое со-

Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Фельде..

знание. Ассоциативное поле, получаемое в результате массового ассоциативного эксперимента, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре, т.е. отражает его значение именно как социокультурную или политическую реальность [Уфимцева, 2016].

Объектом данного исследования выступает концепт-идеологема «цветная революция», который позволит смоделировать ассоциативно-вербальное поле изучаемого концепта, выявить ключевые смысловые зоны и на основании самой крупного семантического поля определить когнитивные классификаторы и когнитивные признаки концепта.

За основу определения термина «концепт-идеологема» нами взят вариант предложенный Е.В. Малышевой, где термин трактуется как «ментальная единица человеческих знаний и опыта, вид многоуровневого политического концепта, в когнитивной структуре которого выделяются идеологически маркированные концептуальные признаки. Именем концепта-идеологемы является слово или словосочетание с идеологическим макрокомпонентом» [Малышева, 2009].

Что же касается словосочетания «цветная революция», то оно появилось в журналистской среде, как родовое название бескровных революций: «Оранжевой революции» на Украине, «Желтой революция» на Филиппинах, «Революцию роз» в Грузии, «Тюльпановую революцию» в Киргизии, «Сиреневая революция» в Армении и т.д. Большинство «цветных революций» произошли в начале XXI века, где главными действующими лицами являлась критически настроенная молодежь.

С помощью свободного ассоциативного эксперимента, метода моделирования ассоциативно-вербального поля (АВП), а также методики семантического гештальта и смысловых зон Ю.Н. Караулова нам удалось собрать необходимый материал и проанализировать его. Исследование концепта методом свободного ассоциативного эксперимента с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования позволило нам смоделировать

ассоциативно-вербальное поле и выявить структуру и содержание концепта «цветная революция» в языковом сознании красноярских студентов.

Под ассоциативно-вербальным полем мы понимаем некоторый гештальт (целостный образ), где зона является «характеристикой некоего существенного признака, из совокупности которых складывается интенционал данного стимула, обобщенный образ частички мира, стоящий за данным словом» [Караулов, 2000].

Ассоциативный эксперимент проводился в январе-марте 2019 года в четырех высших учебных заведениях Красноярска: Сибирский федеральный университет, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярский государственный медицинский университет, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Всего было опрошено 521 человек (400 респондентов женского пола и 121 респондент мужского пола).

Студенты были представителями различных направлений подготовки: лингвистика, экономическая безопасность, прикладная информатика, менеджмент, международные отношения, ракетостроение, реклама и связи с общественностью, строительство уникальных зданий и сооружений, педагогика и психология развития, искусство и гуманитарные науки, история искусства, международная экономика, лечебное дело, физиология и биохимия растений, юриспруденция, пожарная безопасность, ядерная энергетика и теплофизика и т.д.

Опрашиваемым было предложено записать первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

В результате САЭ было получено 1355 реакций. Из них однословных – 1099, двухсловных – 163, высказываний из трех и более слов – 37, чисел – 10, аббревиатур – 46.

На основе обработки результатов эксперимента было составлено ассоциативное поле стимула «цветная революция», в ядро которого вошли слова: *радуга* (49), *красный* (44), *Украина* (26), *переворот* (24), *цветы* (23), *ми-*

тинг(и) (22), *изменение* (21), *протест* (21), *ЛГБТ* (21), *война* (19), *Ленин* (19), *борьба* (17), *геи* (17), *флаги* (16), *бунт(ы)* (15), *восстание* (15), *смена власти* (15), *США* (15), *оранжевый* (15). В нашем исследовании мы будем рассматривать не только ядро, но и другие слои поля, выделяя смысловые зоны.

С использованием методики семантического гештальта и смысловых зон Ю.Н. Караулова были определены смысловые зоны ассоциативно-вербального поля «цветная революция».

1. «Социальные изменения и потрясения» (272 – 20,1 %);
2. «Континенты, страны и отдельные территории» (138 – 10,2 %);
3. «Свет и цвет» (128 – 9,4 %);
4. «Политика и государственная власть» (117 – 8,6 %);
5. «Название лиц по национальной, расовой, социальной принадлежности» (102 – 7,5 %);
6. «Природа» (90 – 6,6 %);
7. «Социальные устои, право и закон» (58 – 4,3 %);
8. «Сексуальные меньшинства» (55 – 4,1 %);
9. «Исторические периоды, даты» (33 – 2,4 %);
10. «Предметы для письма, рисования, живописи, черчения, для канцелярского труда» (31 – 2,3 %);
11. «Искусство и культура» (28 – 2,1 %);
12. «Чувства, эмоциональные состояния» (25 – 2,0 %);
13. «Символы» (23 – 1,7 %);
14. «Пища» (20 – 1,5 %) и некоторые другие смысловые зоны, представленные единичными реакциями.

При отнесении ассоциата к той или иной смысловой зоне мы пользовались следующими принципами:

- 1) логическим критерием;
- 2) принципом аналогии (если ряд слов сходной семантики без сомнения может быть отнесен к той или иной зоне, близкое к ним по смыслу слово также будет отнесено к данной зоне).

Кроме того, поскольку цель процедуры выделения смысловых зон – семантическое обобщение экспериментального материала, при выделении зон неизбежно наблюдается некоторое «насилие» над материалом в сторону обобщенной характеристики, что представляется неизбежным в подобного рода процедурах обобщения.

Возможная оспоримость отнесения тех или иных ассоциативов к определенной смысловой зоне является неизбежной погрешностью психолингвистической методики, связанной с субъективным характером ассоциирования. Вместе с тем, как представляется, в подавляющем большинстве случаев разделение ассоциатов по смысловым зонам проводится достаточно непротиворечиво.

Очевидно, что в ядро АВП в большинстве своем входят реакции связанные с социальными изменения и потрясениями, именно по этой причине мы рассмотрим эту семантическую зону для определения когнитивных классификаторов, то есть элементов концептосферы, которые упорядочивают для человека и действительность, и язык [Самарин, 2010], а также когнитивные признаки, которые отображены в структуре классификатора как отдельный элемент его содержания [Милашевская, 2014].

В результате нами было выделено два когнитивных классификатора, которые были сформулированы как РАДИКАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ и ВЫРАЖЕНИЕ МАССОВОГО НЕСОГЛАСИЯ.

1. «Социальные изменения и потрясения» (272 – 20,1 %). Данное семантическое поле содержит ассоциаты, указывающие на изменения и потрясения, которые происходят внутри государства и имеют отношение «власть – социум».

1.1 Радикальные изменения в государстве (175)

Смена власти 61: *переворот 24, смена власти 15, свержение 7, свержение легитимной власти 4, смена 4, смена режима 4, свергнуть, смена не-угодного правительства, смена политической картины мира.*

Враждебные столкновения 59: война 19, борьба 17, противостояние 4, гражданская война 4, столкновение 3, интервенция 2, подавление 2, военные действия, вооруженное столкновение, (вспышка) агрессии, наступления, (ожесточенные) бои, сражение, стычки (с полицией), радикальное искоренение (расизма).

Революция и ее виды 44: революция 9, (бархатная) революция 6, революция (роз) 5, арабская весна 4, (тюльпановая) революция 2, революция (рас) 2, (мирная) революция 2, (волна) революций, (красная) революция, (насильственная) революция, (невидимая) революция, революция «извне», революция без больших потерь, революция (изменившая все в корне), революция (снизу), революция (темнокожих американцев против белых), революция (цветных металлов), (желтая) революция, (оранжевая) революция, революция (звездик), (сиреневая) революция.

Массовые убийства 2: кровопролитие, массовые убийства.

Успех в битве 2: победа 2.

Отсутствие вражды 7: мир 7.

1.2 Выражение массового несогласия (97):

Стихийные восстания 43: бунт(ы) 15, восстание 15, забастовка 5, мятеж 2, бунт (темнокожих) 2, беспорядки 2, (цветной) бунт, восстание (цветного населения).

Демонстрации и демонстративные акты 54: митинг(и) 22 / митинг с цветными флагами, митинги за права пар одного пола; протест 21, демонстрация 6, шествие(я) 2, марши,

Когнитивный классификатор РАДИКАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ представлен когнитивными признаками: смена власти, враждебные столкновения, революция и ее виды, массовые убийства, успех в битве, отсутствие вражды. Таким образом, «цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи как нечто, приводящее к чему-то радикальному, например, смене власти, враждебным столкновениям, революции, массовым убийствам, а также может заканчиваться успехом и миром.

Когнитивный классификатор ВЫРАЖЕНИЕ МАССОВОГО НЕСОГЛАСИЯ представлен когнитивными признаками: стихийные восстания, а также демонстрации и демонстративные акты. Таким образом, «цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи как процесс, сопровождающийся различными демонстративными актами и восстаниями.

Проведенный САЭ показал, что концепт «цветная революция» обладает в языковом сознании молодежи обширным ассоциативным полем, образующим семантический гештальт, вычленяющий в своем составе около 15 смысловых зон, характеризующих различные аспекты осмысления цветной революции языковым сознанием. Это свидетельствует о сформированности концепта-идеологемы в языковом сознании молодежи. Большое количество единичных реакций (354) свидетельствует о значительной роли субъективного восприятия носителями языка анализируемого концепта, о существовании личностно-эмоционального характера восприятия.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что концепт-идеологема «цветная революция» специфически проявляется в языковом сознании молодежи. Феномен «цветная революция» в целом оценивается негативно, поскольку преобладают слова с отрицательной коннотацией. В некоторых случаях, есть смысл разграничивать реакции на слова цветная и революция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. С. 107–109.
2. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4(30). С. 32–40.

3. Милашевская И.В. Когнитивные признаки концепта «голова» в повести Сергея Гандлевского «Трепанация черепа» // OPERA SLAVICA. 2014. № 4. С. 16–22.

4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс]/ под общей ред. Н.Ю. Шведовой. 1998. URL: <http://xn--80aaasqienkylacsf0r.xn--p1ai/dictionary/> (дата обращения: 20.04.2019).

5. Самарин А.В. К вопросу о когнитивных классификаторах в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «совокупности живых организмов» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 328–332.

6. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 2–3.

7. Языковое сознание и образ мира / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Наука, 2000. 320 с.

8. Язык и национальное сознание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2003. 272 с.

АКЦИЯ «СЛОВО ГОДА»: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С КОНТЕКСТОМ

Аннотация: Статья посвящена изучению того, как в корпусе русского языка презентуются слова-победители акции «Слово года». Это подразумевает определение коннотации на основе контекста, в котором употреблена данная лексическая единица, тем самым позволяя сделать вывод об отношении автора текста к обозначаемому предмету или явлению. В статье представлены результаты анализа слова-победителя акции 2014 года – «крымнаш». В основе лежит корпусное исследование, а для обработки материала используется метод дискурсивного анализа.

Ключевые слова: корпус, акция «Слово года», крымнаш, контекст, коннотация, критический дискурс-анализ, русский язык.

Abstract: The article is devoted to the study of how the words, selected as the words of the year of the Russian campaign «Word of the Year» («Слово года»), are represented in the corpus of the Russian language. It stands for the identification of connotation basing on the context in which the language unit was used and helps to understand the authors' attitude towards the researched object or phenomenon. The article focuses on the study of the word «крымнаш» which was declared the winner in 2014. The study is based on the corpus research method and the critical discourse analysis is used for the procession of the material.

Keywords: corpus, «Word of the Year» («Слово года»), крымнаш, context, connotation, critical discourse analysis, Russian language.

Акции формата «Слово года» / «Word of the Year» привлекают всё больше внимания, поскольку наглядно демонстрируют взаимодействие языка и общества. Слова-победители подобных акций отражают события, происходящие в жизни общества, политические или социальные изменения, нововведения и т.п., а также представляют интерес для статистических исследований языка. Мы предполагаем, что через изучение коннотации слов-победителей, а именно контекста их использования, можно определить отношение общества к событию, обозначаемому данной языковой единицей. Этим обусловлен выбор эмпирического материала: фрагменты текстов, содержащие иссле-

* Научный руководитель – канд. филол. наук Ю.И. Детинко.

дуемое слово-победитель акции (собранные при помощи корпуса онлайн-текстов NoSketch Engine).

Корпус был выбран нами в качестве инструмента для сбора практического материала, так как он позволяет собрать обширную базу контекстов в короткие сроки. В настоящее время корпус широко используется в различных сферах научных исследований.

Существует большое количество определений корпуса авторства как российских, так и зарубежных учёных, но в качестве ключевого в данной работе нами было выбрано определение В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой, так как в нём отражены как технические характеристики, так и возможность использования корпуса в лингвистических исследованиях: «под лингвистическим, или языковым, корпусом текстов понимается большой, представленный в машиночитаемом виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, Богданова, 2011: 7].

Обратимся к понятию контекста. Исходя из определения С. Тичер и Р. Водак, он представляет собой «ситуативное окружение (речевую ситуацию, обстановку, отношение, опыт и т.д.), которое является внешним по отношению к тексту» [Тичер и др., 2009: 334]. Существуют различные классификации контекстов, основывающиеся на разных критериях, но в рамках данного исследования представляется необходимым привести классификацию вербального контекста на основе его объёма:

1) узкий контекст (микрконтекст) – представляет собой языковые единицы, окружающие исследуемую в рамках одного предложения;

2) широкий контекст (макрконтекст) – языковое окружение исследуемой языковой единицы, выходящее за рамки предложения [Казакова, 2001: 171].

В данном исследовании изучаются узкие контексты, так как ввиду технических особенностей используемого корпуса при сохранении автома-

тически собранного конкорданса возможно только сохранение контекстов в рамках одного предложения.

Социолингвистические акции формата «Слово года» / «Word of the Year», выбирающие самое колоритное слово в языке за определённых период времени (чаще всего за год), проводятся многими организациями по всему миру и включают различные языки. Например, для английского языка организаторами акций являются издательства словарей Oxford (британский и американский английский), Merriam-Webster (американский английский), Macquarie Dictionary (австралийский английский), Australian National Dictionary Centre (австралийский английский)). В рамках нашего исследования мы обращались к англоязычному корпусу для выявления коннотаций слова-победителя 2013 года «selfie» [Детинко, Тарасенко, 2019]. Русскоязычная версия акции проводится с 2007 года Экспертным советом при Центре творческого развития русского языка, в который входят известные писатели, филологи, лингвисты, журналисты, культурологи, философы. Слова года выбираются народным голосованием на странице Facebook.

В качестве иллюстрации выбран победитель акции 2014 года «крымнаш», так как он относится к достаточно яркому событию в истории страны, поэтому контексты содержат большое количество материала для исследования. Стоит обратить внимание, что многие слова-победители акции в России так или иначе связаны с политикой – «крымнаш», «госдура», «беженцы», «брекзит» и т.д.

Рассмотрим несколько примеров контекста. Всего в рамках данного исследования было изучено 606 контекстов. В представленных ниже фрагментах сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

Положительная оценка:

- При нем Украина было единой, < Крымнаш > был наш, и не было войны (spektrnews.in.ua).
- В мае и августе этого года мы с семьей выбрали для отдыха # <Крымнаш > (time4me.ru).

- У хохлов не брал из брезгливости, а как только < крымнаш >, так сразу взял ящик 2008 года (inoforum.ru).

- Не понимаю, почему в российском ролике не сняли настоящих студентов, искренне разделяющих убеждения про «<Крымнаш >», Новороссию, действительно много людей таких в России (dynason.ru).

- Тем более, что половина зимы уже позади! и < КРЫМНАШ > естественно, что не может не радовать! (flirt.com.ua).

- Из плюсов – < КРЫМНАШ > (warandpeace.ru).

Во всех приведённых выше примерах присутствуют лексические единицы, обозначающие положительное отношение автора к явлению, обозначаемому словом-победителем «крымнаш»: *не может не радовать, из плюсов, выбрали для отдыха.*

Отрицательная оценка:

- Кое-кто считает, будто волна ненависти к России и к русским носит ситуативный характер, что во всем виновата политика последнего времени: «<Крымнаш >», Донбасс, Сирия и так далее (radonezh.ru).

- Как бы не старалась российская пропаганда зомбировать россиян тем, что < КрымНаш > и все от этого счастливы, на полуострове всё чаще стали происходить массовые митинги в связи с недовольством после воссоединения Крыма с Россией (mosmonitor.ru).

- А потом случился <Крымнаш>, и все намертво встало (poslednyadres.ru).

- Абсолютно те же ощущения от прошедшего «праздника». <Крымнаш >, намкрыш ... (alick.ru).

- <Крымнаш> ещё тысячу раз аукнется (nvpress.ru).

В данных примерах негативное отношение автора текста к исследуемому слову выражается через использование лексических единиц, имеющих конкретно негативную оценку – *кажется коллективным безумием, волна ненависти, аукнется, все намертво встало*. Так же можно проследить тенденцию подражания, вероятно даже «передразнивания», слова победителя –

некоторые авторы по аналогии создавали другие слова, добавляя к ним *-наш*: *донбаснаш*. Так же характерным признаком негативного отношения стало появление анаграммы *намкрыш*.

Нейтральная оценка:

- В номинации «Слово года» с большим отрывом победил «<крымнаш>» (relevantinfo.co.il).
- Редакция газеты «Октябрьский нефтяник» завершила прием работ на конкурс «# <КрымНаш>» (oz.com.ru).
- Кандидат исторических наук, заместитель декана ФСПИ, Элла Отаровна Сагинадзе выступила с лекцией «<Крымнаш>»: Крымский полуостров на символической карте России в XVIII–XXI вв.» (sziiu.ru).
- Хэштег # <крымнаш> стал в этом году одним из самых популярных в русскоязычном сегменте Интернета (ladolcevita.by).

В приведённых выше примерах «крымнаш» является частью фактической информации, так как все контексты в целом не несут никакой эмоциональной окраски и представляют собой новости.

Тэги/структурные элементы:

- «<КРЫМНАШ> / НАМКРЫШ». 17 Интервью Игоря Стрелкова Марату Мусину 02 ноября 2014 29 октября «Нейромир-ТВ» записал интервью Игоря Стрелкова Марату Мусину. 24 Игорь Стрелков (neuromir.tv).

В представленном примере «*крымнаш*» является структурным элементом и, вероятно, представляет собой название раздела или тэга.

Выделение трёх приведённых выше категорий вполне оправдано, так как выражает три основные вида оценки, но в ходе исследования появилась необходимость выделить ещё одну категорию – с неопределённой коннотацией. Это обусловлено тем, что некоторые представленные контексты настолько малы, что имеющейся информации недостаточно для установления отношения автора текста к обозначаемому явлению, либо имеющаяся информация противоречива. Рассмотрим примеры:

Недостаточная информация:

- Неизбежным логическим завершением этой цепочки становится <крымнаш> (booknik.ru).

- Причина сегодня понятна и одна – <КРЫМНАШ>! (newlookmedia.ru)

- Приднестровский «форпост» и «<Крымнаш>» (newspmr.com).

- А через две недели случился # <крымнаш> (gazetaby.com).

Одной из причин, по которой определение коннотации было невозможно – недостаточный объём контекста и содержащейся в нём информации (отсутствие языковых единиц, имеющих положительную или негативную окраску, которые позволили бы определить отношение автора текста к определяемому явлению). Встретилось достаточно много примеров, состоящих из одного слова «крымнаш», в некоторых других содержались лексические единицы, которые могли помочь определить коннотацию исследуемого слова, но не представлялось возможным однозначно определить их оценку, так как в зависимости от контекста их можно воспринимать как в прямом, так и переносном значении.

Противоречие:

- Короче, надо чётко уяснить: «<крымнаш>» (а лучше добрая половина Украины) прекрасны в рамках взрыва существующего миропорядка, самодержавности и русского имперства – но если систему не ломать, то всё это больше всего походит на самоубийство (my-msk.ru).

- И это правильно, ведь если говорить про санкции, вина которых, по словам самого Путина, не больше, чем 30 процентов, то придется вспомнить Крым и Украину, а народ разный, может спросить: как это так, «<крымнаш>», мы «за», но почему рубль падает, мы так не договаривались? (gazetaby.com)

- А о «мародерах из числа <крымнаш>», Вы конечно перегнули (newsland.com).

Ещё одним фактором, затруднившим определение коннотации, стало наличие в контекстах в равной мере слов, имеющих положительную и отри-

цательную оценки (*прекрасны против больше всего походит на самоубийство, мы «за» против мы так не договаривались*). Отчасти данные случаи тоже можно отнести к категории с недостающей информацией, так как больший контекст позволил бы точно установить к какой точке зрения склоняется автор.

В итоге контексты использования слова-победителя «крымнаш» по оценке распределились следующим образом:

- положительная оценка – 36;
- отрицательная оценка – 246;
- без оценки – 53;
- не удалось определить – 271.

Таким образом, корпус представляет собой обширную базу для лингвистических исследований, так как позволяет получить большое количество языкового материала в различных ситуациях общения. Совмещая корпусное исследование с методом критического дискурса-анализа можно изучить контексты использования исследуемой языковой единицы. Согласно полученной статистике, можно сделать вывод, что при работе с узким контекстом (в рамках одного предложения) становится сложнее определить коннотацию, так как в некоторых случаях корпус предлагает контексты, состоящие буквально из одного слова, либо в полном предложении содержится недостаточно информации для интерпретации. Если обратить внимание на остальные примеры, в которых оценку определить удалось, статистика говорит о следующем: слово «*крымнаш*» и обозначаемое им явление вызывает негативные ассоциации, и лексическая единица несёт преимущественно негативную коннотацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детинко Ю.И., Тарасенко А.В. Акция «Word of the Year»: опыт корпусного исследования (на материале британского и американского слова года 2013 *selfie*) // Мир науки, культуры, образования. № 1 (74). Горно-Алтайск, 2019. С. 353–356.

2. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 161 с.
3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2001. 320 с.
4. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: «ПолиАРТ», 2009. 179 с.
5. NoSketch Engine. URL: <http://ucts.uniba.sk/aranea/> (дата обращения: 07.03.2019).

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЯКУДЗА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ВИДЕОИГР YAKUZA)

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей речевого портрета с последующим построением речевого портрета якудза – представителей японского криминального мира. В структуре речевого портрета были выведены фонетический, лексический и стилистический уровень, а также было обнаружено несколько лингво-культурных кодов якудза. Материалом исследования послужили фрагменты из видеоигр серии «Yakuza».

Ключевые слова: лингвоперсонология, речевой портрет, языковая личность, лингво-культурный код.

Abstract: This article is dedicated to the study of characteristics of speech portrait with the following construction of speech portrait of yakuza – representatives of Japan's criminal underworld. Phonetic level, lexical level and stylistic level were drawn in the structure of speech portrait, in addition to this some linguocultural codes of yakuza were revealed. Research materials are fragments from "Yakuza" game series.

Keywords: linguo-personology, speech portrait, linguistic identity, linguocultural code.

Введение. С развитием области лингвоперсонологии все больше исследователей интересуется вопрос раскрытия языковой личности. Одним из способов её раскрытия является метод «речевого портретирования», также называемый «языковым портретированием», он помогает раскрыть гендерные, профессиональные, ментально-психологические языковые особенности личности [Мыскин, 2013: 151]. В данной работе будет составлен речевой портрет якудза на базе материала игр серии Yakuza, основанных на наблюдении за действительной жизнью криминального мира Японии.

Теоретический базис исследования. Вопросом исследования речевого портрета занимались многие русские лингвисты: Л.П. Крысин, Е.А. Земская, Е.В. Иванцова, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова и другие [Китайгородская, Розанова, 1995; Крысин, 2001; Земская, 2001; Иванцова, 2008]. Каждый из подходов приведенных исследователей был рассмотрен и

¹ Научный руководитель – старший преподаватель А.В. Козачина.

проанализирован для выбора подходящего метода при составлении речевого портрета якудза. Сами якудза в основном рассматриваются учеными в областях истории, экономики, криминологии [Карнеев, 2000; Новикова, 2012; Коробеев, Морозов, 2013].

Методы исследования. В современной лингвистике не существует единственно верного метода составления речевого портрета. Существует множество классификаций, согласно которым внимание исследователей акцентируется на различных аспектах речевого поведения для верного отражения и фиксирования черт речевой деятельности. Одной из наиболее частых разновидностей речевого портрета является «уровневый портрет», он восходит к фонетическому портрету М.В. Панова, представленным в середине 60-х годов XX века. Им была описана манера произношения политических деятелей, что отражала особенности речи определенной общественной среды [Крысин, 2001]. Следуя этому примеру, а также опираясь на один из принципов построения портрета Л.П. Крысина, который звучит как «фиксирование “ярких диагностирующих пятен” – социально маркированных способов выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения» [там же], в данной работе выведены следующие уровни портрета якудза: *фонетический, лексический и стилистический*.

Одним из инструментов для составления речевого портрета был выбран «лингво-культурный код». Используемый подход по изучению лингво-культурного кода является одним из самых перспективных для исследования коммуникативной деятельности говорящего, если личность рассматривается как «точка пересечения языка и культуры» [Носова, 2014: 7]. Сам по себе код культуры, по мнению В.Н. Телия, – это «таксономический субстрат её текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия; цит. по: Но-

сова, 2014: 7]. Поэтому для полноценного анализа коммуникативного аспекта речи в данной работе также выделены лингво-культурные коды якудза.

В связи с широкой популярностью темы якудза можно заметить широкое распространение художественных произведений по данной тематике: книги, фильмы, видеоигры. В качестве материала данного исследования была выбрана серия видеоигр «Yakuza», известная на японском рынке под названием 龍が如く /ryu: ga gotoku/ (Подобный дракону). Данная видеоигровая серия имеет популярность не только из-за увлекательного игрового процесса и глубокого сюжета, но также из-за достоверного отражения жизни криминального мира Японии. При составлении речевого портрета были использованы сцены основного сюжета игры, сопровождаемые субтитрами.

Анализ и результаты. *На фонетическом уровне* первой особенностью была выведена тенденция вытягивания гласных фонем на окончании некоторых слов, что также было подчеркнуто субтитрами. Пять гласных звуков японского языка – あ /a/, い /i/, う /u/, え /e/, お /o/ – при данном типе удлинения записываются мелким шрифтом после в конце слова. Данное удлинение отличается от приема 長音 /cho:on/ («длинный звук»), что используется при словообразовании, так как не имеет структурированного правила. Также обнаруженный тип удлинения не несет смысловой нагрузки как таковой, это является больше приемом акцентирования.

Например: おう 随分待たしてくれるじゃねえか 偉くなったモンだな おお? 桐生 /ou zuibun matashite kureru jane:ka erakunatta mon dana o:~? kiryu:/ (Эй, а ты не слишком долго заставил нас ждать? Невежливо это, как думаешь, Кирю?). Здесь есть два примера данного удлинения – おう /ou/ и おお /o:/. Оба примера служат для акцентирования и привлечения внимания собеседника, ожидания его реакции.

Также данный прием встречается при разговоре на повышенных тонах: 聞かれたことだけに答えろお!! /kikareta koto dake ni kotaero:!!/ (Отве-

чай на то, о чем тебя спрашивают!). Герой, при произнесении данной реплики, пинает стол и четко протягивает конечную ゾ /go/, переходя на крик.

Также было замечено, что некоторые слова и грамматические конструкции претерпевают фонетические изменения при произнесении якудза. Один из наиболее часто зафиксированных примеров – изменение отрицательной конструкции ない /nai/ на ねえ／ねえ /ne:/, например: フッ、極道なんてまともに育ってやつの方が少ねえ。 /fu, gokudo: nante matomo ni sodatta yatsu no ho: ga sukune:/ (Хм, очень мало парней, воспитанных внутри клана.) Прилагательное «мало» звучит как 少ない /sukunai/, но здесь оно произнесено как 少ねえ /sukune:/.

Были замечены и изменения в произношении некоторых слов, к примеру, слово お前 /omae/ («ты»): 桐生。お前...風間のカシラをスパイしろ。 /kiryu:. **ome:** kazama no kashira wo supai shiro./ (Кирю. Ты... будешь шпионить за Казамай для меня). Местоимение «ты» здесь записано также, но произнесено как /ome:/ . Данный вариант произношения фиксируется также и хираганой: おめえ なめたこと言ってんじゃねえぞ ああ!? /**ome:** nameta koto itten jane:zo a:?!/ (Ты... смеешь мне перечить, а?!).

На лексическом уровне было замечено распространение криминальной лексики вследствие причастности якудза к преступному миру. Приведем несколько примеров:

1. それにチャカはどこで手に入れた?それもカシラから渡されたのか? (И куда ты спрятал ствол? Ты его получил от Кадзамы?) Слово ЧАКА /chaka/ – «ствол». Вероятное происхождение его связано с ономотопеизмом カチャツ /kacha/, обозначающий звук взведения затвора пистолета.

2. Для слова 警察 /keisatsu/ у якудза есть минимум два собственных варианта: お上／おかみ /okami/ – «фараоны», показывающие буквально на «тех, кто сверху», или サツ /satsu/ – «копы», сокращенный вариант из полного слова. Примеры предложений: ま 殺しの方はそれで おかみと手打ち

するとして... (Ну, убитым будет заниматься фараоны...); そういうことはサツに言え。(Скажи это копам).

3. 今更とぼけたって時間の無駄だ ...なぜ俺をハメた? あんたの目的はなんだ? (Теперь уже бессмысленно прикидываться... Почему ты меня подставил? Какова твоя цель?). Глагол ハメる /hameru/, вероятно, является вульгарным словом, он несет значение «подставить», но его происхождение может быть связано как с глаголом はめる /hameru/ – «надувать, обманывать» (например, 罠にハメる /wana ni hameru/ – «поймать в ловушку»), так и от слова ハメ /hame/, несущего значение «иметь половую связь». Также возможен вариант происхождения данного слова от термина ハメ手 /hamete/ из японской игры го, что отсылает к особой последовательности ходов, привлекающих противника в ловушку.

4. さあな だが組の一大事にムシヨにいるようじゃ カシラはつとまんねえだろ。(Кто знает? Но раз один из главных членов семьи сидит в тюрьме, то не такой уж он и лидер). Слово ムシヨ /musho/ является сокращением от 刑務所 /keimusho/ – «тюрьма».

5. おまけにだ ガキの頃から育ててきた可愛い子分が 理由はどうあれカタギをぶち殺しちまったとあっちゃ... きっちりケジメつけねえとなあ? (К тому же, когда его миленький сынок, воспитанный в семье, убивает гражданского без всякой причины...) Слово カタギ /katagi/ – «гражданский» – произошло от 堅気 /katagi/ «честный, добропорядочный». Это слово не просто выделяется написанием его с помощью катаканы, но и приобретает значение «человек, не связанный с якудза».

6. 俺は...今日限り堂島組を抜ける 盃返して 極道から足を洗う。(Я... Покину семью, сегодня. Верну мою клятву и выйду из семьи). Идиома 足を洗う /ashi wo arau/ эквивалентна русскому фразеологизму «умывать

руки», но её дословный перевод звучит как «мыть ноги». Несет в себе значение выхода из незаконного дела.

На стилистическом уровне речь приближена к грубой мужской речи. На это указывают следующие пункты:

1. Использование грамматических сокращений (например, сокращение с や /ya/ – りや /rya/, きや /kya/, ちゃ /cha/ – от сокращения условной формы или ちまう /chimau/ от формы てしまう /teshimau/): *だが その場所でカタギの死体が見つかった あの土地が世間の目を引いちゃ 地上げしようにも手出しが難しくなっちまう。ほんと困った話さ ああ？* (Но, теперь там нашли тело, и если это привлечет внимание общественности, то становится проблематично забрать этот участок земли. Проблемно, правда?)

2. Использование мужских заключительных частиц *ぞ* /zo/ и *ぜ* /ze/: *お前なあ、あの人は組の若頭... 堂島組のナンバー2だぞ？* (Слушай, он же старший лейтенант... Он второй человек после главы семьи!); *相変わらず固いねえ。ま、いいや、とりあえず飲みにいこうぜ。* (Ты как всегда такой же упрямый. А, ладно, пойдем сначала выпьем.)

3. Использование частицы *ス* для добавления оттенка вежливости: *親っさんの指示って...なんで親っさんの名前が出てくるんスカ？* (По приказу отца... Почему мы упоминаем его имя?)

4. Использование в основном 丁寧語 /teineigo/ (учтивая речь) при общении внутри клана, а не 尊敬語 /sonkeigo/ (почтительная речь) или 謙讓語 /kenjo:go/ (скромная речь).

Наибольшую трудность в исследовании представляло выявление элементов лингво-культурного кода, так как все персонажи являются вымышленными. Сложность обнаружения данного явления заключается в отсутствии возможности вести разговор с объектом исследования лично, работа идет с написанным сценарием и диалогами персонажей, которым невозмож-

но задать вопрос касательно того или иного понятия. Тем не менее, были выведены следующие лингво-культурные коды:

1. エンコ詰め /enkotsume/ – акт отрезания фаланги мизинца. В случае если нижестоящий член семьи хочет обратиться к «отцу семейства» и принести свои извинения за допущенную ошибку или дерзость, в качестве извинения он должен отрубить себе фалангу мизинца на глазах у 親父 /oyaji/ – «родителя». Это является знаком уважения и традицией якудза.

サツには今日中に自首しろよ それと... エンコ詰めとけや お前も極道なら組長に挨拶しとかねえとスジが通らねえぞ。(Сдайся копам до конца дня и... оставь фалангу мизинца. Раз ты якудза, то ты должен правильно прощаться с главой семьи.)

2. 刺青 /irezumi/ – «татуировка». Обыкновенно слово татуировка в японском языке пишется как 入れ墨 /irezumi/, с помощью иероглифов 入, несущего значение «входить», и 墨, обозначающего «тушь». Но члены якудза используют книжное слово 刺青, состоящее из иероглифов 刺 «вонзать» и 青 «синий», и произносят его аналогичным образом, хотя читается оно как しせい /shisei/. Члены якудза, как никто другой, придают значение татуировкам на теле: практически каждый член группировки имеет на своем теле какой-либо рисунок, отражающий его личность. Рисунок и мастера тщательно выбирают, так как считается, что татуировка может изменить характер и судьбу человека, и за это будут ответственны как мастер, так и носитель рисунка.

刺青ってのはそいつの生涯を変えちまう。彫られる人間も刺青を背負う覚悟をするように、彫る人間もそいつの一生を背負う覚悟をする。俺はそれを貫いて彫ってきた。だからよお...他の彫師が彫った刺青の続きを彫るなんざ、俺には出来ねえ。すまないな。(Татуировка меняет всю жизнь человека. Ответственность за это несет как человек, набивающий татуировку, так и человек, на котором будет набита татуировка. Я делал татуи-

ровки так всегда. Поэтому я не могу продолжить работу другого художника. Прости.)

3. 盃返す /sakazuki kaesu/ – «нарушить клятву верности». Данное выражение состоит из двух компонентов: существительного 盃 /sakazuki/, что переводится как «чашка сакэ», и глагола 返す /kaesu/ – «вернуть». При вступлении в семью будущий член клана должен принести клятву верности 組長 /kumicho:/, само действие называется 杯事 /sakazukigoto/. Существует также выражение 盃を貰う /sakazuki wo morau/, что используют при описании дачи клятвы верности семье. Якудза при нарушении клятвы верности выходит из семьи, становится カタギ /katagi/ – простым гражданином, но не каждый якудза сможет спокойно жить после выхода из клана.

何言ってんだ？盃もらって3年そこのヤクザが五体満足で足洗えるわけねえだろ！最悪 殺されんぞ！（Что ты несешь? Якудза, давший клятву верности три года назад, никак не сможет выйти из этого дела невредимым! В худшем случае, ты будешь убит!)

Выводы. Подводя итоги, можно сказать, что составление речевого портрета якудза позволяет выявить уникальные черты в речевом поведении данной общественной группы. За более чем четырехсотлетнюю историю существования у них сформировались черты, присущие именно данной группе. Изучение якудза с лингвистической точки зрения поможет в дальнейших исследованиях как и криминального мира Японии, так и позволит шире раскрыть языковую картину японцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования [Электронный ресурс] // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 114–131. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (дата обращения: 11.11.2018).

2. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского Государственного Университета. Серия: Филология. 2008. № 3(4). С. 27–43.

3. Карнеев А.Н. Д. Каплан и А. Дубро. Якудза. Очерки японского криминального подполья // Афро-Азиатский мир в XX веке: власть и насилие: реферативный сборник. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 7–28.

4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.

5. Коробеев А.И., Морозов Н.А. Особенности современной организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 159–164.

6. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета [Электронный ресурс] // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90–106. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-01.htm> (дата обращения: 11.11.2018).

7. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12(30). С. 150–157.

8. Новикова А.А., Синявер Э. Достойные партнеры: якудза и государство Японии нового времени // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 212–216.

9. Носова О.Е. Лингво-культурный код как инструмент лингвокультурологических исследований // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 12. С. 6–10.

**ОБРАЗ ПЛОХОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕ-
РИМЕНТА В МЛАДШИХ И СТАРШИХ КЛАССАХ МБОУ СОШ № 3
ПГТ. ШУШЕНСКОЕ)**

Аннотация: Данная статья посвящена изучению лингвокультурного концепта «Плохой человек». В ходе исследования были описаны ключевые черты характера, репрезентированные в исследуемом концепте, а также выявлены основные лексические средства его актуализации. Материалом для исследования послужили сочинения школьников 4 и 11 классов школы № 3 пгт. Шушенское, полученные в ходе когнитивного эксперимента.

Ключевые слова: аксиологический концепт, когнитивный эксперимент, ценностная картина мира, языковые средства вербализации.

Abstract: This article is devoted to the study of the linguocultural concept of "Bad man". The study described the key character traits represented in this concept and identified the main lexical means of its actualization. Material for the study included the works of students 4 and 11 classes' school № 3 Shushenskoe obtained during a cognitive experiment.

Keywords: axiological concept, cognitive experiment, value picture of the world, language means of verbalization.

В задачи доклада входит анализ языковых средств, которые репрезентируют аксиологический концепт «Плохой человек», а также моделирование структуры данного концепта в языковом сознании школьников.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить особенности национальной ценностной картины мира, ценностных картин мира различных возрастных и социальных групп.

Эмпирической базой исследования являются материалы когнитивного эксперимента, проведенного в 4 и 11 классе СОШ № 3 пгт. Шушенское. Суть эксперимента заключалась в том, что учащимся было предложено порассуждать на тему «Плохой человек». На выполнение задания было отведено

Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Фельде.

45 минут. В итоге было получено 46 текстов, которые подверглись интерпретативному анализу с использованием методики моделирования концепта.

Теоретико-методологической базой служат работы специалистов, которые занимаются фундаментальными проблемами «Язык и оценка», а также исследуют структуру и содержание аксиологических концептов. Это работы Нины Давидовны Арутюновой, Владимира Ильича Карасика, Николая Федоровича Алефиренко.

В лингвистической аксиологии и лингвокультурологии считается, что, складываясь на основе личного и культурного опыта, концепты являются духовным наследием в сознании народа, результатом познания окружающего мира, отражающим языковую и ценностную картину мира и национальный менталитет. Оценочная составляющая концепта всегда обусловлена определенными ценностями культуры [Карасик, 2009: 28].

Базовым для нашей работы является понятие аксиологического концепта. Это концепт, который, как правило, репрезентируется абстрактными именами, составляющими особый пласт лексики, выражающий понятия, значимые для всего человечества: добро, счастье, судьба и т.д. Данный концепт является ретранслятором национальной культуры, он определяет шкалу ценностей, морально-нравственное состояние общества, мировоззренческие установки и модели поведения членов этноса [Форофонтова, 2008: 142]. Его ценностная сторона – важное психическое образование как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 2009: 152]. Несмотря на важность аксиологического концепта «Плохой человек» для любой национальной концептосферы, специальных работ, посвященных данному аксиологическому концепту, нами не было обнаружено. Таким образом, выбор темы исследования определяет новизну работы.

При анализе языкового материала использовалась методика интерпретативного и сопоставительного анализа исследования, а также моделирования концепта.

Рассмотрим материалы, полученные от респондентов 10–11 лет, т.е. от четвероклассников. При передаче представлений о плохом человеке используются несколько приемов: наиболее распространенный прием обыденного дефинирования, когда школьник дает определение, что такое плохой человек, прием отрицательной характеристики описания действий и поступков плохого человека, и прием апелляции к личному опыту.

Согласно полемому принципу, в языковом сознании четко выделяются ядро и периферия [Алефиренко, 2004: 64]. Анализ языковых средств вербализации аксиологического концепта «Плохой человек» выявил то, что в оценочном слое доминирующее положение занимают глаголы с отрицательной семантикой. Наиболее частотными из них являются глаголы «бить», «избивать», «обижать», «грабить», синоним «воровать», «издеваться». Именно они являются ядром выстраиваемого аксиологического концепта. В околоядерной зоне находятся оценочные предикаты. Согласно типу оценок Н.Д. Арутюновой, в работах школьников можно выделить следующие типы оценочных предикатов: этические («делает зло»), нормативные («некультурно себя ведет») [Арутюнова, 1988: 76]. На периферии поля аксиологического концепта представлены коннотативные существительные, например, лексема «лицемер». Таким образом, для респондентов младших классов образ плохого человека, прежде всего, связан с его поступками. Отметим, что у учащихся сформирован экологический взгляд на мир. Около 80 % опрошенных связали образ плохого человека с поступками, наносящими вред окружающей среде. Например, «плохой человек губит природу, ломает ветки деревьев, мучает животных».

Теперь рассмотрим материалы, полученные от респондентов 16–17 лет, т.е. от одиннадцатиклассников. При передаче представлений о плохом человеке используются несколько приемов: как и у учащихся четвертых классов наиболее распространенными являются прием обыденного дефинирования и прием отрицательной характеристики описания действий и поступков плохого человека. Выделены приемы, которые не использовались

четвероклассниками – описание перцептивного образа плохого человека и литературная аллюзия.

Анализ языковых средств вербализации аксиологического концепта «Плохой человек» выявил то, что в оценочном слое у старшеклассников доминирующее положение занимают коннотативные существительные, а не глаголы с отрицательной семантикой, как у младших школьников. Наиболее частотными из них являются существительные «эгоизм» или «эгоистичность», «жестокость», «грубость», «лживость». Именно они являются ядром выстраиваемого аксиологического концепта. В околоядерной зоне расположены оценочные предикаты. Присутствуют следующие типы оценочных предикатов: этические («делает что-то назло окружающим»), нормативные («поступает как-то неправильно с другими»), утилитарные («совершает поступки, которые вредят окружающим») [Сердобольская, Толдова, 2005: 438]. На периферии – глаголы с отрицательной семантикой, например глагол «обижать».

Мы видим различия в языковой репрезентации концепта «Плохой человек» у респондентов четвертых и одиннадцатых классов. Таким образом, для учащихся старших классов образ плохого человека связан, прежде всего, не с поступками, а с отрицательными характеристиками личности. Старшеклассники также добавляют черты внешности к образу плохого человека, например, «все время хмур», чего не было в сочинениях младших классов. Можно сказать, что на характер оценок влияют экстралингвистические факторы, такие как уровень образования и культуры.

Перспективой дальнейшего исследования является проведение подобного эксперимента в городских школах, а также проведение ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «плохой человек» в разных социальных и возрастных группах школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Методологические основания проблемы исследования вербализации концепта // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60–66.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука 1988. 341 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Оценочные предикаты: тип оценки и синтаксис конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Наука, 2005. С. 436–443.
5. Форофонтова Ю.Л. Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта судьба) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 64. С. 141–146.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Аннотация: статья посвящена исследованию морфологической и синтаксической структуры современного китайского жестового языка. Китайский жестовый язык, наравне со словесным, признан самостоятельным и естественным явлением в научном лингвистическом сообществе, тем не менее, синтаксис этого языка имеет свои характерные отличительные черты. Данные особенности китайского жестового языка на данный момент недостаточно исследованы в китайском и европейском академическом пространстве, и потому требует дополнительного изучения.

Ключевые слова: китайский жестовый язык, семиотика китайского жестового языка, синтаксис китайского жестового языка, морфология китайского жестового языка, предложения, типы предложений.

Abstract: the article is devoted to the problem of morphological and syntactic structure of modern Chinese sign language. In scientific community Chinese sign language along with the verbal one, is recognized as an independent and natural phenomenon in the scientific linguistic community, however, a the syntax of this language has its own distinctive features. These features of the Chinese sign language are currently not properly studied in Chinese and European academic community, and therefore require further study.

Keywords: Chinese sign language, syntax of Chinese sign language, morphology of Chinese sign language, sentences, types of sentences.

Жестовый язык – это самостоятельный язык, состоящий из множества жестов, каждый из которых производится руками, формой или движением рта и губ, в сочетании с положением корпуса тела. Такие языки в основном используются в коммуникации людей с ограничением слуха и речи. Отечественный учёный Е.В. Прозорова предлагает следующее определение данного термина: «Жестовые языки – языки, план выражения которых строится исключительно на жестикуляторно-мимической основе, при этом по функциям и коммуникативным возможностям они не уступают звучащим языкам» [Прозорова, 2007: 44].

Китайский лингвист Ян Цзюньхуэй жестовым языком называет «инструмент общения, используемый глухими и немymi людьми для замены

* Научный руководитель – канд. филол. наук И.Г. Нагибина.

разговорного языка: использование положения руки, движение, положение, ориентация ладони в совокупности с выражением лица и положением тела (иногда с положением рта), в соответствии с определенными правилами грамматики» [Ян Цзюньхуэй, 2002: 24].

Существует гипотеза, что звучащий язык возник около тридцати-пятидесяти тысяч лет назад и с тех пор вербальная система коммуникации – основное средство общения в человеческом обществе. Таким же древним является и общение людей с помощью невербальных средств – жестов. Как отмечает профессор Зайцева Г.Л., некоторые ученые считают, что жестовый язык предшествовал звуковому, т.е. люди общались жестами раньше, чем научились разговаривать» [Зайцева, 2000: 4].

Жестовые языки обладают всеми компонентами, которыми обладают устные языки и, таким образом, их можно характеризовать как полноценные. Сам жест не обязательно имеет визуальную связь с обозначаемым предметом или явлением. Также жесты не являются калькой для словесных языков и имеют свою собственную грамматическую структуру, они достаточно самостоятельны для осуществления коммуникации на абсолютно различные темы: от обыденных, до профессиональных. В большинстве жестовых языков также используются классификаторы, встречается высокая степень словоизменения, а также собственный синтаксис и морфология. Уникальность жестовых языков состоит в возможности жестов обретать разные смыслы в зависимости от многих параметров, передаваемых одновременно, в отличие от обычных языков, где всё это происходит почти всегда последовательно.

На данный момент существует большое количество жестовых языков, и самыми распространенными из них можно назвать американский жестовый язык «амслен» (от англ. American Sign Language, англ. ASL), появившийся в восемнадцатом веке, и давший начало французскому и русскому жестовому языку. Амслен является основным жестовым языком в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады. Кроме того, на диалектах амслена

или его креолах говорят во многих странах мира, в частности, большинстве стран Западной Африки и части стран Юго-Восточной Азии.

Жестовые языки делятся на семьи: в семью американского жестового языка входит греческий жестовый язык, индонезийский жестовый язык, квебекский жестовый язык марокканский жестовый язык. В семью британского жестового языка – австралийский жестовый язык, британский жестовый язык, новозеландский жестовый язык, приморский жестовый язык. Самым большим семейством является семейство французского жестового языка, в него входит следующий список жестовых языков: австрийский жестовый язык, алжирский жестовый язык, жестовый язык амслен, венгерский жестовый язык, греческий жестовый язык, малайский жестовый язык, русский жестовый язык, фламандский жестовый язык, и сам французский жестовый язык.

Китайский жестовый язык (далее КЖЯ) развивался в длительном историческом процессе. Он основан на письменном китайском языке, имеет свою собственную слоговую дактильную азбуку – вспомогательную систему жестового языка, в которой каждому жесту одной руки соответствует определённый слог. Знаки дактилологии отличаются от обычных жестов, означающих понятие или комплекс понятий.

Например, русская, испанская и другие дактильные азбуки являются одноручными, копирующими (т.е. стремящимися к сходству дактилемы с буквой) и буквенными, английская – двуручной (кроме буквы С), копирующей и буквенной. Китайский дактильный алфавит в этой классификации определяется как комбинированный, вариантный и совмещенный. Дело в том, что современный китайский дактильный алфавит представляет собой два набора дактилем: первый набор для согласных начального слога второй набор – пальцевые обозначения конечных слогов [Зайцева, 2000: 14].

С точки зрения истории, ранее китайский жестовый язык использовался для общения людей еще до появления вербального языка. Исходя из исторических материалов, ранние письменные записи о китайском языке жестов можно найти еще в «Исторических хрониках» Хуайинь Хоу, датирован-

ных около 100 г. до нашей эры. В книге своей книге «Знак двуязычия» писатель Джун Хуэйян отмечает, что исторические записи показывают, что язык жестов использовался еще в династии Тан (618–959 гг. н.э). Существуют также исторические примеры жестового языка, используемого глухими людьми в Китае на протяжении времени правления династии Мин (1368–1644 гг.) и династии Цин (1644–1911 гг.) [Ян Цзюньхуэй, 2002: 11].

В Китае существует собственный язык жестов, известный как «中国手语» / «китайский язык рук». Он состоит из ряда сигналов рук, пальцев и мимики, передающих значение отдельных слов и общего смысла высказываний. На данный момент в китайском жестовом языке, как и в словесном, существует несколько диалектов: южный – используется в Шанхае, и северный, использующийся в Пекине. Северный диалект является более распространённым в Китае. Также существует Гонконгский жестовый язык, произошедший от южного диалекта Китайского жестового языка.

Китайский жестовый язык также обладает и собственными особенностями синтаксических структур, отличающих его от звучащей формы китайской речи. Для осуществления коммуникации в жестовых языках, как и в вербальных, используются предложения: простые и сложные, которые в свою очередь делятся на предложения сложносочиненные и сложноподчинённые.

Различные виды предложений в китайском жестовом языке представлены следующими примерами:

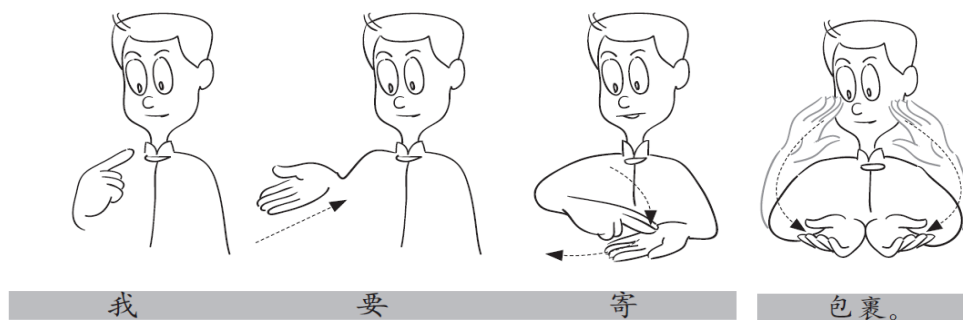

Рисунок 1. 我要寄包裹

Данное предложение является простым и состоит из подлежащего и сказуемого и сохраняющее вид, к которому мы привыкли в звучащем китайском языке: за субъектом следует составной предикат, что совпадает с нормой звучащего китайского языка.

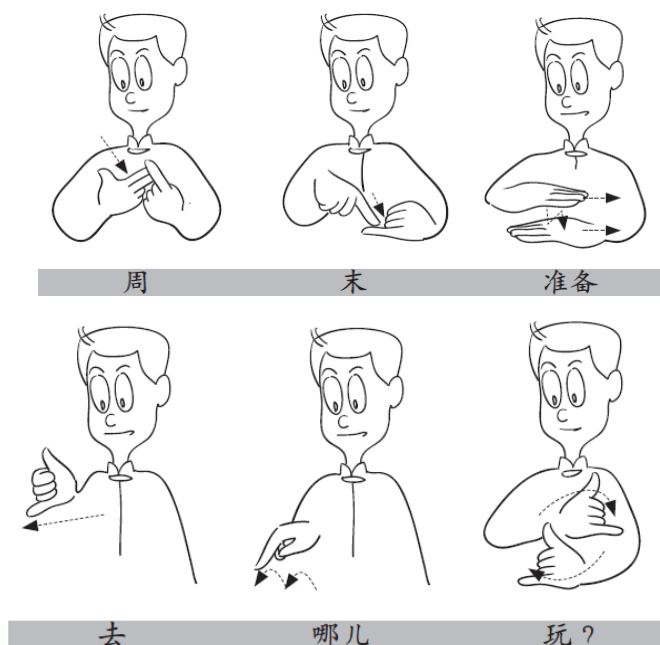

Рисунок 2. 周末准备去哪儿玩儿？

Представленное предложение также является простым, однако, в звучащем китайском языке присутствует особенность – его носители в своей речи часто опускают субъект. Данная особенность также реализовывается и в жестовом китайском языке.

Рисунок 3. 星期日去海南

Отметим, что в данном предложении отсутствует модальная частица «吧», а значит, мы можем сделать вывод о том, что данное предложение не является побудительным по цели высказывания. Таким образом, становится

ясно, что в вышеуказанном простом предложении субъект также является нулевым.

По цели высказывания предложения в китайском жестовом языке, как и в словесном, бывают утвердительными, вопросительными и побудительными. Следующие примеры иллюстрируют реализацию вопросительных и побудительных предложений в КЖЯ:

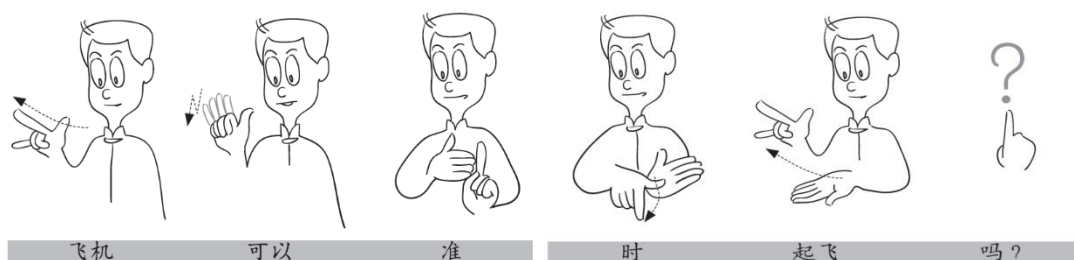

Рисунок 4. 飞机可以准时起飞吗?

Данное предложение по цели высказывания является вопросительным. Для построения вопросительного предложения в вербальном китайском языке используется вопросительная частица «吗» (и некоторые другие языковые средства), в то время как в китайском жестовом языке в таких предложениях используется жест, калькирующий изображение вопросительного знака, используемого на письме.

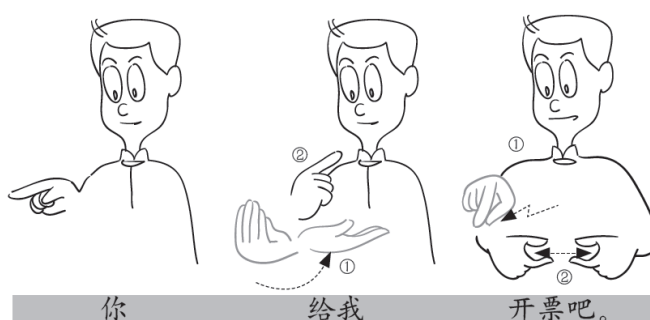

Рисунок 5. 你给我开票吧

Перед нами побудительное по цели высказывания предложение. Однако в китайском жестовом языке конечная модальная частица «吧» не получает кальки или аналога и опускается. Модальность побуждения в китайском жестовом языке передается за счет контекста, так как в данном языке отсутствуют грамматические средства для выражения побуждения.

Одним из своеобразных свойств морфологии китайского жестового языка является реализация видовременных показателей:

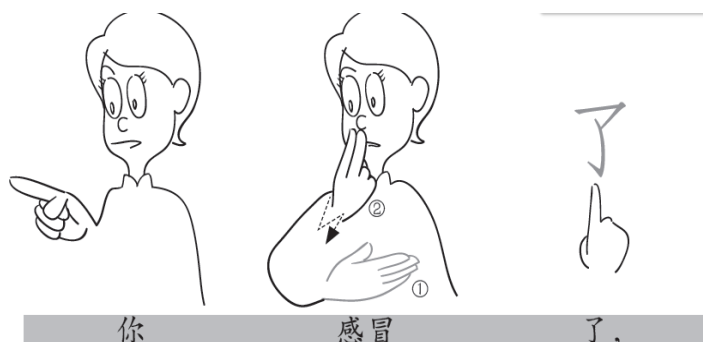

Рисунок 6. 你感冒了

В китайском жестовом языке видовременной показатель «了», в отличие от модальной частицы «吧», во всех своих значениях передается в речи жестом, калькирующим соответствующий иероглиф.

Сложносочиненные предложения в китайском жестовом языке также существуют, рассмотрим одно из таких предложений:

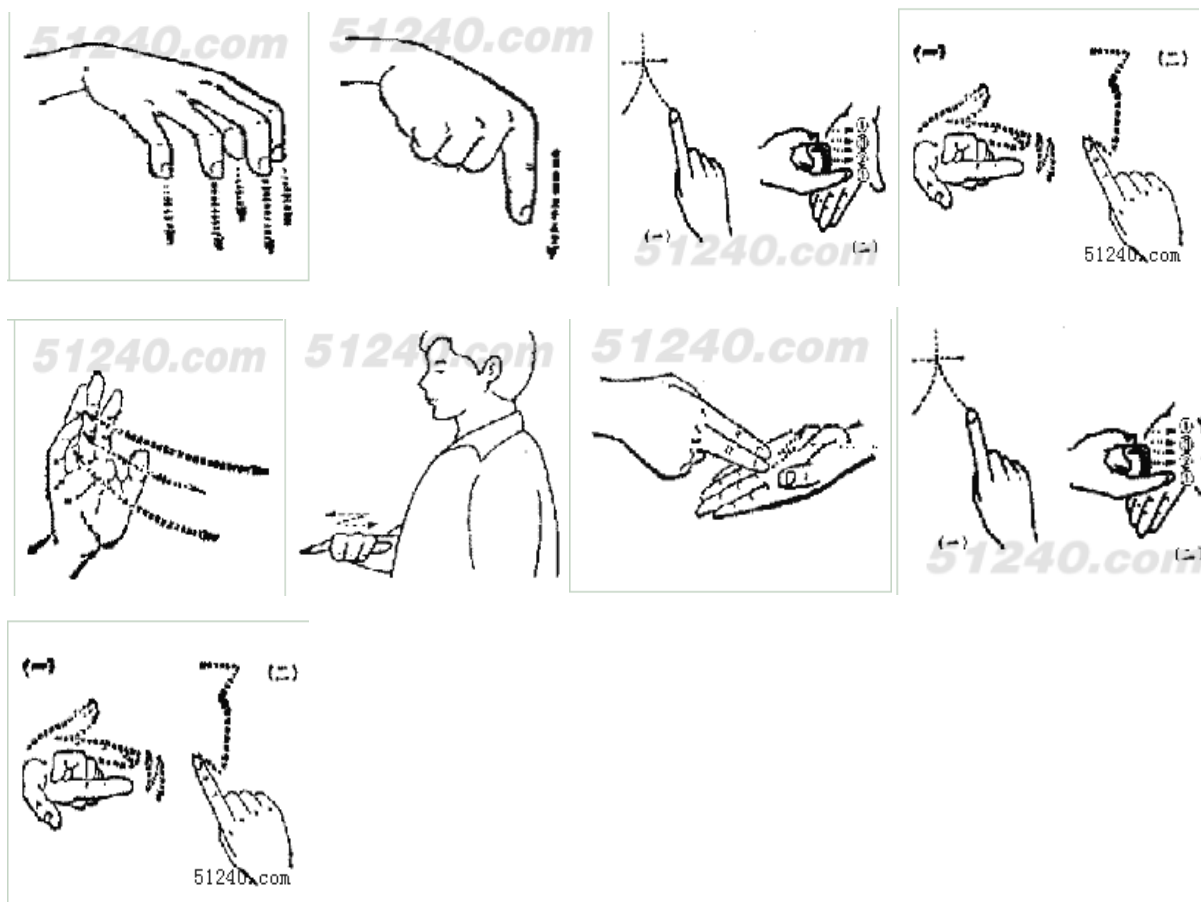

Рисунок 7. 雨下大了, 风也刮大了

Стоит отметить, что из всех знаков препинания, в КЖЯ как самостоятельный жест существует только вопросительный знак. Именно поэтому очень сложным представляется определение границ того или иного предложения.

Сложноподчинённые предложения в китайском жестовом языке имеют структуру подобную представленной ниже:

Рисунок 8. 为了今天天气好，所以我们到城市去

Данный пример подчеркивает тот факт, что служебные слова – союзы (такие, как 所以), необходимые для построения сложноподчинённого предложения также присутствуют в китайском жестовом языке и имеют свои жестовые эквиваленты.

Звучащий китайский язык отличается от европейских языков не только своей письменностью, в которой, в отличие от алфавитной системы записи, каждому знаку присвоено своё собственное значение, но и особым синтаксисом. В свою очередь, китайский жестовый язык равным образом суще-

ственно отличается от жестовых языков других семей, и этот факт также проявляется в его синтаксисе.

Как нам удалось выяснить, в КЖЯ существуют предложения: простые и сложные (сложносочинённые и сложноподчинённые), однако, из-за отсутствия жестов, передающих знаки препинания (кроме вопросительного знака), трудность представляет определение границ предложений утвердительных, восклицательных, а также границы частей сложного предложения. Основными составляющими предложения являются предикат, объект и субъект, как и в языке звучащем.

Таким образом, синтаксис китайского жестового языка сходен с синтаксисом звучащего китайского языка, однако, имеет ряд характеристик, выделяющих его как самостоятельную коммуникативную систему. Данные особенности синтаксиса позволяют рассуждать о многообразии и вариативности такой знаковой системы как китайский жестовый язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
2. Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. Вып. 1. С. 44-61.
3. 中国聋人协会. 中国手语日常会话, 2005. [Китайское общество людей с нарушением слуха. Повседневный разговорник китайского жестового языка].
4. 杨军辉. 中国手语和汉语双语教育初探, 2002. [Ян Цзюньхуэй. Китайский жестовый язык и двуязычное образование на китайском языке].

ПОЭТИКА ИМЕНИ В ОЧЕРКЕ И.А. ГОНЧАРОВА «УХА»

Аннотация: Статья посвящена анализу позднего очерка И.А. Гончарова «Уха» (1891), написанного незадолго до смерти писателя. На примере очерка «Уха» мы анализируем мировоззрение писателя, характерное для позднего периода его творчества, появление религиозных мотивов в очерках. На наш взгляд, одним из ключей к пониманию очерка становится поэтика имени. Делается вывод, что в позднем творчестве писателя христианские аллюзии проступают более явно, чем в произведениях, написанных ранее. Поэтика имени в «Ухе» становится более показательной, в сравнении с именами в романной трилогии писателя.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Уха», религиозность, поэтика, имя, христианские аллюзии.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the late essay of I.A. Goncharov «Fish soup» (1891), written shortly before the death of the writer. On the example of the essay «Fish soup», we analyze the writer's worldview, characteristic of the late period of his work, the emergence of religious motifs in the essays. In our opinion, one of the keys to understanding is the poetics of the name. It is concluded that in the late works of the writer Christian allusions appear more clearly than in the works written earlier. The poetics of the name in «Fish soup» becomes more illustrative in comparison with the names in the novel trilogy of the writer.

Keywords: I. A. Goncharov, «Fish soup», religiosity, poetics, name, Christian allusions.

Поздние очерки Гончарова недостаточно исследованы в современном литературоведении, однако они чрезвычайно важны в контексте творчества писателя, поскольку являются итогом его размышлений о важнейших жизненных вопросах. Этим объясняется актуальность предпринятого исследования.

Особое направление изучению творчества Гончарова задал В.И. Мельник [Мельник, 2008; 2017; 2019]. Исследователь рассматривает произведения писателя в их связи с его религиозностью, пишет о христианских аллюзиях, наиболее проявляющихся в позднем творчестве писателя, в

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук Е.И. Шевчугова.

том числе в поздних очерках. Кроме того, можно говорить об особой интонации притчи, появившейся в малой прозе Гончарова.

Обращение к религиозным мотивам обусловлено его духовным воспитанием писателя. В.И. Мельник отмечает, что с самого детства Гончаров находился под покровительством духовников, в конце жизни сблизился со своим духовником наиболее сильно [Мельник, 2019: 17]. Современники Гончарова отмечают его склонность в зрелом возрасте к размышлениям над такими темами, как жизнь и смерть, вера и судьба человека. Размышления находят отражение в поздних очерках, особенно в трёх последних: «Май месяц в Петербурге», «Превратности судьбы», «Уха», – написанных незадолго до смерти писателя в 1891 году, что само по себе является поводом пристального к ним внимания. Исследователь выделяет основные темы очерков, их близость жанру религиозной притчи. Очерк «Превратности судьбы» посвящён проблеме непоколебимости веры при непостоянстве земной жизни; «Уха» повествует о смирении и праведности; «Май месяц в Петербурге» представляет размышления о вмешательстве государства в религиозные дела [Мельник, 2008: 171].

На примере очерка «Уха» мы проанализируем художественное воплощение мировоззрения писателя, характерное для позднего периода его творчества, а также собственно реализацию религиозных мотивов. «Уха» обладает общими для поздних очерков чертами поэтики – отсутствием стилизованных изысков, а также простотой композиции, здесь она циклическая. На наш взгляд, одним из ключей к пониманию рассказа становится поэтика имени.

Из всех героев рассказа только главному герою Ерёме автор дал имя, фамилии и отчества Гончаров не называет. У остальных персонажей имя не названо, что подчёркивает типичность их образов, универсальность, общечеловеческий характер ситуации, в которой они оказались. Три семьи, дьячка, приказчика и мещанина, – представляют разные классы общества: дворянский, буржуазный, клерикальный. Они далеки от жизни народа, насмехаются над его простотой и искренностью в лице Ерёмы, не религиозны.

Исследователи традиционно отмечают, что имена героев Гончарова связаны с их характерами, сюжетной функцией или идеей произведения. Вспомним АДуевых из «Обыкновенной истории» и РАЙского из «Обрыва», имена которых, по мнению исследователей, показывают ход развития мысли Гончарова от раннего романа к поздним, от ада к Раю. Безусловно, поэтика имени Обломова также важна для понимания образа героя.

Сохранение тенденции наделять имена героев особой семантикой также прослеживается в поздних очерках писателя, отсюда имя главного героя в «Ухе» является одним из элементов поэтики художественного текста, предстает важной составляющей идейного содержания образа героя и реализации замысла очерка.

При рассмотрении поэтики имени «Ерёма», следует выделить несколько уровней семантики, вложенных в имя: 1) этимология имени; 2) имя и внешний образ героя; 3) библейские аллюзии в судьбе героя.

1. В русской культуре Святой Еремия считается покровителем тяглого скота. Такое представление сформировано из-за созвучия со словами «ярём» и «ярмо» [Фасмер, 1987: 561]. Данное толкование имени также имеет смысл в контексте очерка «Уха». Важными функциями Ерёмы в произведении являются запрягать и вести телегу, кормить лошадей.

Связь с ярмом также прослеживается в книге пророка Иеремии (далее о христианских аллюзиях. Иеремия предстает с ярмом на шее: «так сказал мне Господь: сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на выю» (Иер. XXVII, 2).

Если проследить далее этимологическую связь слова «ярмо», то проявляются значения «присоединенный» (греч.), «связывать, соединять» (польск.) [Фасмер, 1987: 561]. Через данные значения можно интерпретировать образ Ерёмы как связующее звено. В очерке герой предстает центральным персонажем, вокруг которого формируются две троицы: три мужа и три жены. Более того, внутри троицы жён Ерёма также предстает центром: их

связывает с Ерёмой то, что произошло в шалаше, известное только им (при этом скрытое и от мужей, и от читателя, и неизвестное автору).

2. Имя «Еремей» – христианское, церковное. Влияние данной семантики имени отражается на внешности и поведении героя. На протяжении всего текста автор называет его смиренным, терпеливым, набожным человеком: «Ерёма, человек набожный и на взгляд смирный»; «...терпеливо отмалчивался, когда дьячок или жена его подтрунивали над ним» (И.А. Гончаров. Уха).

Христианское имя героя соотносится с его поведением. Поступки Ерёмы в рассказе сведены к нескольким действиям: молчит и улыбается, всё делает лениво, мало говорит. В очерке Ерёма пассивен, однако главной чертой в его поведении является набожность. Проезжая мимо церквей, Ерёма непременно крестился и проговаривал слова молитвы: «Ерёма снял шапку и, осеняя себя широким крестом, набожно проговорил: “Тихвинская мати, пресвятая богородица, помилуй нас!”» (И.А. Гончаров. Уха).

3. Е.В. Уба отмечает, что зачастую имена центральных героев произведений Гончарова отсылают к христианской мифологии [Уба, 2005: 12]. В очерке «Уха» имя главного героя «Еремей» отсылает к имени библейского пророка. «Еремей» восходит к древнему имени «Иеремия». Аллюзия к христианскому пророку Иеремии встает в ряд с аллюзиями к другим библейским пророкам в романной трилогии Гончарова. По мнению Е.В. Уба, имена Петра Адуева, Ильи Обломова, Андрея Штольца, Марка Волохова также отсылают к пророкам Петру, Илие, Андрею и апостолу Марку, семантика имен которых отразилась на сюжетной канве произведений [Уба, 2005: 18].

Однако, как отмечает Е.В. Уба, за именем пророка стоит лже-пророческая сущность героев [Уба, 2005: 20]. Отметим, в книге пророка говорится, что Иеремия призван бороться со лже-пророками: «пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?» (Иер. V, 31). Это может говорить о развитии мысли о лже-пророках от романов к позднему творчеству Гончарова.

Имя «Иеремия» обозначает «возвышенный, возвеличенный Богом». Иеремия – «второй из так называемых больших пророков» [Библейская энциклопедия: Иеремия]. При соотнесении биографии пророка Иеремии и героя очерка Ерёмы, можно отметить схожие моменты. От Иеремии отказались родные: «Ибо и братья твои и дом отца твоего, и они вероломно поступают с тобою, и они кричат вслед тебя громким голосом. Не верь им, когда они говорят тебе и доброе» (Иер. XII, 6), что пересекается с судьбой Ерёмы, который не мог найти себе пару: «Он был холостой и все собирался жениться, да никто за него не шел, потому что он был колченогий и мало имел дохода» (И.А. Гончаров. Уха).

Еще один схожий мотив – осмеяние из-за веры в Бога и молитвы. Иеремия подвергался насмешкам за проповедь слова Божьего: «...слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние» (Иер. XX, 8). Ерёму же осмеивали за то, что он крестился, проезжая мимо церквей: «Пресвятая Троица! помилуй нас грешных!» – говорил, крестясь, Ерема, проезжая мимо церкви Троицы. Новый толчок в спину зонтиком от которой-нибудь женщины. На второй телеге мещанин тоже что-то рассказывал, и слушатели громко смеялись» (И.А. Гончаров. Уха).

Перекликаются с книгой пророка Иеремии также песни жён («Юность, юность, веселися», «Среди долины ровная», «Я в пустыню удаляюсь»), звучавшие по дороге на пикник: «На первой телеге раздалось пение: “Юность, юность, веселися. Веселись, пока цветешь. Пой, резвись и кружись, ибо скоро ты пройдешь!” – пел женский голос»; «Женщины пели то “Среди долины ровная”, то “Я в пустыню удаляюсь”» (И.А. Гончаров. Уха). Повторяющимися мотивами в очерке и книге пророка Иеремии являются юность и пустыня: «<...> так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную» (Иер. II, 1, 2).

Важной деталью является факт, что женщины выходят из шалаша, поправляя свои платья, кроме того, каждая из жён возвращается другой доро-

гой: жена дьячка – «пошла другой дорогой, в обход, и казалась возбужденной, от долгой ли ходьбы или от чего другого, неизвестно»; жена приказчика «тоже в возбужденном состоянии вышла из шалаша Еремы и пошла окольною дорогой»; жена мещанина – «запыхавшись и поправляя дорогой также прическу и платье, пришла туда, где ждали ее другие» (И.А. Гончаров. Уха). В книге пророка Иеремии говорится: «Зачем ты так много бродишь, меняя путь твой?» (Иер. II, 36, 37).

В результате мы можем сделать вывод: в поздних очерках Гончаров тяготеет к философским и религиозным размышлениям, художественное своеобразие значительно упрощается. Христианские аллюзии проступают в очерке «Уха» более явно, чем в произведениях, написанных ранее. Кроме того, в поздних очерках проступает дидактическая установка писателя, тогда как в романной трилогии проявление этой установки не наблюдается.

Через отношения Ерёмы и других персонажей, с одной стороны, реализуется простой фольклорный сюжет о том, что человек из народа, с простым, незамысловатым отношением к жизни, не желая того, перехитрил тех, кто смеялся над ним. С другой стороны, в представителе народа заключена истинная непоказная вера. Притом, истовая воцерковлённость героя сочетается с «тройной» изменой жён, что, по-видимому, должно стать гончаровской вариацией размышлений о загадочной русской душе.

Поэтика имени в «Ухе» становится более показательной, в сравнении с именами в романной трилогии писателя. Увеличивается количество уровней семантики имени, глубина значений. Если прежде, как отмечает Е.В. Уба, встречались имена, связанные с бытом или анималистичные имена [Уба, 2005: 11]. Теперь имя открывает целый религиозный пласт повествования. Таким образом, в поздних очерках наблюдается усложнение замысла произведения в сочетании с простотой художественной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/1857> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Гончаров И.А. Уха // И.А. Гончаров. Собрание сочинений. Очерки, автобиографии, воспоминания. Т. 7. Москва, 1980. С. 211–216.
3. Мельник В.И. Последние новеллы И.А. Гончарова [Электронный ресурс] // Вестник славянских культур. 2008. С. 171–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednie-novelly-i-a-goncharova> (дата обращения: 10.03.2019).
4. Мельник В.И. К проблеме автобиографического смысла новеллы-притчи И.А. Гончарова «Уха» духовники [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 2. С. 60–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-avtobiograficheskogo-smysla-novelly-pritchi-i-a-goncharova-uha> (дата обращения: 12.03.2019).
5. Мельник В.И. Тема божьей тайны в «Ухе» И.А. Гончарова [Электронный ресурс] // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 165–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-a-goncharov-i-ego-duhovniki> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Мельник В.И. И.А. Гончаров и его духовники [Электронный ресурс] // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 17–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-a-goncharov-i-ego-duhovniki> (дата обращения: 12.03.2019).
7. Уба Е.В. Поэтика имени в романной трилогии И.А. Гончарова: «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 19.04.05. Ульяновск, 2005. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-imeni-v-romannoi-trilogii-ia-goncharova-obyknovennaya-istoriya-oblomov-obryv> (дата обращения: 13.03.2019).
8. Фасмер М. Этимологический словарь. М., 1986–1987. Т. 4. С. 561. [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/vas-ja.htm#_jar (дата обращения: 12.03.2019).

**ПРОБЛЕМА СМЕХА В НОВОЙ ДРАМЕ:
СМЕХОВОЙ АСПЕКТ В МОНОЛОГЕ КАПИТАНА В ПЬЕСЕ
«ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ» БР. ПРЕСНЯКОВЫХ**

Аннотация: В статье рассматривается категория смеха в произведении Новой драмы «Изображая жертву»: ее функционирование и значение в формировании ключевой идеи произведения. Уточняется термин смехового начала, его отличие от комедии. Анализируется смеховой компонент в реакции реципиентов на произведение, который несет указательно-вспомогательную функцию в художественной коммуникации.

Abstract: The article discusses the category of laughter in the work of Novaya Drama "Playing the victim": its functioning and meaning in the formation of the key idea of the work. Clarifies the term laughter beginning, its difference from comedy. The laughter component is analyzed in the reaction of the recipients to the work, which has an indication-supporting function in artistic communication.

Ключевые слова: категория смеха, Новая драма, Бр. Пресняковы.

Keywords: laughter category, New drama, The Presnyakov Brothers.

Категории смеха и комического достаточно широко исследованы, тем не менее, не имеют системного подхода по отношению к литературным произведениям: в одном произведении смеховое начало может трансформироваться в любые проявления – от гэгов до комедийного построения текста, от лексики до образов персонажей в целом. Несмотря на отсутствие системности, в любом произведении даже не искушенный читатель/зритель без труда сможет обнаружить «где смешно», поскольку, как известно, смех стоит на грани как интеллектуального, так и психофизиологического, эмоционального.

Пьеса братьев Пресняковых «Изображая жертву» стала известной и запомнилась широкой публике по кульминационному монологу второстепенного героя – капитана следственного отдела. Чтобы понять природу

Научный руководитель – канд. филол. наук В.К. Васильев..

смешного в исследуемом отрывке, необходимо пунктирно наметить (измерить) повторяемые комические приемы в целом произведении.

Как отметила Яна Олеговна Глембоцкая в своей работе «К проблеме комизма и смеха в НД», «авторы новой драмы не пишут комедий, основанных на комедийной интриге или характерах, если в таких текстах присутствует комизм, то это комическое вне комедии» [Глембоцкая, 2001: 73].

Отличие комедии от комических элементов состоит в том, что комедия – это формула построения текста (Фабула комедии проходит через фазы равновесия, нарушения равновесия, обретения равновесия), комические элементы – это только локальные формообразования комического начала.

Таким комическим элементом в произведении Пресняковых являются элементы речи персонажей: это слова-паразиты, обценная лексика, речь, построенная на афоризмах и клишированных фразах, зачастую с ошибками, узнаваемых в различных социальных группах. Через речь персонажей происходит социальное портретирование определенной эпохи, среды, группы населения. Смех у реципиента происходит через процесс узнавания себя или других субъектов своей среды в структуре персонажного строя произведения.

Процесс узнавания (идентификации) важен для творчества «новых» драматургов, ведь именно он задает народность театра и его открытость зрителю. Это не означает, что пьесы Новой драмы ограничиваются социальной проблематикой и конфликтологией, это есть первичный пласт смыслов, заданных произведениями Новой драмы. Тот пласт, который можно обозначить фанероном (модель взаимосвязи сущности и явления), является вторичным по отношению к философскому аспекту, но заслуживает внимания не столько потому, что является наиболее «популярным», сколько потому, что ведет к открытию «ядра» новодраматической поэтики.

Смех в приведенном ниже отрывке является ответом на использование обценной лексики:

«Капитан: Ну и дальше что?

Верхушкин: Я достал пистолет и ему в затылок... пульнул пару раз...

Капитан: Пульнул? Пульнул... не присосками же, пулями, как дети, мать вашу! .лядь, накупают себе всего, .идарасы! А нам ходи всё это раз-гребай! .банат! Откуда у тебя пистолет?! Откуда у вас вообще всё?! Вы откуда, .ахуй, прилетели сюда?! Я сколько жил, никак не думал, что в такое .банатство попаду! Вы откуда все прилетели, вы же, я не знаю, в тех же школах учились, у тех же учителей, у тебя же, .лядь, родители – почти мои ровесники, .ахуй! Как ты-то получился, из чего?! Вы все?! Этот, .лядь, трусы забывает, в бассейн идёт, этот .идарас пуляет, .лядь, в соседа по парте... вам чё надо-то в жизни, .ахуй?! Вы, вообще, как её прожить хотите?! Этот ещё, .ахуй!».

Мат, которым столь обильно пестрит речь капитана, по сути, является третьей формой народной смеховой культуры, обозначенной М. Бахтиным как различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи, к которым относятся ругательства [Бахтин, 1990: 5].

Я.О. Глембоцкая связывает смех в НД с табуированностью мата в обществе: «Часто смех вызывается появлением нецензурной лексики, однако следует заметить, что такой смех отчасти связан со смущением публики, не привыкшей к мату, звучащему в публичном пространстве. Именно жесткие правила употребления нецензурных слов сохраняют их магическую силу и перформативный потенциал. Смеховая реакция на мат не обязательная при прочтении про себя, но почти всегда возникает при публичной читке новодрамовских текстов» [Глембоцкая, 2011: 88]. Перформативный потенциал в данном случае является архаичным площадным высказыванием: когда театр работает по принципу карнавала, уничижая официальный аспект культуры общества.

М. Бахтин четко указывал на цель культуры смеха, который работает по логике «обратности»: обругание, оскорбление, низведение, снижение, уничтожение амбивалентно по своей природе (возрождающая амбивалент-

ность), это не уничтожение, а низвержение для нового рождения [Бахтин, 1990: 14]. В контексте искусства это ни что иное как катарсис. Именно на катарсис указывает Елена Викторовна Тырышкина. В своей статье «Русский авангард 20-го века: аспекты прагматики» автор описывает механизм катарсиса в произведениях неклассической художественности, применимый и к анализируемому тексту: «Стиховой экспрессией можно восхититься, можно возмутиться, но одно очевидно: от нее просто так нельзя отмахнуться... Момент удовольствия содержится в потенциальной возможности превратить все в смелую веселую игру, а момент неудовольствия – в том, что заставляют (здесь же) сопереживать, для того, чтобы быть мгновенно отвергнутым, и обе эти стратегии накладываются друг на друга. Мы наблюдаем катарсис осложненной природы, где смеховой итог – только ловушка, налицо расслоенность реакций адресата, длительность их во времени, кольцевая структура переживаний» [Тырышкина: 4].

Каким образом, работает произведение по логике усложненного катарсиса? Персонаж капитана в свободной и узнаваемой форме (посредством мата) рисует портрет поколения 2000-х годов. Зритель/читатель узнает себя, свое окружение в этом портрете, ему весело оттого, что правда объявлена, она легитимна, и можно смеяться, но тут же есть включение интеллектуального компонента – портрет оказывается нелицеприятным, а перформатизм речи капитана как поступка открывается в обличении поколения. Но что еще более важно: обличая поколение 30-летних, капитан обличает и себя самого: его перформанс происходит в наивысшем эмоциональном возбуждении: «Давай, тащи эту рыбу вашу, и sake, щас не попробую – уже никогда не соберусь...», он называет цифру в 26 лет – столько он болеет за сборную по футболу, и столько он не замечал проблемы, которую теперь он выносит на свое представление. Не-деятельность всех людей, в данном случае старшего поколения, которое «в тех же школах учились, у тех же учителей», также становится и причиной и следствием всеобщего «катарсиса осложненной природы» [Там же].

Смех над монологом капитана важен еще в связи своей заразной природой: во-первых, он указывает на болезненную точку, и сам является физиологическим рефлексом, подобно чиханию, на некий раздражитель, во-вторых, он подчеркивает всеобщность проблемы и соборность всех людей в социальном контексте – как внутри художественного текста, так и за его пределами:

«И, главное, .охую! И .охую то, что .охую, – а ведь вы же, ваше же поколение, вы же и поезда водите, самолёты, адвокаты, на атомных станциях работаете?! И, главное, .ахуя вы работать-то идёте?! Всё .охую, и идут на такие работы ответственные, а потом везде .издец наступает, в обществе!...» (Бр. Пресняковы: 8).

Взаимосвязь социального и философского аспектов прослеживается в последовательной композиции произведения. Предельной точкой для монолога капитана стало убийство «штатного режима», такого рода убийства составляют всю структуру кумулятивной композиции сюжета. Убийства совершаются между близкими людьми: супругами, друзьями. Главный герой также совершает убийство, которое композиционно является развязкой. Действие Валентина стоит сразу после монолога капитана, и убивает он также своих близких. Разница лишь в том, что Валентин сменил понарошковость – как раз то, в чем упрекал поколение Вали капитан – на реальное действие.

«<...> Ничего не надо, причём, главное, притворяться умеют! Вот же как! Ведь раньше же, там, бунтовали, – это была общественная позиция, что нам нихуя не надо, и мы протестуем, а сейчас по-тихому, без протестов, кем надо притворяются, влезают куда хотят, на любую работу, и .ихуя не делают, играют... Вы играетесь в жизнь, а те, кто к этому серьёзно относится, те с ума сходят, страдают...» (Бр. Пресняковы: 9).

Кумулятивная композиция, таким образом, дала кумулятивный эффект, где монолог играет роль своеобразного детонатора, а поступок Вали оказывается зарядом. Обличение в контексте социального неустройства об-

ращено к каждому персонажу в отдельности и выводит на рефлексию в эгоцентрическом аспекте. Смех, который был сопроводителем в серии нелепых бытовых убийств, превращается в молчание над финальным поступком Валентина. Герой перестал играть убийц и потерпевших, а стал полноценным палачом и жертвой своего представления.

Таким образом, смеховое начало в пьесе представлено, в первую очередь, обценной лексикой (крепким русским матом), и реакцией реципиента на нее. Смех автоматически вовлекает адресата посредством эмоционального воздействия в коммуникацию, где происходит выбор позиции с героями – согласия-присоединения или отвержения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит. 1990. 543 с.
2. Братья Пресняковы. The best: пьесы. М.: Эксмо. 2008. 352 с.
3. Глембоцкая Я.О. К проблеме комизма и смеха в новой драме // Современная драматургия (конец XX начало XXI вв.) в контексте театральных традиций и новаций: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 88–96.
4. Тырышкина Е.В. Русский авангард 20-го века: аспекты прагматики [Электронный ресурс]. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_pragmatika.htm (дата обращения: 11.04.2019).

ЕДА И ЛИТЕРАТУРА В РОМАНЕ В.Г. СОРОКИНА «МАНАРАГА»

Аннотация: В статье описаны гастрономические мотивы в романе В. Г. Сорокина «Манарага». Обнаружены мотивы нескольких типов. Наибольший интерес представляют те, которые требуют интерпретации и ориентированы на поиск параллелей за пределами романа. Анализируется вопрос о ценности писательства и специфике творческого процесса в современном мире. Делается вывод об обесценивании авторского труда: его закрытость и потусторонность меняется на прозрачность и вещественность, индивидуальность сменяется желанием соответствовать моде и интересам заказчика.

Ключевые слова: Сорокин, Манарага, мотивы, гастрономические мотивы, литература, еда.

The article describes the gastronomic motives in the novel “Manaraga” by V. G. Sorokin. Motives of several types are found. The most interesting motives are required the interpretation and are focused on finding parallels outside the novel. The question of the value of writing and the specifics of the creative process in the modern world is analyzed. The conclusion is about the depreciation of writer’s work: its closeness and otherworldliness changes to transparency and materiality, individuality is replaced by a desire to conform to the fashion and interests of the customer

Keywords: Sorokin, Manaraga, motifs, gastronomic motifs, literature, food.

В романе 2017 года «Манарага» Владимир Георгиевич Сорокин рассуждает о том, как изменились к середине XXI века (время действия романа) отношения внутри классического треугольника «писатель» — «художественный текст» — «читатель», выходя на решение вопроса о сущности писательского труда, его ценности и обесценивании в недалёком будущем, когда поглощение литературы как духовной пищи трансформируется в физическое поглощение текста. Так, в художественном мире романа связываются гастрономические мотивы и литература. Задачей исследования является интерпретация взаимодействия гастрономических объектов романа «Манарага» с фактами литературы (биографией писателя, художественными текстами).

Сюжет произведения таков: в романе изображается Европа недалёкого будущего, бумажная книга стала раритетом и имеет большую ценность, особенно первые издания известных текстов. Однако эта ценность книги не

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук Е.И. Шевчугова.

является духовной, каковой она была всегда в истории человечества, – её поглощение стало материальным, коммерческим – через приготовление на огне от сжигания книги различных блюд. Персонажи верят в уникальность приготовленных для них блюд. В интервью Сорокин комментирует так: «Как и любая мода, собственно, это чистый миф. Но, как и в моде, все держится на образе, на вере в силу его» [Долин, 2017].

Нами составлена выборка гастрономических мотивов в «Манараге», анализ которой позволяет разделить контексты на 3 группы. Во-первых, простые упоминания еды в связи с каким-то произведением или писателем, достаточно прозрачно толкуемые даже неподготовленным читателем. Во-вторых, контексты, требующие более детального знания сюжета произведения, его идейной направленности или факта его бытования, чтобы объяснить связь с тем или иным блюдом. Третья группа контекстов – сложные ассоциации из области гастрономии и литературы, требующие привлечения обширных знаний из области литературы, культурологии, истории. Приведём примеры.

«...богатые дурачки, в одночасье ставшие гурманами, глотали сухой стейк из солнечника на “Старике и море” <...> и недожаренную свинину на “Швейке”» (Сорокин, 2017: 16)². Так, неразборчивые гурманы, глотавшие сухой стейк из солнечника, определённо верили в то, что он пахнет морем из повести Хемингуэя. А мотив недожаренной свинины на «Швейке» имеет прозрачную параллель с одноименным романом Ярослава Гашека, который остался недописанным.

Не менее ясным оказывается контекст из «Записок охотника»: *«Послевоенная Варшава, походная кухня в бетонном подвале, стол, сервированный на троих, зев полукруглой жаровни, три перепелки, распластанные на решетке, мои руки в белых перчатках, вынимающие из чехла “Записки охот-*

² Здесь и далее цитируется по Сорокину В. Манарага. М.: “АСТ : CORPUS”. 2017. 256 с.

ника”» (18). Здесь заказчики, состоятельные люди, употребляют блюда, тождественные литературным текстам, используемым в качестве «дров».

Ещё один ясный контекст, связан с творчеством Чехова, готовить на нём можно легко и быстро: *«Чехов! Только Чехов. Два собрания сочинений + отдельные издания рассказов в бумажных обложках. Они идеальны для быстрого чтения – креветки, лягушачьи лапки, пороссячьи уши... На Чехове я жарю всегда с удовольствием. Легкий автор»* (27). Нам кажется, что данный мотив демонстрирует поверхностное стереотипное мнение читателей о стиле Чехова как об авторе кратком, легком, с удовольствием читаемом. Здесь очевидна авторская ирония над поверхностными читателями, готовыми судить обо всём.

Более сложной интерпретации требуют, например, следующие описания: *«С “Мадам Бовари” у одного повара в Марокко было еще круче – атоир à trois»* (32) — явный намёк на любовный треугольник из романа Флобера, повторившийся в судьбе повара; фрагмент *«ставшее уже печально знаменитым убийство клиентом своей беременной жены и тещи на чтении по “Преступлению и наказанию”»* (32–33) актуализирует параллель с преступлением Раскольникова, а три морковные котлеты, слепленные Сонечкой, указывают на вегетарианство Толстого и личность его жены Софьи Андреевны.

Наиболее интересны гастрономические мотивы, требующие внимательного и специального изучения. В этом случае наша интерпретация не претендует на истинность, а является только одной из возможных. Например, *«На личном опыте признаюсь: кто держал шипящую говядину над пылающим Шекспиром, купленным под дулами пистолетов, кто стоял в белоснежном колпаке, глядя на лица внимательно жующих толстосумов, аристократов, политиков, бандитов и актеров, — тот никогда уже не встанет к плите в обычном ресторане»*. Мы считаем, что мотив говядины на Шекспире напрямую связан с его творчеством. Джоан Фитцпатрик в своей работе «Food in Shakespeare» отмечает, что во времена Шекспира, согласно распространённым убеждениям, верили, что говядина пробуждает отвагу

[Fitzpatrick, 1988: 37–44]. Это мнение находило свое выражение на страницах хроники Шекспира «Генрих V»: *«Дайте им хороший кусок говядины да добрый меч в руки, — и они будут жрать, как волки, и драться, как дьяволы»* (Шекспир, Генрих V, акт III, сцена 7) Однако мотив говядины встречается у Шекспира и в другом контексте. Говядина ассоциировалась с отрицательным влиянием на интеллект человека. Так, в «Двенадцатой ночи» сэр Эндрю заявляет: *«Ей-ей, мне иногда кажется, что у меня ума не больше, чем у любого христианина, а может, и вообще чем у любого человека. Но я большой любитель говядины, а говядина, наверно, вредит моему остроумию»* (Шекспир, Двенадцатая ночь, акт I, сцена 3). Упоминание говядины имело фразеологическую окраску с отрицательной когнитивной семантикой, как, например, в пьесе «Троил и Крессида» Терсит в перебранке с Аяксом восклицает: *«Задави тебя наша греческая чума! Тоже мне повелитель! Ублюдок с говяжьими мозгами!»* (Шекспир, Троил и Крессида, акт II, сцена 1).

Примечательно, что у Сорокина мотив говядины всплывает дважды. Помимо *«пылающей говядины на Шекспире»* тот же мотив появляется в диалоге главного героя с самим собой: *«Я должен быть всегда в форме, как Дживс:*

— *What would you prefer, sir?*

— *Говяжьи мозги на “Горе от ума”.*

— *Certainly, sir»* (62).

Связь с комедией Грибоедова и мотивом ума отчасти подтверждает верность нашей интерпретации. Ирония Сорокина направлена против заказчиков и их невысоких умственных способностей.

Существенным в «Манараге» является мотив прозрачности, также связывающий литературу и еду. В начале произведения мотив обнаруживается в диалоге клиента и главного героя: *«Когда я был здоров и посещал Уральскую республику, тамошние чиновники пригласили меня в великолепный русский ресторан <...> Именно тогда я понял, почему русская кухня никогда не будет популярна в современном мире.*

— Почему же?

— Она закрыта. А наш мир требует прозрачности» (55–56).

Что это? Возможно, намёк на почти мифическую сложность поднимаемых русской литературой глобальных мировоззренческих проблем и вечных вопросов.

Во второй раз писатель обращается к этому мотиву в конце произведения: *«Подхожу к печам. <...> В печах есть все – гриль, варочная поверхность, духовой шкаф. Все прозрачно. Печи смотрятся шикарно. И в них горят... книги! Горит “Ада”»* (224)! Мы считаем, что под прозрачностью автор подразумевает открытость процесса писательского труда, и, следовательно, его итога. Создание художественного текста перестаёт быть тайной, сакральным действием, каким оно было в прежние времена, когда писатели держали в секрете свои работы до их полной готовности. Современный писательский труд часто публичен: выкладываются в Интернет частично готовые материалы, главы, и читателям предлагается выбрать финал произведения и т. д. Нам кажется, что этим же Сорокин показывает, что эта прозрачность превращается в штамповку, и часто современный писатель создает уже не произведение, рвущееся из души, а непосредственно то, что будет легко продаваться, потребляться.

Таким образом, через гастрономические мотивы писатель вступает с читателем в игру, рассчитанную на собеседников разного уровня прозорливости, а также демонстрирует обесценивание авторского труда: его закрытость и потусторонность меняется на прозрачность и вещественность, первоочередное желание отразить мысли в собственной манере сменяется желанием соответствовать моде, а индивидуальность диктуется желанием общества, фактически заказчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долин А. В России настоящее стало будущим, а будущее слилось с прошлым: интервью [Электронный ресурс] // Влдмр Сркн: офиц. Сайт Владимира Сорокина. 2017. URL: <https://www.srkn.ru/interview/v-rossii-nastoyashchee-stalo-budushchim-budushchee.html> (дата обращения: 15.03.2019).
2. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. Т. 2: 1968–1990. М.: «Академия». 2003. 688 с.
3. Сорокин В. Манарага. М.: “АСТ : CORPUS”. 2017. 256 с.
4. Шекспир У. Генрих V [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/henry5.txt> (дата обращения: 24.02.2019).
5. Шекспир У. Двенадцатая ночь, или что угодно [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/12th_1.txt (дата обращения: 24.02.2019).
6. Шекспир У. Троил и Крессида [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_troil.txt (дата обращения: 24.02.2019).
7. Fitzpatrick J. Food in Shakespeare: Early Modern Dietaries and the Plays. Northampton. 1988. 166 p.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Аннотация: Статья посвящена вопросу формирования литературной репутации С. Довлатова. Задачей данной работы является выявление в биографии писателя основных событий, повлиявших на создание литературной репутации, изучение его текстов, письменных высказываний современников о нём, а также артефактов его почитания. Обосновывается вывод о культовой репутации писателя с тенденцией к становлению классиком.

Ключевые слова: Довлатов, русская литература, литературная репутация, литературная биография, культовый автор, классический автор.

Abstract: The research is devoted to the formation of literary reputation of S. Dovlatov. The aim of this article is to identify the main events in the writer's biography that influenced on the creation of literary reputation, the study of his texts, contemporaries' written statements about him, as well as artifacts of his veneration. Substantiated the conclusion about the cult reputation of the writer with the tendency to become a classic.

Keywords: Dovlatov, Russian literature, literary reputation, literary biography, cult author, classical author.

Впервые термин «литературная репутация» был введен в научный оборот в монографии 1928 года И.Н. Розанова «Литературная репутация». В ней литературовед говорил о необходимости выявить факторы, которые создают репутации, их социологические причины и составить классификацию [Розанов, 1990]. На данный момент наиболее удачно определил термин А.И. Рейтблат «Литературная репутация – это представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы, свойственные значительной части ее участников (т.е. критикам, литераторам, издателям, педагогам, читателям и т.д.); то есть характеристика и оценка творчества и литературно-общественного поведения писателя» [Рейтблат, 2001: 52].

Важными трудами в истории данного вопроса являются «Литературное поле» П. Бурдьё, описавшего экстралитературные факторы создания писательских реноме [Бурдьё, 2000], «Теория литературы» В.Е. Хализева, раз-

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук Е.Е. Анисимова.

граничившего классическую и неклассическую литературу [Хализев, 1999] и классификация Б.В. Дубина, подразделявшего авторов на классиков, культовых, модных и звёзд [Дубин, 2011].

Цель настоящей статьи – проанализировать процесс и закономерности формирования литературной репутации Сергея Довлатова. Тезис работы заключается в следующем: на данный момент Довлатов является культовым автором с тенденцией к становлению классиком.

Вплоть до 90-х годов XX века творчество С. Довлатова было мало доступно русскому читателю. Можно сказать, что популярность и признание наступили уже после его смерти, в последние 30 лет. Литературная репутация писателя на данный момент системно не исследована.

В биографии Довлатова можно выделить два главных этапа, интересующих нас в связи со становлением его литературной репутации. Во-первых, это обстоятельства, при которых будущий писатель попал в интеллектуальную богемную среду Ленинграда, во-вторых, обстоятельства его эмиграции. Также наше внимание привлекли эпизоды биографии, из которых впоследствии родились произведения писателя: это проживание в Эстонии и сборник «Компромисс», служба в армии надзирателем и повесть «Зона», работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике и повесть «Заповедник».

Опираясь на классификацию Дубина, можно увидеть в биографии Довлатова культовые черты. Среди них особо отметим следующие.

Во-первых, Довлатов был популярным в узких кругах ещё при жизни: в Америке его печатали в «Нью-Йоркере» (элитарный журнал), в России читали самиздатом (доступном не всем). Его относят к эмигрантам третьей волны. Уже это является включением в группу «изгоев».

Во-вторых, весьма характерно, что Довлатов является цитируемым автором. Это можно проследить по тому, как много его фраз стало афоризмами. Именно культовых писателей часто цитируют, так как это не школьное заучивание, а некий показатель принадлежности к богеме и/или интеллектуальной элите. Художник Андрей Бильжо замечает: «Его тексты живут своей

жизнью. Разобраны на цитаты. Они превращаются в анекдоты» [Бильжо, 2015].

В-третьих, характеристика «культа» – это умышленное сужение рамок оценивания, миниатюризация значимого объекта. Практически нигде он не упоминается по имени и отчеству, даже само имя часто «уменьшается». Его называют не Сергей, а Сережа (например, статья И. Бродского именно «О Сереже Довлатове»). Это исходило и от самого писателя. Как пишет мемуарист В.И. Соловьев: «Он никак не мог свыкнуться не только со смертью, но и с возрастом, оставаясь в собственном представлении “Сережей”, как в юности. <...> Терпеть не мог, когда его называли Сергей, а уж тем более – Сергей Донатович» [Соловьев, 2014: 106].

Интересно, что выделяемые культовые черты Довлатова его современниками и нашими схожи. Конечно, в мелких деталях он каждому запомнился чуть другим, чуть «своим», но общее ядро одинаково:

- «Неудобность», несогласие с режимом. Поэт Иосиф Бродский писал: «Неуспех его в СССР был понятен, Сергей мнил себя как “отдельного человека”» [Довлатов, 2001: 300].

- Девиантное поведение. Писатель Александр Генис рассказывал: «Сергей ненавидел свои запои и бешено боролся с ними. Он не пил годами, но водка, как тень в полдень, терпеливо ждала своего часа» [Генис, 1999: 229].

- Символ авторефлексии и самоопределения поколения. Публицист Лев Симкин отмечал: «Довлатов сумел сказать что-то очень-очень важное, задев душевные струны сразу нескольких постсоветских поколений, и потому так ими ценится» [Симкин, 2015].

Отметим, что наблюдаются некоторые тенденции к становлению литературного реноме Довлатова в качестве классика. В честь него ставят памятник, открывают мемориальные доски и называют улицы. Осуществляются разнообразные юбилейные мероприятия. Также произведения писателя переведены более чем на тридцать языков мира и многие из них включены в

перечень 100 книг, рекомендованных Министерством образования и науки России к самостоятельному прочтению школьникам. Помимо этого, про Довлатова снимают фильмы как документальные, так и художественные.

Несмотря на эти показатели скорее классического автора, его так и не закрепили в этом статусе. Довлатов не включен в школьную и университетскую программу для обязательного чтения, до сих пор его творчество и образ исследуется в малом количестве научных работ, многие его художественные особенности до конца не разобраны. К тому же, можно увидеть, каким он представляется в современном мире по памятнику (он, кстати, всего один) – небрежный, простой, расслабленный человек и в кинематографе – перед нами прямолинейный, ироничный, неугодный власти человек с узким кругом друзей и читателей.

Интересно, что именно с его постепенным проникновением в массы, в культурном поле стало увеличиваться количество негативных мнений. Например, в 2015 году журнал «Русский пионер» посвятил целый номер Довлатову. Большинство статей были хвалебные, но также отметился и поэт Андрей Орлов (Орлуша) как бы обвиняя писателя то ли в отсутствии фантазии, то ли в постоянном описании частного быта:

Он на каждого взглядом косит,
Он за всеми за нами бдит,
Всё, что видит, Довлатов вносит
В свой клеёнчатый кондуит.
Он, Довлатов, знает, во сколько
Я выгуливал Жучку вчера
И со скольких скрипела койка
В 112-й до утра.
И пока тебе утром спится,
В час до выгула всех собак
Он, Довлатов, в четыре тридцать
Проверяет мусорный бак [Орлов, 2015].

Там же была напечатана статья Дмитрия Быкова, имевшая большой резонанс: «Они сознают, что Довлатов был и остается в статусе полуклассика, весьма шатком, и статус этот у него появился не благодаря качеству текстов, а благодаря энтузиазму определенной читательской группы <...> Довлатов не напрягает ни себя, ни читателя: это идеальное отпускное чтение, и вред от него, в общем, только один. Это чтение завышает читательскую самооценку. Беда, однако, в том, что Довлатов не только пытается дотянуть анекдот до уровня литературы, но и серьезные, трагические вещи низводит до анекдота. <...> И этот хор обывателей, по-моему, – самая горькая участь, которой может сподобиться писатель в России» [Быков, 2015].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день русский канон, конечно, в большинстве своём состоит из писателей XIX в. и начала XX-го. Для авторов второй половины XX в. попасть в него сейчас более проблематично, так как классика, как правило, опознается лишь из последующей эпохи. Для относительно современных авторов есть один решающий фактор литературного успеха – это, конечно, Нобелевская премия (Солженицын и Бродский, например, неоспоримо стали классиками). Остальные факторы успеха: насущность поднимаемых тем, красота языка, актуальность не всегда гарантируют закрепление в пантеоне. Автор, признанный современниками, за все эти заслуги это лишь «кандидат» в классики. На данный момент мы можем лишь наметить тенденцию в репутации Довлатова и поставить вопрос о том, что возможно сам характер литературного реноме писателя-«анекдотчика» помешает ему попасть в канон, но это, конечно, рассудит лишь время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бильжо А. Ртуть. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioneer.ru/cool/m/single/4782> (дата обращения: 20.04.2019).
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

3. Быков Д. Компромисс. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioner.ru/cool/m/single/4756> (дата обращения: 20.04.2019).
4. Генис А.А. Довлатов и окрестности: филологический роман. М.: Вагриус, 1999. 301 с.
5. Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. СПб.: Азбука-классика, 2001. 608 с.
6. Дубин Б. В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.
7. Орлов А. Тайный чемодан Довлатова. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioner.ru/cool/m/single/4778> (дата обращения: 20.04.2019).
8. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛО, 2001. 336 с.
9. Розанов И.Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. 464 с.
10. Симкин Л. Быков против Довлатова. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://snob.ru/profile/26400/blog/97430?v=1441282205> (дата обращения: 20.04.2019).
11. Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. Трагедия веселого человека. М.: Рипол Классик, 2014. 480 с.
12. Хализев В.Е. Литературные иерархии и репутации. Колебания литературных репутаций. Безвестные и забытые авторы и произведения // Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. С. 78–89.

СИНТЕЗ FICTION И NON-FICTION В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ДИЛОГИИ А. МОТОРОВА

Аннотация: В статье рассматривается феномен литературного направления non-fiction, популярного в России со второй половины 1990-х–2010-х годов. Представлен анализ специфики репрезентации автобиографического материала в книгах бывшего врача московской больницы Алексея Моторова – «Юные годы медбрата Паровозова» (2012 г.) и «Преступление доктора Паровозова» (2014 г.). Выявляются жанры, использованные автором в процессе создания дилогии. Получены выводы о том, какие художественные эффекты возникают в результате соединения поэтики фикциональной и нефикциональной литературы в пределах одного текста.

Ключевые слова: нон-фикшн, синтез жанров, автобиография, врачи-писатели, вымысел, современная русская проза.

Abstract: Non-fiction literature received much attention in the second half of the 1990s – 2010s. Such literature occupies a leading position in sales ratings and regularly appears in the shortlists of prestigious literary awards. The combination of poetics of fictional and non-fictional literature in one text is promising. The article presents an analysis of the representation of autobiographical material in the books of A. Motorov - “Yunyye gody medbrata Parovozova” (2012) and “Prestupleniye doktora Parovozova” (2014). The genres used by the author in the process of creating the diology are identified.

Keywords: non-fiction, synthesis of genres, autobiography, medical writers, fiction, modern Russian prose.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что все больший интерес читателей и ученых к литературе non-fiction требует детального исследования ее структуры и механизмов создания. При всем внимании к современной «невывымышленной» литературе, процесс синтеза fiction и non-fiction в современной отечественной словесности изучен недостаточно, что обуславливает научную новизну и теоретическую значимость темы данной статьи.

Современная культура допускает смешение форм практически в любой сфере искусства. Литературная сфера не стала исключением: отсутствие еди-

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук А.Ю. Горбенко.

ного канона позволило явлению жанрового смешения активно включиться в процесс жанрообразования [Гвоздев, 2011: 241].

Приметной чертой литературного процесса в России второй половины 1990-х–2010-х годов стало обращение к non-fiction. На сегодняшний день такого рода литература занимает лидирующие позиции в рейтингах продаж и регулярно появляется в шорт-листах престижных литературных премий. Кроме того, становится очевиден потенциал соединения поэтики фикциональной и нефикциональной литературы в пределах одного текста [Басинский, 2015].

Ю.Н. Тынянов отмечал, что текст не подчиняется изначальному творческому намерению автора, поскольку он находится под влиянием специфических литературных механизмов. Любая авторская установка в творческом процессе может самоустраниться, что будет способствовать закреплению случайных результатов. В качестве примера Тынянов приводит «Горе от ума» Грибоедова, которое изначально задумывалось, как нечто «высокое», а не политическая памфлетная комедия, получившаяся в итоге. Так и Пушкин с удивлением заметил, что в «Евгении Онегине» нет сатиры, хотя изначально автор планировал создать обличительную «сатирическую поэму» [Пушкин; цит. по: Тынянов, 1977: 278, 279]. Так, несмотря на нелитературную установку, документальная проза сближается с художественной. А.В. Анохина отмечает, что критики уже в XIX в. поднимали вопрос о «пограничных» жанрах художественной и документальной литературы. Предвестниками non-fiction являлись путевые заметки и автобиографическая проза [Анохина, 2013: 189].

Липовецкий сомневается в «чистоте» литературы non-fiction, исследует доказательства подлинности представленного опыта «реальности». Липовецкий обозначает non-fiction как «ускользающий жанр». Он говорит о размывании границы между мемуарами и романистикой [Липовецкий, 2008: 572, 577].

Ряд исследователей говорит о non-fiction как о литературном жанре [Липовецкий, 2008; Анохина, 2013; Басинский, 2015; Казакова, 2016]. Это

представляет определенную сложность, так как non-fiction, помимо научно-популярной и справочной литературы, включает в себя жанр травелога, документального романа, биографию, автобиографию, мемуары. Non-fiction – уникальное видовое образование, ориентированное на различные жанры документальной прозы [Казакова, 2016: 8].

Хорошо известно, что многие отечественные писатели-классики имели профессию, не связанную с литературой. К таким писателям относились, например, врачи, совмещающие творчество с лечебной практикой (А.П. Чехов, М.А. Булгаков и др.). Алексей Моторов встраивается в эту важную типологическую линию отечественной культуры, поскольку он тоже в юности и молодости принадлежал к профессиональному медицинскому сообществу.

Алексей Моторов утверждает, что книги о Паровозове – «Юные годы медбрата Паровозова» (2012 г.) и «Преступление доктора Паровозова» (2014 г.) – в высокой степени автобиографичны, и ему самому трудно определить пропорции реального и выдуманного в дилогии. «Иногда кажется, что все наврал», – отмечает Моторов. Он объясняет это тем, что мог смотреть на события только со своей точки зрения, не имея возможности отстранённого взгляда [Моторов, 2014б].

Степень автобиографичности книг Моторова может быть определена с помощью сопоставления фабульных событий с их описаниями, представленным в автодокументальных текстах автора (или других людей). На восприятие дилогии Алексея Моторова работает, прежде всего, то обстоятельство, что имя протагониста и нарратора обеих книг совпадает с именем автора – Алексей, а его прозвище «Паровозов» однозначно отсылает к фамилии автора «Моторов». Кроме того, в дилогии с документальной точностью указаны годы работы Моторова сначала в 1-й, а затем в 7-й Московских городских больницах. В дилогии Моторов наделяет Паровозова теми же биографическими обстоятельствами, которые указывает в своем профиле в социальных сетях, оставляет жене и сыну протагониста имена членов собственной семьи.

Ещё одно принципиально важное средство подчёркивания автором автобиографизма дилогии было реализовано в последнем издании, на 4 обложке которого помещена фотография молодого Моторова из его личного архива.

«Юные годы медбрата Паровозова» представляют собой калейдоскоп событий, в разное время случившихся в Городской больнице № 7. Большинство персонажей книги – медперсонал и пациенты – являются героями только какой-либо одной из глав первой книги дилогии. Медбрат Паровозов, alter ego А. Моторова, является связующим звеном отдельных историй, из которых и состоит книга.

Автобиография предполагает сосредоточение сюжета на судьбе главного героя и его семьи. Нельзя сказать, что повествование Моторова замкнуто на личностно-семейной сфере. Книга тяготеет к мемуаристике, – поскольку значимая часть ее содержания не касается автора напрямую. Например, глава «Кавказская пленница» посвящена харизматичной и амбициозной коллеге Моторова Тамаре Царьковой. Автор довольно подробно излагает ее биографию.

«Тамара была родом из абхазского городка Гудаута, находящегося на морском побережье севернее Сухуми. ее русская мама работала официанткой в ресторане на озере Рица, а мингрел папа носил фамилию Гватуа» [Моторов, 2012: 31].

Очевидно желание автора рассказать читателям об особенностях эпохи, осмыслить исторические события, дать им оценку. Эта черта также характерна для мемуарной литературы. Например, в одном из интервью Алексей Моторов рассказал о своем неоднозначном отношении к советскому союзу. Безусловно, он с теплотой вспоминает о своем детстве, о юности, о коллегах. Однако, Моторов признается, что симпатии к советской власти никогда не испытывал. Он определяет ее не иначе как «многолетняя кровавая вакханалия». Такую же позицию по отношению к советской власти занимает протагонист.

«– Ты Сталина не трогай! – с угрозой произнес тот [Омоновец. – Е.К.]. – Сталин нашу страну создал! За нее миллионы погибли. Да заведи ты его себе! – Я потушил окурок и поднялся. – Такую страну создал – дунули плюнули, и ее в три дня не стало. И тогда одни валенки на пятерых, все по коммуналкам, и сейчас. Здоровый лось, «сникерс» дочке купить не в состоянии. За это стоило миллионы губить?» [Моторов, 2014а: 416].

Ряд героев книг Моторова имеет прототипов, существование которых в реальной жизни поддается верификации. Например, Мэлс Хабибович – начальник лагеря «Дружба», участник многих забавных и трагичных ситуаций, описанных в «Преступлении доктора Паровозова». В интернет-энциклопедии есть информация о Турьянове Мэлсе Хабибовиче, инфекционисте, докторе медицинских наук, профессоре, заслуженном враче Российской Федерации. О том, что это именно тот самый Мэлс Хабибович, свидетельствует пометка, что Турьянов преподавал в Первом московском медицинском институте с 1970-х годов и то, что был мастер спорта СССР по гребле на байдарках и каноэ (Моторов отмечает это в книге).

Во вставной истории, обозначенной автором как лирическое отступление «Про то, как маленький Сар построил коммунизм в одной отдельно взятой стране», нарратор не являлся участником описываемых событий, как и конкретный автор, Алексей Моторов. В тексте не указывается, для чего введено повествование о революции в Камбодже. Кроме того, не указаны источники, из которых Моторову стала известна эта информация. В интервью писатель говорит о том, что ввел историю о событиях в Камбодже в образовательных целях и не планировал оставлять ее в окончательном варианте книги, однако редакторы решили сохранить этот объемный фрагмент, который можно охарактеризовать как исторический очерк.

При всем этом нельзя сказать, что диалогия Моторова полностью лишена элементов художественного вымысла. Рамочные компоненты, или «паратексты» (по Ж. Женетту) диалогии (заголовки, посвящения, предисловия, послесловия и т.п.) являются признаками фикционального текста [Шмид,

2003: 19]. По В. Шмиду, в таких «метакоммуникативных сигналах», «как правило, указывается более или менее прямо на фикциональность произведения» [Шмид, 2003: 19].

Дилогия разделена на главы; названия некоторых из них отсылают к известным литературным текстам или к киноискусству: «Первая ночь Шахерезады», «Санта-Барбара», «Кавказская пленница», «Сказка про Колобка» и т.п. Еще один сигнал фикционального текста – серийность, или контекстуальность – автобиография Моторова представлена как дилогия, повествующая о Паровозове.

В фактуальной прозе считается недопустимым показывать внутренние процессы, происходящие в сознании героев. В дилогии же есть моменты, в которых рассказчик «проникает» в чужой внутренний мир.

«И лишь когда начала доньшком давить таблетки в порошок, в голове пронеслось: «Как же глупо!» (Моторов, 2014а: 138). Она сыпала горстями в рот порошок и запивала из бутылки, не обращая внимания на слезы, которые текли ручьем. Нельзя же просто заснуть, превратить все в комедию. Но когда вдруг почувствовала, что уходит в эту холодную стальную пустоту, последней мыслью было что зря все это. Не стоило» [Моторов, 2014а: 139].

В «Юных годах медбрата Паровозова» присутствуют элементы анекдотического жанра. Например, комично повествование о медсестре Тане, Агрессивную и необучаемую Таню, на беду всему персоналу, невозможно было уволить, так как она числилась молодым специалистом.

«Внешне она походила на неандертальца <...>. Приземистая, коренастая, с короткими кривыми ногами, с длинными, ниже колен, руками, узким лбом, маленькими злыми глазками и тяжелой челюстью. Другими словами – красавица. И нрав у нее был кроткий, под стать внешности, сама доброта» [Моторов, 2012: 220].

В «Преступление доктора Паровозова» есть элементы, придающие произведению остросюжетность. Повествование развернуто на фоне важных

исторических событий. В начале 90-х годов на улицах Москвы происходят массовые столкновения, различные политические объединения борются за власть.

«– Говорят, у Останкина человек сто постреляли, если не больше! – сообщил похожий на боксера-легковеса Саня Подшивалко. – Ну и жизнь, без бронежилета на улицу не выйдешь!» [Моторов, 2014а: 14].

В самом названии заключена интрига: слово «преступление» отсылает к детективному жанру. Детективная сюжетная линия книги заключается в следующем: в Городскую больницу № 1, где работает доктор Паровозов, привозят раненого казака, в котором герой узнает своего друга детства Леню. По непонятной для доктора причине у палаты пациента круглосуточно дежурит конвой. Протагонист пытается восстановить события роковой для Лени ночи. Когда доктор узнает, что Леня стал свидетелем преступления команды полковника Серегина, он придумывает и воплощает в жизнь план Ленинского побега из больницы. Интрига держится до самого конца книги за счет неожиданных поворотов. Например, в последней главе доктор понимает, что обознался, что его пациент вовсе не его друг детства Леня.

Линейная хронология, свойственная автобиографии, в «Преступлении доктора Паровозова» нарушено. Ретроспективно показаны шесть лет, предшествующие событиям 1991 года.

Дилогию А. Моторова сложно отнести к автобиографии, поскольку ей свойственна более сложная система нарраторов. При всей автобиографичности, доказанной путем сравнения фабульных событий дилогии с документальными данными, повествование не ограничивается текстом протагониста. Помимо первичного нарратора, в канву дилогии включена система вторичных нарраторов. В «Преступлении доктора Паровозова» одним из вторичных нарраторов является пациент Моторова, вплоть до последней главы именуемый в повествовании Леней. Он поэтапно рассказывает Моторову историю своей жизни и более развернуто описывает события, которые привели его в Городскую больницу № 7.

«Первый раз я еще по малолетке залетел. Мы тогда осенью из детства свинтили, вчетвером. Решили к морю пробираться, на рыбацкий корабль устроиться, типа юнгами» [Моторов, 2014а: 391].

Объем нарраторского присутствия в ходе повествования меняется. В «Юных годах медбрата Паровозова» нарратор в некоторых эпизодах становится всеведующим.

«Человек предполагает, а бог располагает. Несколько мощнейших взрывов в толще солнечной магмы изменили положение гигантских субгалактических 36 электромагнитных полей. Спутники Сатурна ускорили вращение по своим орбитам, на Венеру обрушился метеоритный дождь, а метаново-аммиачный океан на Уране разразился внеочередным штормом. На планете Земля в то субботнее утро большая ржавая гайка, скрепляющая муфту водопроводной магистрали, проходящей по второму этажу Московской городской больницы номер семь, вдруг треснула и разломилась. Из разомкнувшихся частей огромной трубы забил фонтан. Спустя мгновение остальные гайки, не справившись с дополнительной нагрузкой, последовали заразителю примеру и коварно соскочили с болтов, с которыми многие годы состояли в интимных отношениях. Из трубы диаметром тридцать сантиметров под могучим давлением вырвался столб холодной воды. Первое встреченное им препятствие – стулья в малом конференц-зале – этот поток разметал, как шарики для пинг-понга» [Моторов 2012: 301].

Подводя итоги, можно сказать, что fiction и non-fiction сосуществуют в книгах Алексея Моторова, неизбежно и без видимого «шва» соприкасаясь. Синтез этих литературных направлений создает трудности в определении жанра книг о юном медбрате, впоследствии ставшем врачом, однако в этом соединении и жанровой неочевидности во многом состоит причина литературного успеха дилогии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина А.В. Проблема документализма в современном литературоведении // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 189–191.
2. Басинский П. Сочинять без вымысла. [Электронный ресурс] // Российская газета, 2015. № 6722 (151). URL: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (дата обращения: 10.02.2018).
3. Гвоздев А.Б. Искусство факта. Понятие «Креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. Вып. 8. С. 241–249.
4. Казакова Г. М. Нон-фикшн в современной русской культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 7–11.
5. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
6. Моторов А. Юные годы медбрата Паровозова. М.: Астрель: Corpus, 2012. 512 с.
7. Моторов А. Преступление доктора Паровозова. М.: АСТ: Corpus, 2014а. 544 с.
8. Моторов А. Алексей Моторов в «Библио-Глобусе» [Электронный ресурс] // Интервью. 2014б. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fkFdIujpUYo> (дата обращения: 9.02.2018).
9. Моторов А. Писатель Алексей Моторов – о ностальгии по советскому прошлому. [Электронный ресурс] // Corpus. 2017. URL : <https://www.corpus.ru/press/aleksejmotorov-intervju-realnoevremya.htm> (дата обращения: 11.02.2018).
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

ИСТОРИКО-ПОЭТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. НЕКРАСОВА

Аннотация: В статье рассматриваются произведения Н.А. Некрасова с точки зрения сопряжения двух жанровых начал: балладного и поэмного. В фокусе внимания находятся характерные для стихотворной баллады второй половины XIX в. мотивы встречи с потусторонним двойником, ситуация кризиса, возникающая при столкновении законного и незаконного и, как следствие, трагический исход.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, баллада, поэма, жанр, двоемирие.

Abstract: In the article we consider the works of N. A. Nekrasov from the point of view of conjugation of the two principles: ballad and poem. The motifs of meeting with the other-worldly double, the situation of crisis because of the collision of legal and illegal and, as a result, the tragic outcome – these characteristics of the poetic ballad of the second half of the 19th century are in the focus of our research.

Keywords: N. A. Nekrasov, ballad, poem, genre, double world.

Вопрос о жанровой семантике некоторых поэтических произведений Н.А. Некрасова до сих пор является дискуссионным: от довольно простран-ных формулировок, вроде «стихотворение с фабулой», до «стихотворная новелла», «повесть в стихах» (А.И. Груздев, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и др.). Литературоведы также указывают на связи этих стихотворений и поэм автора с народной и литературной балладами (А.И. Груздев, Б.М. Эйхенбаум и др.). По мысли М.М. Бахтина «жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении этого жанра» [Бахтин, 2002: 120]. Наш интерес сосредоточен на указанном «обновлении» и процессах, которые обуславливают развитие жанра, возможности его столкновения с другими. Так в творчестве Н.А. Некрасова, по нашему мнению, происходит взаимопроникновение двух жанровых формаций – баллады и поэмы. Несмотря на отмеченные Н.Д. Тмарченко и С.Н. Бройтманом [Тмарченко, 2008: 181] лироэпическую одноприродность,

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук К.В. Анисимов.

сюжетное «двоемирие» указанных жанров следует указать их структурные отличия. Для баллады будут характерны: камерность (небольшое количество героев), мгновенность (один эпизод), трехчастная структура конфликта (он, она и ещё кто-либо: мать, Провидение, соперник, двойник, призрак, некий неопределенный заместитель), пассивность героя, внешняя динамика действия. Поэму отличают обширность повествовательного горизонта, растянутость во времени (эволюционность), бинарность конфликта (при, возможно, неопределенно большом количестве участников), эволюция, активность героя, внутренняя динамика (сам движет сюжет поступком, путешествием и др.) [Бройтман, 1997: 173; Жирмунский, 1978: 233; Тamarченко, 2011:180; Тынянов, 1977: 256–257; Эйхенбаум, 1969: 68–69].

Для литературной баллады как «гибридного литературного стихотворного жанра, совмещающего лирическое, эпическое и драматическое начала», «генетически восходящего к фольклорным жанрам сказки, исторической песни, лирических хороводных песен», характерна однособытийность, в которой происходит «встреча между двумя мирами, земным и “иным”» [Магомедова, 2008: 26]. Эти миры олицетворяют, как правило, два персонажа: один из потустороннего мира, вступив в контакт с героем «здешнего» пространства, несёт с собой катастрофу и нарушение изначальной гармонии, в которой находился второй [Там же]. Отсюда следует ещё одна особенность: балладный диалог, который придаёт повествованию особенный динамизм [Там же: 27]. Наличие «чудесного», бытовавшего неизменно в произведениях В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, как показал В.А. Иванов в диссертационном исследовании «Русская литературная баллада 1840-1890-х годов» (2000), уже не является обязательным элементом для этого жанра, начиная с 1860-х гг. [Иванов, 2000: 91–125].

Поэма по Б.В. Томашевскому представляет собой «большую стихотворную форму». В качестве классификации учёный предлагает деление на «фабульные – эпические и бесфабульные – дескриптивные описательные) и дидактические» [Томашевский, 1996: 257]. Исследователь отмечает тяготе-

ние к многопланности в сюжетном построении поэмы [Там же: 258]. Созвучна этим идеям и мысль Ю.Н. Тынянова об отличительной черте поэмы – о её величине [Тынянов, 1977: 256–257]. Значительный размер поэмы достигается и с помощью лирических отступлений, биографических «экскурсов» – воспоминаний героев поэмы, которые способствуют «замедлениям» действия. Также к композиционным особенностям поэмы В.М. Жирмунский относит «вершинность, отрывочность повествования, недосказанность, внезапное начало с середины действия и характерное возвращение к биографическому прошлому с сохранением обычной лирической манеры повествования и постоянной метрической формы» [Жирмунский, 1978: 233].

Н.Д. Тamarченко определяет поэму как «стихотворный жанр, одну из форм эпики (по распространённому мнению – лироэпическую; с точки зрения Бахтина, – романтизированную), наряду с романом заменившую, впервые – в эпоху романтизма, эпопею в роли ведущего литературного жанра» [Тамарченко, 2011: 180]. Характеризуют поэму, по мысли учёного, «двоемие и встреча с иномирными силами», при этом, в отличие от баллады, «главное событие, связанное с перемещением персонажа через границу двух миров, способствует преодолению границ его кругозора, узнаванию чужого мира и новому видению привычного» [Там же]. С.Н. Бройтман, говоря о способе развёртывания сюжета в поэме, отмечает схожесть с вариантом циклической эпопейной схемы «потеря – поиск – обретение» [Бройтман, Тамарченко, 2004: 327]. Кроме того, учёный связывает пассивность героя поэмы именно с «балладой рубежа XVIII–XIX вв., которая служит для неё заменой эпопейного предания и источником «чудесного»» [Бройтман, 2001; цит. по: Тамарченко, 2008: 181]. А.Н. Соколов подчёркивает, что «романтическая поэма обращается к «современному человеку» <...> к социальному характеру, сложившемуся в условиях реальной действительности» в отличие от классической и романтической эпопеи [Соколов, 1955: 498–499].

В контексте творчества Н.А. Некрасова историко-поэтические контуры баллады и поэмы то отдаляются друг от друга, то сближаются настолько,

что образуют сложное единство. Присмотримся пристальнее к этой особенности. Б.М. Эйхенбаум отмечает свойство подобного рода как «полное смешение и смещение жанров» Н.А. Некрасовым относительно традиционных поэм и баллад [Эйхенбаум, 1969: 68]. В связи с «прозаизацией» поэзии Н.А. Некрасовым, Ю.Н. Тынянов пишет о «переносе в формы баллады и классической ямбической поэмы сюжета современного романа (“Саша”, “Несчастные”), исторического романа (“Русские женщины”), физиологических очерков и фельетонов (“В больнице”, “О погоде”))» [Тынянов, 1977: 18-27] и приходит к выводу о том, что с помощью подобных экспериментов «смещением форм создана новая форма колоссального значения» [Там же]. Подобные тенденции в творчестве автора видит и К.Н. Григорьян: «В поисках новых изобразительных и выразительных средств Некрасов, разрушая привычные представления, смещая установившиеся межжанровые границы, двигался по пути создания смежных, смешанных, синтетических жанров, насыщая свое поэтическое творчество социальным содержанием и гражданским пафосом» [Григорьян, 1967: 155]. Далее мы увидим, как воплотились эти черты в поэтических произведениях Н.А. Некрасова.

«Коробейники» (1861)

Песенная стихия, столь характерная для поэзии Н.А. Некрасова, надеется, по выражению А. Цейтлина, «большой эпический жанр – народную поэму», особым лиризмом [Цейтлин, 1934]. Органически вплетённые в ткань текста песенные мотивы и интонации, имеющие фольклорное происхождение, не могут не воплотиться эхом «выросшего» из них жанра баллады, так тесно связанного и с генезисом поэмы.

Б.М. Эйхенбаум отмечает напевную основу «Коробейников», которая воссоздаётся с помощью дактилических рифм, благодаря которым «песня развёрнута в поэму» [Эйхенбаум, 1969: 70]. Так событийность эпоса соединяется с эмоциональностью лирики, образуя синтез – лироэпическую поэму. По мысли С.Н. Бройтмана, «материнским лоном» этого жанра является эпическая поэма, а её неканонические образцы обнаруживают связь с народной

балладой [Бройтман, 2004: 323]. Чертами новой поэмы с оглядкой на её истоки являются «лирическое начало, сочетающееся с эпическим сюжетом и драматическим диалогом, новеллистический сюжет, внезапный зачин, отрывочность и недосказанность повествования, его тяготение к кульминационным точкам, балладный стих <...>» [Там же]. В «Коробейниках» слышны отголоски народной баллады с одним из характерных для неё социально-бытовым сюжетом – убийством из-за денег: коробейники – Ваня и Тихоныч подвергаются нападению корыстного крестьянина. Их смерть является амбивалентной: с одной стороны, это гибель невинных жертв преступления, с другой – наказание людей, отступивших от нравственного закона, провиденциальной силой. Коробейники в народном сознании здесь – люди, имеющие власть над женщинами: обещая товары, которые могут и омолодить своего обладателя, и *«хоть кого приворожат»*, они будто одурманивают их: *Бабы ходят словно пьяные, / Друг у дружки рвут товар* [Некрасов, 1982, т. 4: 60]. Их действия осуждаются местными жителями: *Принесло же вас, мошейников! / Вот уж подлинно напасть! / Вишь вы жадны, как кутейники, / Из села бы вас колом!* [Там же]. Тихоныч осознаёт своё отъединение от бога: *В день теперя не отплюешься, / Как еще прощает бог: / Осквернил уста я ложию – / Не обманешь – не продашь! – / И опять на церковь божию / Долго крестится торгош* [Там же]. Примечательно, что это духовное осквернение мыслится героем в масштабе грядущего апокалипсиса: император Николай I приобретает черты всадника на рыжем коне, (Откр. 6:3) олицетворяющего войну (в данном случае Крымскую): *Царь дурит – народу горюшко! / Точит русскую казну, / Красит кровью Черно морюшко, / Корабли валит ко дну* [Там же: 61]; *Перед светопреставлением / Знать война-то началась. / Грянут, грянут гласы трубные! / Станут мертвые вставать! / За дела-то душегубные / Как придется отвечать? / Вот и мы гневим всевышнего... – / «Полно, дядя! Страшно мне! / Уж не взять рублишка лишнего / На чужой-то стороне?..»* [Там же: 62]. Коробейники, продав товары, оказываются перед выбором, какой дорогой идти до Костромы: длинной или короткой. Вторая при этом ме-

тафориически связана с опасностями: Черт попутал – мы поверили, / А кто версты тут считал? / <...> Дьявол, что ли, понапихивал / Этих кочек да корней? / Доведись пора вечерняя, / Не дойдешь – сойдешь с ума!; Хороша наша губерния, / Славен город Кострома, / Да леса, леса дремучие, / Да бo-лота к ней ведут, / Да пески, пески сыпучие... [Там же: 69]. Выделенные ло- кусы являются традиционными для балладного пространства, в которое по- падают Тихоныч и Ваня. Именно там они встречаются таинственного путника- лесника, решающего стать проводником для заблудившихся. Само появление странника овеяно мистическими знаками: отрицательный параллелизм (Не тростник высок колыхается, / Не дубровушки шумят, / Молодецкий посвист слышится, / Под ногой сучки трещат [Там же]) как бы служит связующим элементом между природой и гостем из другого мира. Обратим внимание и на возможную в этих строках апелляцию к известной балладе М.Ю. Лермонтова «Тростник». Исследователи обнаруживают во многих других текстах Н.А. Некрасова подобные литературные заимствования, па- родии, реминисценции, скрытые цитаты из произведений продолжателей балладной традиции В.А. Жуковского – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова (С.А. Андреевский, И.А. Дымова, А.И. Журавлёва, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и др.). Охотник имеет обманную внешность, но в его облике всё же просвечивают демонические черты: Да и сам Христов охотничек / Ростом мал и с виду слаб. / Выше пояса замочена / Одежонка лесника, / Бо- рода густая склочена, / Лычко вместо пояска. / А туда же, пес в ошейнике, / По прозванию Упырь. / Посмеялись коробейники: / «Эх ты, горе-богатырь!...» [Некрасов, Т. 4: 70–71]. Изначально вызвавший смех несуразный вид путника пока не создаёт никаких собственно мистических параллелей, однако далее, по мере приближения к «сакральному центру» по выражению Д. М. Магоме- довой [Магомедова, Тюпа, 2013: 132–133], он сцепляется с образом странни- ка Тита из песни Тихоныча: Ней от старости, ней с голоду / Он в канавке кончил век, / А жила богато смолоду, / Был хороший человек, / Вспоминают обыватели. / Да его попутал бог: / По ошибке заседатели / Упекли его в

*острог <...> / С баринком слюбилась жёнушка, / Убежала в Кострому. / Тут родимая сторонушка / Опостылела ему. / Плюнул! Долго не разгадывал, / Без дороги в путь пошел. / Эту песенку мудреную / Тот до слова допоет, / Кто всю землю, Русь крещеную, / Из конца в конец пройдет». / Сам ее Христов угодничек / Не допел – спит вечным сном [Там же: 72–73]. Это упоминание и вставная «Песня убогого странника» являются по своему строению народной балладой с контаминацией сюжетов об измене мужу и об оговоре невиновного. Они служат фоном для развития действия с коробейниками и лесником, который словно становится демоническим двойником того несчастного Тита. Любопытен параллелизм, акцентирующий сходство героев: путник именуется *Христовым охотничком*, а Тит – *Христовым угодничком* [Там же: 70, 73]. Имплицитно напоминают о мертвеце, похоронных традициях слова самого лесника: *«Нет, почудилось тебе. / Трои сутки не был дома я, / Жить ли дома леснику?»* [Там же: 69]. Связь охотника с демонологическим миром в черновиках Н.А. Некрасова оказывается более явственной: *Вот наткнулися на бестию! / Леший что ли ты какой? / Не дурачься, просим честию! / Не глумися, братик мой!* [Там же: 329]. Очевидным становится сходство с Лесным царём В. Гёте в переводе В.А. Жуковского, до этого намечавшееся только исподволь в связи с упоминанием ночных обитателей леса: *Чу! как ухалица ухает, / Чу! ребенком стонет сыч. / Поглядел старик украдкою: / Парня словно дрожь берет* [Там же: 71]. Демонизм подчёркивается зловещим смехом охотника: *«Труссы, труссы вы великие» – / И лесник захохотал / (А глаза такие дикие!) <...> Воем, лаем отзывается / Хохот глупого кругом* [Там же: 74–75].*

Кульминацией является убийство, случайным свидетелем которого оказывается гонящий стадо пастух. Как и в «Ивиковых журавлях» в переводе В.А. Жуковского, именно этот факт позволяет свершиться справедливому наказанию преступника даже без учёта главной улики – серебра и золота, отнятого у убитых: *Поглядели: под онучами / Денег с тысячу рублей – / Серебро, бумажки кучами. / Утром позвали судей, / Судьи тотчас всё довели* /

(Только денег не нашли!), / *Погребенью мертвых предали*, / *Лесника в острог свезли...* [Там же: 76].

Не стоит упускать ещё один потенциально балладный сюжет, который присутствует в «Коробейниках», – любовный. Ещё И.М. Колесницкая в своей статье «Художественные особенности поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники»» (1954), отмечала, что «сюжеты с любовной завязкой и неожиданной развязкой были очень характерны для произведений народного творчества, главным образом для баллады...» [Колесницкая, 1954: 135–144; цит. по: Груздев, 1960: 107]. Композиционно этот сюжет внедряется уже в самом начале: крестьянка Катеринушка встречает Ваньку-торговца в тёмное время суток, берёт у него *бирюзовый перстенёк*, по народным поверьям являющийся любовным талисманом. Коробейник даёт девушке *нерушимое обещание*: *Опорожнится коробушка, / На Покров домой приду / И тебя, душа-зазнобушка, / В божью церковь поведу!* [Некрасов, 1982, т. 4: 59]. Далее в пятой главе поэмы вновь появляется намеченная линия повествования: теперь Катеринушка ждёт возлюбленного, как и её балладные предшественницы (Людмила, Светлана В.А. Жуковского), однако труд удерживает девушку от ропота: *Часто в ночьку одинокую / Девка часу не спала, / А как жала рожь высокую, / Слезы в три ручья лила! / Извелась бы неутешная, / Кабы время горевать, / Да пора страдная, спешная – / Надо десять дел кончать* [Там же: 66–67]. Время идёт, наступает традиционный свадебный период после Покрова (отметим, что холод, снег, зима вообще являются одним из самых частых балладных хронотопов), но Ваньки по-прежнему нет: Катеринушка ещё не знает, что где-то на другой стороне в эту самую пору её жениха ждёт гибель. Так возникает столь характерный для баллады мотив свадьбы-похорон [Тамарченко, 2004: 440]. При этом «балладная» настроенность поэмы мотивируется не только художественным вымыслом автора, но и жизненными реалиями: посвящение данного произведения «другу-приятелю» из деревни Шоды Костромской губернии, приоткрывает детали частной жизни его семьи, в которой прототипом Катеринушки выступила, по замечанию

А.В. Попова, жена того самого крестьянина Гаврилы Яковлевича, Марианна Родионовна [Попов, 1941: 193–203]. Из рассказов их сына становится известно, что женщина очень тосковала по мужу, когда тот ездил до «Покрова» продавать выхухолей [Там же]. Однажды произошёл случай: «На обратном пути все возвращавшиеся напились пьяные и остались в каком-то месте, а лошадь Гаврилы Яковлевича одна пришла ко двору без хозяина и без поклажи. Марианна испугалась, думала, что уже нет в живых Гаврилы Яковлевича, плакала, “лен стлала, а сама плакала”» [Там же]. Эта история обнаруживает любопытное сцепление с балладой самого Н.А. Некрасова «Ворон» (1839), где конь без всадника вернулся к возлюбленной Тебальда [Некрасов, 1982, Т. 1: 233–235]. Однако в жизни Марианны Родионовны подобной катастрофы не случилось, но её переживания стали источником поэтического вдохновения автора.

Как отмечает А.И. Груздев, «логика сюжета требовала освещения судьбы Катеринушки после трагической потери любимого, но поэт отказался от этого сюжетного хода, можно думать, не только из соображений художественной экономии, а чтобы не ослабить впечатления от разыгравшихся в финале поэмы событий и чтобы выдвинуть с предельной остротой вопрос, кто виноват в трагической судьбе героев поэмы» [Груздев, 1960: 111–112]. Разумеется, в тексте поэмы нет прямых указаний на то, что убитый коробейник-Ваня восстанет и придёт к невесте, но на наш взгляд, интерес представляет сама потенциальность этого события и сопровождающее его одиночество героини, подмена её возлюбленного, в разной степени трагический исход. Указанные мотивы в трансформированном виде проявятся и в другой поэме автора – «Мороз, Красный нос».

«Мороз, Красный нос» (1863–1864)

Обращаясь к ранее цитированному тезису Н.Д. Тамарченко о пассивности героя поэмы как признаке близости к балладе, отметим, что литературовед подчёркивал наличие балладного начала в поэме «Мороз, Красный нос» «с большей очевидностью», нежели с «Демоном» М.Ю. Лермонтова

[Тамарченко, 2008: 182]. Такая убеждённость исследователя обусловлена самим балладным сюжетным строением произведения, в котором осуществляется взаимодействие двух миров: реального, земного, и потустороннего, неземного. Эти пространства представляют два героя: жертва – «невеста, возлюбленная» и её губитель – «мёртвый жених», являющийся инфернальным двойником и заменой настоящего. При этом в результате столкновения этих миров всегда происходят катастрофа, хаос, разрушение некогда бытовавшей целостности [Магомедова, 2011: 126; Тюпа, 2013: 133–134]. В композиционном отношении исследуемая нами поэма состоит из двух частей: первая – «Смерть крестьянина», вторая – «Мороз, Красный нос». Однако предваряет их лирическое посвящение сестре Н.А. Некрасова, в котором есть характерное для эпической традиции упоминание Музы (как в «Энеиде» Вергилия) [Богоявленский, 1925], с которой поэт «раздружился» [Некрасов, 1982, т. 4: 77]. Этот разлад с Музой влечёт за собой пессимистические настроения автора: «<...> Будет много печальнее прежней, / Потому что на сердце темней / И в грядущем еще безнадежней...» [Там же: 78]. Поэтическая меланхолия усугубляется от посвящения к первой части, где центральным событием выступает смерть крестьянина. Сообразно появляются балладные локусы замкнутого пространства – метафорического гроба: избушка, которая «как саваном, снегом одета» [Там же: 79]; церковь, «где ветер шатает / подбитые бурей кресты» Там же: 82]. При этом всё пространство как бы превращается в мортальное: «Нет солнца, луна не взошла... / Как будто весь мир умирает: / Затишье, снежок, полумгла...» [Там же: 83]. Далее жена многократно просит умершего мужа восстать из мёртвых, как во многих народных балладах: «Береза в лесу без вершины – / Хозяйка без мужа в дому. / Ее не жалеешь ты, бедной, / Детей не жалеешь... Вставай! / С полосы своей заповедной / По лету сберешь урожай!»; «И, полная мыслью о муже, / Зовёт его, с ним говорит...»; «Встань, заступись за родимого сына! / Нет! не заступишься ты!.. / Белые руки твои опустились, / Ясные очи навеки закрылись... / Горькие мы сироты!..» [Там же: 86, 93, 98–99]. Исследователи, обращавшиеся к

этой поэме, отмечают её своеобразие, которое заключается в том числе и в фольклорных корнях произведения (Выровцева, Григорьян, Дымова, Ильина, Колосова и др.). Так, Т.С. Колосова изучает традиции народной сказки в данной поэме в одноименной работе [Колосова, 1956: 197–210]. Учёный достаточно подробно сопоставляет образы сказочного «доброго волшебника» Мороза и противостоящего ему – Мороза – «злобного повелителя» у Н.А. Некрасова [Там же: 202]. Отметим, что романтические мотивы, о которых говорят вышеуказанные литературоведы, здесь в принципе соотносимы с балладными: крестьянина Прокла «*доконала зима*» [Некрасов, 1982, т. 4: 88], его законная жена Дарья, чтобы спасти детей от холода, отправляется в лес за дровами, где встречает «Воеводу-Мороза», который три раза (что характерно для балладного диалога) задаёт один и тот же вопрос женщине: «Тепло ли тебе?...», пытаясь вовлечь её в губительное пространство: *«В полях было тихо, но тише / В лесу и как будто светлей. <...> / Деревья, и солнце, и тени, / И мертвый, могильный покой... / Но — чу! заунывные пени, / Глухой, сокрушительный вой!»* [Там же: 92]; попыткам спасти умирающего мужа словно мешает весь демонологический мир, несмотря на обращение героини к христианским божественным заступникам: *«Я ль не молила царицу небесную? / Я ли ленива была? / Ночью одна по икону чудесную / Я не сробела — пошла, / Ветер шумит, намечает сугробы. / Месяца нет — хоть бы луч! / На небо глянешь — какие-то гробы, / Цепи да гири выходят из туч.... <...> К полночи стало страшней, — / Слышу, нечистая сила / Залотошила, завывала, / Заголосила в лесу, <...> Слышу я конское ржанье, / Слышу волков завыванье, / Слышу погоню за мной* [Там же: 99]; Мороз в функции «мёртвого жениха» нарушает гармонию союза Прокла и Дарьи: его стихийная губительная сила сначала убивает соперника, а потом вовсе превращает в повелителя мортального царства и живого мертвеца, мужа героини: *«Люблю я в глубоких могилах / Покойников в иней рядить, / И кровь вымораживать в жилах, / И мозг в голове леденить* [Там же: 104]; *«Войди в мое царство со мною / И будь ты царицею в нем! / Поцарствуем славно зимою, / А летом глубоко уснем. <...> —*

Тепло ли? – промолвив опять, / И в Проклушку вдруг обратился / И стал он ее целовать» [Там же: 104–105]. Стоит обратить внимание на угадываемое сцепление образа Мороза как деструктивной силы с лесником из «Коробейников» (который, в свою очередь восходит отчасти и к «Лесному царю» В. Гёте), а далее – в историческом плане – и с Николаем I, несущим народу «горюшко» устраиваемыми им военными кампаниями (о царе как библейском воплощении всадника Апокалипсиса сказано нами ранее в связи с анализом «Коробейников»): так, в тексте поэмы применительно к Морозу возникает номинация «воевода». Все усилия демонического персонажа оказываются ненапрасными: Дарья умирает, погрузившись в «заколдованный сон» [Там же: 109]. Такая развязка является глубоко трагической, что приближает её к характерно балладной катастрофе. Однако этот вариант был не единственным в художественном замысле Н.А. Некрасова: в черновике присутствует эпилог, в котором Дарья чудом спасается от Мороза и возвращается к детям [Там же: 335–337]. На данный факт обращали внимание многие исследователи творчества автора, в частности, И.М. Колесницкая в статье «Из творческой истории поэмы Н.А. Некрасова “Мороз, Красный нос”» [Колесницкая, 1960: 326–340]. Ученый связывает предпочтение черновым записям опубликованного варианта развязки не только с попыткой автора «усилить трагизм», но и с жанровыми особенностями: «Превращение повести в поэму открывало широкий доступ в произведение лирическому началу» [Там же: 338]. Стоит аккомпанировать приведённый тезис И.М. Колесницкой мыслью об общем пессимистическом тоне произведения, заданном изначально ещё в посвящении к поэме, упомянутом нами ранее. Применительно к тексту всего произведения можно заключить, что балладный динамизм приглушается здесь поэмными замедлениями в виде лирических отступлений, воспоминаний, снов героини, в которых заключена также и провиденциальная сила: образы земли, колосьев, метафорически сопряженные с плодородием, жизнестроительством вообще, противостоят реальности, погруженной во мрак мортальной стихии.

В свете намеченных нами поэмных и балладных контуров произведений Н.А. Некрасова «Коробейники», «Мороз, Красный нос» представляется перспективным исследование других поэм автора (в частности, «Несчастные», «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.6. М.: Русские словари, 2002. 800 с.
2. Богоявленский Л. Поэма // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. Т. 2. М.; Л.: 1925. Стлб. 631–632.
3. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1997. 307 с.
4. Григорьян К.Н. К вопросу о жанрах в лирике Некрасова // Некрасовский сборник, IV / под ред. Н. Ф. Бельчикова, К.Н. Григорьяна, Ф.Я. Приймы, Н.Н. Монахова. Л.: 1967. С. 145–158.
5. Груздев А.И. О фольклоризме и сюжете поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники» // Некрасовский сборник, III / под ред. В.Г. Базанова, Н.Ф. Бельчикова, А. М. Еголина. М.; Л.: 1960. С. 99–113.
6. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин (Пушкин и западные литературы). Л.: Наука, 1978. 424 с.
7. Иванов В.А. Русская литературная баллада 1840–1890-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Смоленск, 2000. 217 с.
8. Колесницкая И.М. Из творческой истории поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Некрасовский сборник, III / под ред. В.Г. Базанова, Н.Ф. Бельчикова, А.М. Еголина. М.; Л.: 1960. С. 326–340.
9. Колесницкая И.М. Художественные особенности поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» // Вестник Ленингр. гос. ун-та. Вып. 3. 1954. С. 135–144.

10. Колосова Т.С. Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» // Некрасовский сборник, II / под ред. Н.Ф. Бельчикова, В.Е. Евгеньева-Максимова. М.; Л.: 1956, 1956. С. 197–211.

11. Магомедова Д.М. Баллада // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательство Кулагиной. Intrada, 2008. С. 26–27.

12. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М.Б. Храпченко (отв. ред.) и др. Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. / подгот. текста и коммент. О.Б. Алексеева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1982. 655 с.

13. Попов А.В. Костромская основа в сюжете «Коробейников» Н.А. Некрасова [Электронный ресурс] // «Ярославский альманах» / Литературно-художественный сборник Ярославского отделения Союза советских писателей. Ярославль, 1941. С. 193–203. URL: <https://clck.ru/FdJN3> (дата обращения: 16.02.2019).

14. Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Изд.-во Московского ун-та, 1955. 693 с.

15. Тamarченко Н.Д. Поэма // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательство Кулагиной. Intrada, 2008. С. 180–182.

16. Тamarченко Н.Д. Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа; М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.

17. Тamarченко Н.Д. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т.: Т. 1: Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

18. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тamarченко; комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тamarченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
19. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: 1977. 576 с.
20. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
21. Цейтлин А. Некрасов [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7 / Гл. ред. А.В. Луначарский. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. URL: <https://clck.ru/FeaWU> (дата обращения: 24.02.2019).
22. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л.: «Советский писатель», 1969. 552 с.

ЛЁВИНСКОЕ СЧАСТЬЕ КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В НАРРАТИВНОЙ ПОЭТИКЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация: В статье картины счастья Лёвина, расположенные в конце романа, рассматриваются как сложная повествовательная ситуация, которая может быть соотнесена с более поздней рецепцией Толстым идей И.И. Мечникова о продлении человеческой жизни. В диалоге Мечникова с Толстым теория русского теоретика медицины обрела отчетливо металитературный характер, невольно превратившись в комментарий, объясняющий правила и законы литературы. Таким образом, литературный сюжет Лёвина, который должен быть основан на динамике и трансформации героя, в итоге реализует «мечниковский» антисюжет.

Ключевые слова: нарратология, Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», И.И. Мечников

Abstract: In the present article, Levin's pictures of happiness, located at the end of the novel, will be considered as a complex narrative situation that can be correlated with Tolstoy's later reception of I. I. Mechnikov's ideas about the extension of human life. In Mechnikov's dialogue with Tolstoy, the theory of the Russian theorist of medicine acquired a distinctly metaliterary character, unwittingly turning into a commentary explaining the rules and laws of literature. Thus, the literary plot of Levin, which should be based on the dynamics and transformation of the hero, eventually implements the "Mechnikov" anti-plot.

Keywords: narratology, Leo Tolstoy, "Anna Karenina", I.I. Mechnikov

Как любому художнику, Л.Н.Толстому, создающему сюжетный текст, важна исходная ситуация, предполагающая событийное развертывание. По мнению Ю.М. Лотмана, «выделение событий и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью, с другой, составляет сущность сюжета». [Лотман, 1992: 242] Событийность всегда предполагает изменение исходной ситуации, заключающееся «в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира». [Шмид, 2003: 43].

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук К.В. Анисимов.

В конце 70-х гг. XIX в. Л.Н. Толстой переживает мировоззренческий перелом, усложнивший его положение в литературе как профессионального писателя. Роман «Анна Каренина» становится последним классическим произведением Толстого, где в образе Константина Лёвина предчувствуется не только мировоззренческий кризис биографического автора, но и формулируются проблемы смерти и счастья, которые, будучи явлениями событийной статики, обретают нарратологический аспект и быстро становятся проблемами повествовательными. Недаром именно с этого времени критика и эстетика Толстого насыщаются всё большим скепсисом относительно литературного письма.

Александр Жолковский и Юрий Щеглов выделяют пять сюжетно-тематических блоков в детских рассказах Л.Н. Толстого, которые, по мысли исследователей, в простейших формах концентрированно воспроизводят основные приемы всей поэтической системы Толстого: мирная жизнь, катастрофа, неадекватная деятельность, спасательная акция и возвращенный покой. Каждый из героев проходит такую сюжетную линию, обязательно достигая «возвращённого покоя». Мирная жизнь конкретизирует тему «подлинности простых, естественных ценностей». При этом радостное времяпрепровождение и уединение с природой служат предстоящим переходом от Мирной жизни к Катастрофе. Катастрофа образует контраст с наслаждением элементарными ценностями. Она конкретизирует нешуточность жизни, характеризуется размахом и неуправляемостью. Неадекватная деятельность сводится к созданию возможных путей спасения и возвращения к изначальному покою. [Жолковский, Щеглов, 2016: 55]

Как известно, Толстой начал свои искания в области литературной концептуализации «счастья» в ранний период своей писательской карьеры. В повести 1859 года «Семейное счастье» Толстой рисует главную героиню Машу в поисках истинного, семейного счастья *«мне казалось очень просто и ясно, что жить надо для того, чтобы быть счастливою, и в будущем представлялось много счастья»* (Толстой, 1859).

В чём же заключается счастье по мнению молодой девушки? *«Мне казалось, что мы вдвоем будем так бесконечно и спокойно счастливы. И мне представлялись не поездки за границу, не свет, не блеск, а совсем другая тихая семейная жизнь в деревне, с вечным самопожертвованием, с вечною любовью друг ко другу и с вечным сознанием во всем кроткого и помогающего Провидения»* (Толстой, 1859). Нетрудно заметить, что реализация подобного мечтания со всей неизбежностью должна остановить сюжет.

Таким образом, достигая счастья, героиня не движется в нарративном плане *«<...> мне нужна была борьба; Мне хотелось подойти с ним вместе к пропасти и сказать: вот шаг, я брошусь туда, вот движение, и я погибла», «зато и я права, когда мне скучно, пусто, когда я хочу жить, двигаться, – думала я, – а не стоять на одном месте и чувствовать, как время идет через меня. Я хочу идти вперед и с каждым днем, с каждым часом хочу нового»* (Толстой, 1859).

«Тихая уединенная жизнь в деревенской глуши», столь привлекающая писателя и героиню, вводит их в сложную нарративную ситуацию, в пространство бессобытийности. Исключая дальнейшие события, «счастливая» жизнь представляется уходящим существованием *«с каждым днем привычки жизни заковывали нашу жизнь в одну определенную форму, как чувство наше становилось несвободно, а подчинялось ровному, бесстрастному течению времени»* (Толстой, 1859).

Подчиняется такому бесстрастному течению жизни и Константин Лёвин. Герой романа «Анна Каренина» хочет создать семейный очаг, в котором он находит истину *«это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей»* (Толстой, 1981: 113). И в своей любви к Катерине Щербацкой он видел смысл жизни *«только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была Кити»*. Вот та мир-

ная жизнь, к которой стремится герой *«Да, – думал он, – вот это жизнь, вот это счастье!»* (Толстой, 1981: 54)

Жизненный путь Лёвина становится проекцией жизненного пути Льва Толстого. Достигая своего семейного счастья, Константин Лёвин переживает тот же экзистенциальный кризис, что и Толстой в своём житнетворчестве *«Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно нельзя жить»* [Толстой, 1981: 752] Именно в точке «успокоения», счастья на Лёвина наваливаются суицидальные настроения *«надо было избавиться от этой силы. И избавление было в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство – смерть и, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал инурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться»* (Толстой, 1981: 753).

Нарративный и экзистенциальный кризисы, отразившиеся в образе Лёвина, охватили Л.Н. Толстого в сентябре 1869 г. После пережитого «арзамасского ужаса», житнетворчество Л.Н. Толстого с точки зрения нарративности остановилось. В своём дневнике Толстой записал: *«Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать»* (Толстой, Т. 83, 1869).

Осознание бессмысленности жизни привело к тому, что в 1884 году возникает замысел «Записок сумасшедшего», в которых писатель хочет осмыслить пережитый им «арзамасский ужас». Толстой пишет: *«видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Всё существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирающее было ужасно»* (Толстой, Т. 83, 1869).

В статье «Смерть как проблема сюжета» Ю.М. Лотман указывает на то, что дискретность индивидуального бытия «пока не сделалась объектом самосознания, <...> – “как бы не существует”» [Лотман, 1992: 419]. Жизнь течёт своим чередом, она продолжается, но до того момента, пока человек не осознал приближение смерти, жизнь его является бессобытийной. Все попытки продления своего существования, «консервирования» человека в здоровом состоянии и избавление его от страха смерти приводит к тому, что человеческая жизнь становится бессмысленной и бесконечной в рамках нарративного текста «то, что не имеет конца – не имеет смысла» [Лотман, 1992: 417].

Достижение семейного счастья становится недостаточным для Лёвина – Толстого. Литературный сюжет героя, который должен быть основан на динамике и трансформации, в итоге приходит к тому, с чем Толстой начнет неустанно спорить, познакомившись с теоретиком новой медицины Ильей Мечниковым.

В начале XIX века Мечников, в своей работе «Этюды оптимизма» приходит к выводу, что «да, продлить человеческую жизнь нужно и это полезно» [Мечников, 2012: 157]. Мечников ставит перед собой задачу найти способы точного определения «старческого вырождения», а также описание методов избегания смерти и старости. Таким образом, стремление врача уберечь человека от болезни и, самое главное, описание методик длительного сохранения здоровья и молодости, приводит к спонтанному созданию некой антилитературной программы, основанной на умышленной ликвидации события (смерти).

Автору «Записок сумасшедшего» и Лёвину важно остановиться в пространстве и времени, оторваться от жизни и взглянуть на неё с другой стороны. Они пытаются дать ответы на волнующие их вопросы: «Зачем жить? Зачем что-нибудь делать?». Пока они не узнают ответа, они не в силах делать что-либо. Первый раз Лёвин взглянул на вопросы жизни и смерти при виде умирающего брата. Теперь главными вопросами для Лёвина становятся «от-

куда, для чего, зачем и что она(смерть) такое» (Толстой, 1981: 750). Таким образом, и автор и герой, сами того не понимая, отрывают себя от реальности. Событийность их жизни искажается и превращается в антисюжетную избыточную бесконечность, возникает проблема развертывания письма.

По мнению В.И. Тюпы, высказанному в работе «Анализ художественного текста», рассуждения героя – медитации «не образует никакого сюжетного события» [Тюпа, 2009: 50]. Поэтому все размышления и комментарии Лёвина по поводу смерти и счастья выводят его за пределы событийного ряда. Он ввергает себя в безвременье, потому что стремится к статичной жизни, исключаяющей любые изменения *«рассуждения приводили его в сомнения и мешали ему видеть, что должно и что не должно. Когда же он не думал, а жил, он не переставая чувствовал в душе своей присутствие непогрешимого судьи, решавшего, который из двух возможных поступков лучше и который хуже; и как только он поступал не так, как надо, он тотчас же чувствовал это»* (Толстой, 1981: 756).

Но при этом Лёвина не покидает тот факт, что жизнь продолжается *«так он жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства, и вместе с тем твердо прокладывая свою особенную, определенную дорогу в жизни», «когда Левин думал о том, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в отчаянье; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал и что он такое и для чего он живет, потому что твердо и определенно действовал и жил»* (Толстой, 1981: 754).

События, перевернувшие внутренний мир Лёвина, развертываются в финале романа: в сценах родов Кити и грозы.

Именно в сцене родов Лёвин, переживая за жизнь жены, сам того не понимая, обращается к Богу *«он, неверующий, стал молиться и в ту минуту, как молился, верил»* (Толстой, 1981: 752) – в этом реализуется акт «неадекватной деятельности» по А. Жокловскому и Ю. Щеглову.

Таким бессознательным поступком является и обращение к Богу Лёвина, когда он узнал, что во время ливня и грозы Кити и Митя находились в лесу, в небезопасности *«Боже мой! Боже мой, чтоб не на них! – проговорил он. И хотя он тотчас же подумал о том, как бессмысленна его просьба о том, чтоб они не были убиты дубом, который уже упал теперь, он повторил ее, зная, что лучше этой бессмысленной молитвы он ничего не может сделать»* (Толстой, 1981: 773).

Всё это приводит к главной финальной сцене романа, где Лёвин *«чувствовал в своей душе что-то новое и с наслаждением ощущивал это новое, не зная еще, что это такое», «Я ничего не открыл. Я только узнал то, что я знаю. Я понял ту силу, которая не в одном прошедшем дала мне жизнь, но теперь дает мне жизнь. Я освободился от обмана, я узнал хозяина», «Да, то, что я знаю, я знаю не разумом, а это дано мне, открыто мне, и я знаю это сердцем, верю в то главное, что исповедует церковь»* (Толстой, 1981: 778).

Финалом романа «Анна Каренина» не случайно стала история Лёвина. В заключительных сценах со своим вторым главным героем Толстой словно указывает на возможное начало некоего нового романа, как у Достоевского в «Преступление и наказании». Так, своеобразным продолжением исканий Лёвина истинного счастья и цели жизни становится череда философско-моралистических трактатов: «Исповедь», «В чём моя вера?» и др. В этих и последующих работах Толстой конкретизирует смысл, которым наполняется жизнь Константина Лёвина и его самого: *«жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее – не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!»*, *«это новое чувство не изменило меня, не осчастливило, не просветило вдруг, как я мечтал, – также как и чувство к сыну. Никакого сюрприза тоже не было. А вера – не вера – я не знаю, что это такое, – но чувство это так же незаметно вошло страданиями и твердо засело в душе»* (Толстой, 1981: 778).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С.Н. Историческая поэтика: учеб. пособие. М: 2001. С. 144–170.
2. Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тamarченко М., 2004. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 368 с.
3. Жолковский А., Щеглов Ю. «Ex Ungue Leonem». Детские рассказы Л.Толстого и поэтика выразительности. М: НЛЮ, 2016. 280 с.
4. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. статьи в трех томах. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 224-242.
5. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–430.
6. Мечников И.И. Этюды оптимизма. М.: Книжный Клуб Книговед, 2012. 352 с.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина М: Художественная литература, 1981. 800 с.
8. Толстой Л.Н. Семейное счастье. 1859 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0039.shtml (дата обращения: 12.03.2019).
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/NRLrno> (дата обращения: 27.02.2018).
10. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. Пособие. М: Академия, 2009. 330 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ДРАМЕ ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ «ПРОТЕЙ»

Аннотация: В статье рассматривается роль культурно-исторических аллюзий в драме французского писателя и дипломата Поля Клоделя «Протей». Клодель возвращается к истории Эсхила, восстанавливая не дошедшее до наших дней произведение античного трагика. Он обращается к рецепции античного мифа о Троянской войне, рассматривая нетрадиционную версию о призраке Елены Прекрасной. Известная история обогащается современной проблематикой и аллюзиями к библейскому и историческому материалу. Поль Клодель создает текст, который становится притчей для последующих поколений.

Ключевые слова: Клодель, художественная рецепция, миф о Троянской войне.

Abstract: The article considers the role of cultural and historical allusions in the drama of the French writer and diplomat Paul Claudel "Protee". Claudel returns to the history of Aeschylus the work of the ancient tragedian, which has not come down to our days. He turns to the reception of the ancient myth of the Trojan war, considering the unconventional version of the Beautiful Helena's Ghost. The known story is enriched by modern problems and allusions to biblical and historical material. Paul Claudel creates the text that becomes the parable for future generations.

Keywords: Claudel, art reception, the myth of the Trojan war.

В конце XIX – начале XX веков Франция переживает серьезные экономические и социальные потрясения. Это время называют периодом глубокого мировоззренческого кризиса, спровоцированного «общим чувством утраты целостного мироощущения, разрушения нравственных основ личности и общества» [Гришин, 2007: 6]. Вследствие этого ведущие теоретики, мыслители и интеллектуалы обращаются к религиозной проблематике [Дубнякова, Коршунова, 2016: 87]. Наступает эпоха Католического возрождения, наряду с Христианским возрождением в Европе [Гришин, 2007: 6]. Религия рассматривается как источник «поддержки, духовного наставления в кризисные времена» [Там же: 7].

* Научный руководитель – канд. филол. наук Т.С. Нипа.

Рубеж веков ознаменовался также новым этапом модернизации античного наследия. Писатели существенно переосмысливают древнее предание, определяя тем самым новые пути осовременивания мифологических сюжетов: на основе мифа художники создают оригинальные литературные произведения, классический сюжет обретает новый идеологический стержень, конструируется собственная авторская мифологическая реальность. Античный источник рассматривается как «эзопов язык иносказаний», с помощью которого писатели могли говорить о текущих событиях, о жизни современников в кризисные для эпохи времена [Гогоберидзе, 1983: 69]. Среди творцов особой популярностью пользовалась история о Троянской войне, которая для европейского сознания всегда была «великой метафорой войны как таковой, ее сущности, природы, итогового смысла, и, самое главное, порождающих ее поводов» [Чумаков, 1998: 151]. Размышляет об этом и французский писатель Поль Клодель в своей драме «Протей», написанной в 1913 году, накануне Первой мировой войны. Одноименное произведение было создано еще античным трагиком Эсхилом, но текст не сохранился до наших дней. Клодель завершает эсхиловскую историю: «Вслед за Орестейей у Эсхила следовала сатирическая драма, от которой до нас дошло одно лишь заглавие: Протей. Мечтая над этими двумя слогами, я и создал нижеследующую пьесу» [Клодель, 1923: 10]. Исследователи по-разному определяют жанровую специфику клоделевского текста. И.А. Некрасова называет произведение лирическим фарсом на тему разлуки влюбленных, автопародией, «драмой страсти» навыворот [Некрасова, 2009: 125]. По мнению В.П. Кузьминой, «Протей» – это «картина мирной жизни, это призыв к миру в годы, когда политический климат Европы становился все тревожнее, когда миру начал угрожать набиравший силу фашизм» [Кузьмина, 1981: 301]. Для творчества Клоделя в целом была характерна антивоенная направленность. Драматург с особым вниманием обращался к исторической проблематике, к вопросам войны, разоблачая ареол «благородной» битвы, и не позволял обмануть себя «проповедью защиты отечества» [Кузьмина, 1981: 290].

В основе сюжета клоделевской пьесы лежит миф о возвращении Менелая и Елены с Троянской войны. Претекстами послужили поэма Гомера «Одиссея», трагедии Стесихора («Палинодия») и Еврипида («Елена»). Французский драматург комедийно обыгрывает стесихоровскую версию сюжета, согласно которой в осажденной Трое был призрак спартанской царицы, а настоящая Елена на протяжении всей войны находилась в Египте, сохраняя верность своему супругу. Писатель демифологизирует древнее предание, разоблачая механизм создания и распространения идеологических мифов: вся история оказывается выдумкой Протея:

Лоза Ивы: «Я намекнула Менелая на ту дурацкую басню <...> Что есть две Елены, и что Троянская Елена подложная».

Протей: «Это вовсе не дурацкая басня! Это я выдумал ее – никогда еще мне не удавалось пустить лучшую утку!» (Клодель, 1923: 31).

Топосом в драме Клоделя остается Античная эпоха, хотя герои мало похожи на гомеровских персонажей. Писатель не переносит действие в современность, но насыщает произведение аллюзиями и анахронизмами. Будучи дипломатом, Клодель осознавал неизбежность надвигающейся катастрофы и предвидел ее последствия. Обращаясь к событиям далекой архаической эпохи, он рассуждает о войне вообще, что позволяет ему в историю Елены и Менелая включить аллюзии к Гражданской войне в Америке (1861–1865 гг.). Во второй редакции «Протея», написанной уже после Первой мировой, Клодель изображает морского бога как участника Американской кампании. У него красивая белокурая борода *«вроде тех, что отрицивали моряки в 1860-х годах»* («*Il a une de ces belles barbes blondes comme il en poussait vers 1860 au menton des hommes de mer*») (Claudel, 1927: 39). Именно такие моряки в 1862 году вели бой на броненосных кораблях [Маль, 2002; Энциклопедический словарь, 2009]. Писатель использует анахронизмы: неоднократно звучат строки из популярной американской песни, которую исполняли во время Гражданской войны: *«Дом! милый дом! Дом! милый дом! здесь нет места как дом»* («Home! sweet home! / Home! sweet home! there is no

place like home!») (Claudel, 1927: 110). Таким образом, Клодель не делает различий между кровавыми баталиями. Его идея заключается в недопустимости любых войн, которые разрушают человеческую личность, общество и государство.

Состояние и положение воюющего государства Клодель показывает с помощью аллегорического образа корабля. Драматург рисует судно великого воина Менелая «без руля, без ветрил и бдящего ока»: *«Утром сегодня корабль без ветрил вдруг пошел против ветра, и понесся, как будто бы знал, куда он идет»* (Клодель, 1923: 16). Корабль мчится, выбирает свой путь, но цель не известна даже самому царю. В подобном движении, по мнению Клоделя, находится Германия: «Истина в том, что уже долгие годы Германия идёт по неверному пути: она стала поборницей прусского порядка, деспотизма внутреннего и внешнего» [Клодель, 2006]. Обычный человек оказывается вовлеченным в круговорот важных исторических событий: *«За какую же нить удержаться бедному сатиру, когда и корабль и море пляшут напропалую, / Вверх, вниз, и кажется, будто сами мы пьяны»* (Клодель, 1923: 13). Окружающая действительность напоминает вакханалию, а образ правителя, капитана показан в саркастических тонах: он нетверд на ногах и лишен рассудка: «Можно ли говорить о безопасности на корабле, где штурман лишился рассудка?» [Клодель, 2006]. Клодель сравнивает вождя с Вакхом, который пришел *«Чтоб залить поля и пустыни и огромные складки земли ... / Победным шествием своим, бегом, которому сил нет противиться, среди иступленных криков отчаянья, внушая страх и любовь <...> И вот уже нет больше бога, он уже впереди, а есть, только пьяный брюхан на своем осле! Никто, услышав этот призыв, не останется до конца человеком»* (Клодель, 1923: 36). Обнаружив неисправность корабля, герои пытаются починить его. Но и новое судно описывается с иронией: *«15 весел для правого ряда и 28 для второго... И руль, сделанный на заказ для Египетского Бюро Похоронных Процессий»* (Клодель, 1923: 40). По мысли автора, спасение корабля-государства заключается не в техническом его совершенствовании, необхо-

димо выбрать иной, идеологически верный курс. Клодель писал: «Мы должны найти верный путь, по которому нас, как героев Гомера, будут вести к цели или уводить в сторону невидимые друзья или враги среди прельстительных и невообразимых препятствий, к вершинам света или в бездны отчаяния» [Клодель, 2003: 34]. Подспорьем на этом пути, по мнению писателя, является религия: «христианская, католическая ... для меня это едино, – принесла в мир не только радость, но и смысл. Зная, что мир не есть порождение случая или слепых, хаотических сил Природы, мы понимаем, что в нем присутствует смысл» [Клодель, 2003: 34].

Клодель видит в христианстве спасительную силу и вводит в драму библейские аллюзии. Так, в тексте можно увидеть отсылки к образу Клотильды Бургундской – первой христианской королевы франков, которая смогла предотвратить войну: «Когда ... два ее сына стали воевать между собой, она поспешила ко гробнице святого, чтобы молить его о заступничестве. Тогда чудесным образом поднялась буря и разделила две враждующие армии, что побудило братьев к примирению» [Синаксарь, 2012]. В драме имя Клотильды появляется якобы по ошибке. Менелай неоднократно называет Клитемнестру другим именем: *«Первое, что я вижу, это моя невестка Клотильда <...> Тотчас же показался человек с черепом, разрубленным надвое, и Клотильда – Клитемнестра, хочу я сказать»* (Клодель, 1923: 39). Топографические детали, которые использует драматург, также напоминают о Клотильде: путь сатиров направлен в Бордо, в Бургундию:

Сатир: «Во Францию!»

Другой: «В Бордо!»

Старший Сатир: «В Бургундию!» (Клодель, 1923: 57).

Итак, Клодель создает художественное произведение, в котором мифологический сюжет о Троянской войне служит «скелетом», облакаемым «плотью современности». Он соединяет несколько временных пластов, модернизируя древнее предание на уровне не только формы, но и содержания. Как замечает Дариус Мийо, миф у Клоделя «дан в гротескном преломлении с

бурлескным смешением плана античного и современного» [Кокорева, 1986: 27]. Писатель создает драму-притчу, которая должна предостеречь людей от развязывания войны. Клодель заставляет задуматься о духовном стержне каждого человека: «Величие страны измеряется не количеством автоматов... Страну делают великой её духовные запасы, освоенные в полной мере, уважение к личности, а не использование человека в качестве орудия» [Клодель, 2006]. Драма «Протей» является призывом к миру в годы надвигающейся катастрофы, пути спасения из которой можно найти в религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гогоберидзе И.К. Традиция и новаторство в драматургии Жана Жироду: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.01. Тбилиси, 1983. 196 с.
2. Гришин Е.В. Поэтика религиозной драмы Поля Клоделя («Полуденный раздел», «Извещение Марии», «Атласный башмачок»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Самара, 2007. 20 с.
3. Дубнякова О.А., Коршунова А.А. Контекст создания «дневника» и особенности дневниковой прозы П. Клоделя // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Нижний Новгород, 2016. С. 85–89.
4. Клодель П. Протей / пер. А.Г. Мовшенсона. М., 1923. 64 с.
5. Клодель П. Обращение к немецкому народу // Истина и жизнь. 2006. № 5. URL.: <https://a-lex-7.livejournal.com/62996.html> (дата обращения: 24.02.2019).
6. Кокорева Л. Дариус Мийо. Жизнь и новаторство. М., 1986. 334 с.
7. Кузьмина В.П. Французская комедия 20–30-х годов XX века (П. Клодель, Ж. Кокто, Ж. Ануй) // Писатели и жизнь: сб. ист.-лит., теор. и крит. ст. / под ред. С.Д. Артаманова. М., 1981. С. 284–302.
8. Маль К.М. Гражданская война в США 1861–1865. М., 2002. URL.: http://militera.lib.ru/h/mal_km/02.html (дата обращения: 04.11.2018).

9. Некрасова И.А. Поль Клодель и европейская сцена XX века. СПб., 2009. 460 с.

10. Синаксарь: Жития святых православной церкви, <http://www.pravoslavie.ru/54284.html> (дата обращения: 04.11.2018).

11. Чумаков С.Н. Античный миф в сюжетике зарубежных литератур XX века: к системе влияний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 1998. 229 с.

12. Энциклопедический словарь. 2009. URL.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/74197> (дата обращения: 04.11.2018).

13. Claudel P. Deux farces lyriques. Paris: Gallimard, 1927. 131 p.

**ЯВЛЕНИЕ ПОЭТА «ИЗ НАРОДА» ЭЛИТАРНОЙ ПУБЛИКЕ КАК
ЖИЗНЕТВОРЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ**

Аннотация: На материале биографии поэта Александра Добролюбова и свидетельств современников реконструируется жизнетворческая стратегия художника и ее ключевые элементы: уход из столиц, обращение к «народной» вере, регулярные возвращения, провоцирующие скандалы. Рассмотрено, как в жизнетворческих исканиях Добролюбова преломлялись тенденции современной поэту литературной среды.

Ключевые слова: Александр Добролюбов, жизнетворчество, серебряный век, «народный поэт», символический капитал, уход в народ, обращение.

Abstract: This article attempts to reconstruct on the material of the biography of Alexander Dobroljubov and notes of his contemporaries poet's life-creation strategy and its key elements: escape from cities, conversion/appealing to beliefs of the common people, regular scandal provoking returns. The article also pays attention to main tendencies of Russian literary field reflected in poet's life-creating scenarios.

Keywords: life-creating strategies, silver age, symbolic capital, "people's poet", escape to common people, conversion.

Феномен жизнетворчества как практики проблематического соединения планов текста и реальности, в ходе которого виртуальная знаковая система уничтожается, а семиозис переносится в план быта и повседневного поведения, интенсивно изучается в науке с 1970-х гг., а литературной критикой модернизма (Брюсовым, Ходасевичем и др.) она была открыта и осмыслена еще в начале XX в.

Тем не менее, несмотря на широкую известность работ Ю.М. Лотмана и продолживших его теоретическую линию И. Паперно, Шаммы Шахадат и др., существует ряд важных вопросов, до сих пор полностью не разрешенных в литературоведческих работах. К числу таковых необходимо отнести национальные разновидности жизнетворческих проектов, связь практик жизнетворчества с формированием профессиональной репутации и др.

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук К.В. Анисимов.

В отдельные эпохи, жизнетворческий потенциал становится критически важным, при оценке фигуры творца в литературном поле вообще. Поэтому закономерный интерес представляет рассмотрение жизнетворческих стратегий через призму идей Пьера Бурдьё о литературном поле.

Согласно Бурдьё, литературное поле представляет собой поле сил, воздействующих на всех вступающих в него по-разному, в зависимости от занимаемой позиции (автор бестселлера – поэт-авангардист). В тоже время литературное поле является еще и полем конкурентной борьбы, направленной на консервацию или трансформацию этого поля сил [Бурдьё, 2005: 368].

Цель статьи – путем сопоставления моментов биографии, взглядов и творчества поэта Александра Добролюбова, оценок Добролюбова современниками, и культурных веяний эпохи, объяснить успешность (в бурдьерианском смысле) его жизнетворческой стратегии.

Тезис работы заключается в следующем: успех жизнетворческой стратегии Александра Добролюбова объясняется соответствием ее, кроме веяний эпохи, широкому ряду культурных традиций.

Важным представляется увидеть серебряный век, как кризисный этап, этап переориентации культурного поля, перехода от примата личности, к приоритету массы. И творческая биография Александра Добролюбова является в высшей степени симптоматической фигурой для русского поля литературы конца XIX – начала XX вв.

Фигура Александра Добролюбова неоднократно привлекала внимание исследователей, можно вспомнить как работы, полностью ей посвященные (напр. «Путь А. Добролюбова» К.М. Азадовского, «Александр Добролюбов – загадка своего времени» Е.В. Ивановой), так и работы, обращающиеся к творческой судьбе поэта среди других примеров и имеющие целью описать какое-то более масштабное отвлеченное явление (напр. «Творческое самосознание в реальном бытии» Н.А. Богомолова, «Хлыст. Секты, литература и революция» А.М. Эткинда).

Прежде всего подтвердим сам факт успеха в бурдьеринском смысле жизнетворческой стратегии Добролюбова. До знаменитого ухода Добролюбова «в народ», Мережковский отказывается печататься с ним в одном сборнике: «...не знаю, могу ли участвовать в сборнике, где Добролюбов. Лучше подальше» [Гиппиус; цит. по: Иванова, 1997: 218]. Однако после «ухода» Мережковский сравнивает Добролюбова с Франциском Ассизским, говорит о превосходстве Добролюбова над «титанами» Достоевским и Толстым [Мережковский, 2000: 19].

В воспоминаниях Н.А. Бердяева и А. Белого встречаются любопытные замечания о том, что «жизнь Добролюбова (очевидно, после ухода) была укором для Толстого» [Белый, 1990: 280; Бердяев, 1989: 536].

В воспоминаниях Карпа Лабутина можно найти другую показательную сцену: услышав сомнения в ценности творчества Добролюбова, А. Блок прекращает разговор, замолкает, уходит в себя [Лабутин; цит. по: Иванова, 1997: 192].

Первый сборник символистских стихов Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata», изданный в 1895 году, не был принят читателями. По воспоминаниям Владимира Гиппиуса: «обратили внимание на позы – и засмеяли» [Гиппиус, 2004: 168]. Второй сборник появляется в 1900 году. И даже сам факт его выхода (стихотворения были отобраны и выпущены без непосредственного участия Добролюбова, оформление напоминает академическое издание: две вступительных статьи И. Коневского и В. Брюсова, раздел с примечаниями), как кажется, говорит об изменении репутации писателя. Дело в том, что за два года до выхода сборника Добролюбов уходит из университета, покидает город и отправляется в Олонецкую губернию. Начинается период метаморфоз, духовных переворотов, который завершится окончательным уходом. Позже, в 1905 году третий сборник Добролюбова «Из Книги Невидимой» по рекомендации Брюсова печатается в журнале «Скорпион».

Заметные изменения литературной репутации поэта можно объяснить соответствием его жизнетворческой стратегии (кроме веяний эпохи, таким как, например, увлечение жизнетворческими проектами, общая склонность к радикальности, увлечение эсхатологическими идеями и идеями перерождения, стремление к сближению с народом и др.) широкому кругу культурных традиций.

Сам «уход» Добролюбова может быть понят, как обращение. Йенс Херльт и Кристиан Зендер в статье «О русских обращениях. Введение» выделяют следующие признаки обращения (conversion): «Обращения объявляются словами и чаще всего имеют отношение к слову – в широком смысле, как к пониманию знаковых систем, риторических или нарративных конструкций – и его изменениям, связанным с переходом к новой системе моральных или эстетических ценностей, верований или действий» [Herlth, Zehnder, 2015: 13].

Томаш Гланц в статье «Обращения славян» высказывает мысль о том, что проблема обращений – в связи с конфессиональной и культурной раздробленностью – была всегда важна и характерна для славянских народов [Glanc, 2015: 26].

Кроме того, Херльт и Зендер, опираясь на Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, говорят, что для русской истории вообще характерны разрывы и внезапные перевороты. Исследователи предполагают, что феномен обращения может быть осмыслен, как нечто специфически русское [Herlth, Zehnder, 2015: 8]. И хотя этот тезис может быть поставлен под сомнение, отрицать то, что русская культура и история богаты случаями обращений, нельзя. Увиденные с такой точки зрения, жизнетворческие практики Добролюбова представляются вписанными в одну из специфических русских традиций.

Жизнетворческая стратегия поэта попадает и в житийную традицию, стратегия эта, по крайней мере частично, могла бы сойти за житие «грешного святого» – житийный жанр, обстоятельному рассмотрению которого посвя-

щена работа М.Н. Климовой «От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе».

Приведем самые важные для нас замечания. Во-первых, в основе таких житий лежит трехчастный сюжет, особенно ярко проявившийся в Новом Завете: «грех-покаяние-спасение» [Климова, 2010: 12]. Во-вторых, возникновение таких житий связано прежде всего с ощущением «угасания русской святости», в следствие чего русское самосознание и начинает искать светские фигуры, достойные звания святых. Климова, главным образом, упоминает о двух категориях людей, достойных такой святости – поэты и революционеры [Там же: 28]. В-третьих, литературно обработанные жития «грешных святых», в XX веке направлены, как правило «вовне», т.е. герои стремятся к деятельной и самоотверженной помощи окружающим [Там же: 35]. Все приведенные особенности подходят и к житнетворческому пути Добролюбова.

«Грех-покаяние-спасение»: свое декадентское прошлое Добролюбов, рассматривал, в основном, как пору служения демонам, пору заблуждений, в которых следует покаяться. В одном из первых разделов «Из книги невидимой» находим: «Как исповедь примите, братья, это слово. Простите меня злые и добрые, высокие, низкие, знакомые и незнаемые, мужчины и женщины, дети и старцы, до кого достигала зараза моя, и кого не достигла...» [Добролюбов, 1983: 6].

Далее, поэта и революционера – в широком смысле, Добролюбова можно отнести к обеим категориям, если вспомнить об увлечении культурных деятелей серебряного века идеями о конце света и перерождении (в том числе революционном).

Находим и направленность «вовне». При этом направленность может быть понята двояко: как направленность в народ, и создание секты, нацеленной на разрастание, так и направленность ушедшего Добролюбова обратно, на элитарную публику, ведь диалог с прошлыми товарищами прекратился не сразу.

В том числе, эта направленность заставляет трактовать добролюбовский «уход» именно как жизнетворческую стратегию, позволяющую поэту обрести символический капитал. Что гарантировалось не только очевидным соответствием стратегии веяниям эпохи, но и попаданием ее в ряд более древних культурных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. 707 с.
2. Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России // Типы религиозной мысли в России / Собрание сочинений в 3 т. Париж: YMCA-press, 1989. Т. 3. С. 534–553.
3. Богомолов Н.А. Творческое самосознание в реальном бытии (интеллигентское и антиинтеллигентское начало в русском сознании конца XIX – начала XX вв.) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О.Г.И., 1999. С. 67–86.
4. Бурдые П. Поле литературы // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2005. С. 362–470.
5. Гиппиус В.В. Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890-1910 / под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 163–172.
6. Добролюбов А.М. Сочинения: *Natura naturans. Natura naturata*. Собрание стихов. Из альманаха «Северные цветы» на 1901, 1902 и 1903 г. // *Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 10* / ed. by L. Fleishman. Berkley: Berkley Slavic Specialties, 1981. 213 p.
7. Добролюбов А.М. Сочинения: Из книги Невидимой // *Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 11* / ed. by L. Fleishman. Berkley: Berkley Slavic Specialties, 1983. 239 p.
8. Иванова Е.В. Александр Добролюбов – загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. Вып. 27. С. 191–229.
9. Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 190 с.

10. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. М.: АСТ, 2000. 168 с.
11. Эткинд А.М. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 689 с.
12. Glanc T. Slavic Conversions // Models of Personal Conversion in Russian cultural history of the 19th and 20th centuries / ed. by J. Herlth, C. Zehnder. Pieterlen: Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. P. 21-50.
13. Herlth J. Zehnder C. On Russian Conversions // Models of Personal Conversion in Russian cultural history of the 19th and 20th centuries / ed. by J. Herlth, C. Zehnder. Pieterlen: Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. P. 7–20.

**ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ЕФРЕМОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»
И «ЧАС БЫКА»)**

Аннотация: В статье рассматривается влияние советской идеологии на развитие социального прогнозирования в научной фантастике, анализируется образ будущего двух типов общества в романах И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка».

Ключевые слова: Ефремов, научная фантастика, образ будущего.

Abstract: The article examines the influence of Soviet ideology on the development of social forecasting in science fiction, analyzes the image of the future of two types of society in Efremov's novels «Andromedy Nebula» and «Hour of the Bull».

Keywords: Efremov, science fiction, image of future.

Образ будущего занимал важное место в картине мира советского человека. Это связано с тем, что советский проект установил особую форму культурного времени. Выделяя критерии для дифференциации разных временных типов, социолог Л. Гудков говорил о важности определения того, кем задается порядок времени [Гудков, 2011: 34]. В советскую эпоху – это институты власти, которые предложили идеологию, сосредоточенную на образе будущего. На данный аспект общественного сознания советской эпохи указал К.А. Богданов, отметив, что картина мира советского человека по ряду своих базовых черт соответствовала религиозной. Так, ценность приобретало не настоящее, в котором человек подобно монаху должен был терпеть разнообразные лишения, а будущее, к которому и было отнесено ожидаемое осуществление коммунистического идеала [Богданов, 2009: 7]. Средством распространения идеологических идей была пропаганда, которая, как отмечает исследователь, сочеталась «с патетикой искренности, интимности и этической самоотверженности» [Там же: 14]. В связи с этим в советской литературе основными темами были: «с одной стороны – “партийность”, “идей-

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук Е.Е. Анисимова.

ность”, “народность”, а с другой – любовь и совесть, сердечность и порядочность» [Там же: 15]. В перечисляемых человеческих качествах узнаются базовые христианские ценности: простота и терпение.

Стремление спрогнозировать будущее и, как следствие, ускорить его достижение особенно возросло в период «оттепели». Если в сталинское время, по наблюдениям А.А. Фокина, настоящее и будущее находились в едином символическом поле (что было связано с утверждением принципа «ближнего прицела»), то в период «оттепели» появился значительный разрыв между настоящим и будущим [Фокин, 2015: 326]. Будущее перенеслось в неопределенную перспективу и стало в некотором роде «антагонистом» настоящего [Там же: 326]. Желание преодолеть социальную действительность и приблизить момент наступления лучшего будущего отразилось в активно развивающейся в это время научной фантастике.

Становление научной фантастики как самостоятельного литературного направления, по мнению А.Ф. Бритикова, было связано с научно-техническим прогрессом, в соответствии с которым основной темой первых научно-фантастических произведений было будущее науки и техники [Бритиков, 2009]. Именно в послереволюционное время в России возрос интерес к изображению будущего, что нельзя не связывать с началом внедрения идеологии футурологического характера [Там же: 44]. Тем самым, в советской литературе развилось научное прогнозирование.

В то же время, по наблюдению В.В. Комиссарова, уже в конце 50-х гг. научная фантастика становится средством отражения общественных проблем и переосмысления «трагических и спорных моментов истории»: Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, репрессий 1930-х гг. [Комиссаров, 2014: 78]. При этом исследователь указывает на то, что советская фантастика не могла не обратить внимания на «программу ускоренного построения коммунизма» [Там же: 78]. Представляется важным проследить данный аспект социального прогнозирования в советской «оттепельной» научной фантастике, значимой фигурой которой стал ученый и писатель И.А. Ефремов.

Цель данной статьи – исследовать социальные прогнозы Ефремова с точки зрения их взаимосвязи с картиной мира советского человека.

В данной перспективе наиболее репрезентативной представляется диалогия писателя «Туманность Андромеды» (1956/1957) и «Час Быка» (1968/1970), в которой он вывел литературу научной фантастики из области «ближнего прицела». И. Каспэ отмечала, что роман «Туманность Андромеды» был воспринят в контексте того времени как «подтверждение открывающихся возможностей, новых (как казалось, безбрежных) горизонтов» [Каспэ, 2012]. Будущее, изображаемое как Ефремовым, так и позднее братьями Стругацкими, хоть и казалось отдаленным, но при этом оно было возможным: социальные проекты писателей-фантастов рассматривались как «готовый проект», «программа действий» [Там же].

В романе «Туманность Андромеды» Ефремов предложил свое видение коммунистического общества и перспективы его достижения. Писатель изобразил мир далекого будущего нашей планеты: человечество объединилось без разделения на государства, добилось успехов в решении социальных и технических проблем, вышло в космос и установило контакт с инопланетными цивилизациями, а главное – достигло коммунистического устройства общества. Становление такого общества связано с духовным и физическим совершенствованием самого человека: *«Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание»* (Ефремов, 2018: 288). Формирование человека, у которого личные желания находятся не на первом месте, является условием комфортной совместной жизни людей, что отмечается уже во втором романе: *«Прежде всего умение сдерживать себя, не мешать другим людям. В этом единственная возможность сделать совместную жизнь хорошей для всех без исключения»* (Ефремов, 2017: 157).

Такие взаимоотношения людей являются результатом коллективного воспитания, вследствие чего отсутствует институт семьи: *«Одна из величайших задач человечества – это победа над слепым материнским инстинктом. Только коллективное воспитание детей специально обученными и отобранными людьми может создать человека нашего общества»* (Ефремов, 2018: 390). Уделяя внимание описанию нравственных и психологических качеств человека коммунистического общества, Ефремов создает принципиально новый образ человека будущего, вытекающий из учета особенностей общества, в котором он воспитывается и живет.

Видение будущего Земли как мира науки, которая *«охватила всю человеческую жизнь»* (Там же: 62), соотносится с научной составляющей сознания Ефремова как ученого-палеонтолога, что проявляется также в научных объяснениях писателя явлений будущего, терминологии и лекционных вставках, в выборе героев-ученых и в особенной ценности прошлого для людей будущего. Так, одна из главных героинь «Туманности Андромеды» Веда Конг – историк, занимающийся археологическими раскопками и изучением древнего мира, поскольку без знания прошлого *«нельзя ни понять настоящего, ни предвидеть будущего»* (Там же: 398). В этом видится объяснение работы самого писателя над созданием образа будущего – занимаясь реконструкцией картины прошлого, он на основе научных знаний прогнозировал возможное будущее.

Однако если в «Туманности Андромеды» Ефремов следует жюльверновской традиции в изображении совершенного общества в условиях научно-технического прогресса, то в «Часе Быка» Ефремов опирается на Г. Уэллса, отражая одновременно желательные и нежелательные тенденции современности. Цель Ефремова – изобразить «будущее коммунистического общества в контрасте с обществом, порожденным капитализмом» [Савченко, 1969: 310]. Модель капиталистического общества писатель конструирует на примере планеты Ян-Ях, или Торманс, что означает «мучение» (так в романе ее называют земляне). Подобно Дж. Свифту, изобразившему в «Путешествии

Гулливера» фантастические страны как аллегорию Англии и Европы в целом, Ефремов отражает в образе планеты Торманс черты современных ему стран – США и Китая.

В развитии этих стран Ефремов видит тенденции, ведущие к установлению олигархического строя, что отмечается в романе: *«В том и другом случае конечным результатом была бесчеловечная олигархия с многоступенчатой иерархической лестницей»* (Ефремов, 2017: 137). Именно олигархия царствует на планете Торманс, где классовое устройство общества, власть над которым принадлежит Совету Четырех – правящей элите: *«На Тормансе классовое олигархическое общество, олигархия, властвующая над двумя основными классами, одинаково угнетенными: классом образованных, которые по необходимости живут дольше, иначе невыгодно их учить, и классом необразованных, которые умирают в двадцать пять лет»* (Там же: 139).

Такое общество соотносится с прошлым Земли – начальница экспедиции землян на Торманс, Фай Родис, понимает, что увидит там далекое прошлое собственной планеты: *«И теперь, через пятнадцать лет, по достижении ею сорокалетней зрелости, оно привело ее к руководству небывалой экспедицией в чудовищно отдаленный мир, похожий на земной период конца ЭРМ»* (Там же: 35) (период ЭРМ – это 20–21 века, тогда как повествование разворачивается на тысячелетия позже). Тем самым в путешествии землян на планету Торманс можно увидеть модель палеонтологических экспедиций самого Ефремова, целью которых было изучить прошлое.

При этом намерением землян является не только исследование планеты, но и ее «исцеление», что заканчивается для некоторых членов экспедиции трагически. Спустя сто тридцать лет после прилета землян, Торманс оказывается на пути достижения коммунистического общества. Здесь важно отметить, что переход к высшей форме развития общества, по мнению Ефремова, является следствием осознания необходимости нравственного воспитания и переустройства жизни самими людьми. Так произошло на Земле в прошлом: *«В последний век ЭРМ, так называемый век Расщепления, люди*

наконец поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося еще с диких времен устройства общества, поняли, что вся сила, все будущее человечества – в труде, в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основаниях» (Ефремов, 2018: 60). Так случается и на Тормансе после вмешательства землян: *«Тормансиане поняли, что нельзя быть свободными и невежественными, что необходимо серьезное психологическое воспитание, что надо уметь различать людей по их душевным качествам и пересекать в корне все причиняющие зло действия»* (Ефремов, 2017: 509). *«Тогда, и не раньше сошелся поворот в судьбе планеты, – отмечается в романе (Там же: 509).*

В произведениях Ефремова присутствуют неотъемлемые элементы отечественной и зарубежной научной фантастики: прогноз будущего, приключенческий сюжет, тема космоса и технических достижений, социально-утопические мотивы. Но принципиально новым, что внес Ефремов в научную фантастику как носитель мировоззрения советского человека, как талантливый ученый и писатель, которого интересовало будущее, стала философская и социально-психологическая проблематика, приближающая его романы, а в особенности «Час Быка», к трактату. Недаром роман «Час Быка» был запрещен долгие годы: в изображении планеты Торманс власти усмотрели критику советской действительности. Однако Ефремов писал свой роман, опираясь лишь на состояние современных ему Китая и США, не упоминая Советского Союза и его общественного устройства. Это говорит о том, что Ефремов, как бы он ни отрицал антисоветские идеи в своем произведении, все же неосознанно отразил некоторые черты современного ему СССР и затронул неудобные для власти вопросы.

Таким образом, в романах Ефремов попытался проследить ключевые общественные тенденции своего времени и обозначить перспективы достижения коммунистической формы общественного устройства, которая в контексте его эпохи мыслилась ему идеалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К. Предисловие, или Что фольклорного в советской культуре // Богданов К. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение. 2009. С. 5–20.
2. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 448 с.
3. Гудков Л. Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 31–69.
4. Ефремов И.А. Час Быка. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 512 с.
5. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
6. Каспэ И. Тайна Темной планеты, или Как уверовать в будущее: о «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 1 (99). URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2015/99/14k.html> (дата обращения: 22.02.2019).
7. Комиссаров В.В. Советская интеллигенция 1960–1970-х гг. и переосмысление общественных проблем в рамках научной фантастики // КЛИО. СПб., 2014. № 6 (90). С. 77–81.
8. Савченко Г. Как создавался «Час Быка» (Беседа с Иваном Ефремовым) // Молодая гвардия. 1969. № 5. С. 307–320.
9. Фокин А.А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 323–334.

НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»

Аннотация: В статье рассматриваются мотивы, нарушающие установки сентиментально-идиллической традиции при описании старосветского уклада в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (цикл «Миргород»). Отступления от жанрового канона позволили автору показать искаженность нравственно-религиозного начала в патриархальном мире.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Миргород, «Старосветские помещики», идиллия.

Abstract: The article considers breaking sentimental and idyllic tradition motives in starosvetkiy/old-world way of life description in the Gogol's novel "Starosvetskie Pomeschiki", "Mirgorod" cycle. Modifications and deviations from the genre canon make it possible to emphasize perversion of spiritual and moral principles in patriarchal world.

Keywords: N.V. Gogol, Mirgorod, Starosvetskie Pomeschiki, idyll.

Полтора века с подачи В.Г. Белинского творчество Н.В. Гоголя разделялось на два периода: период, когда писатель, реалист и сатирик, метко обличал пороки жизни России, и период измены своему таланту – с момента создания «Выбранных мест из переписки с друзьями». После столь длительного господства теории «двух Гоголей» лишь в конце XX – начале XXI веков началось полноценное открытие Гоголя как христианского писателя. Рассмотрение его творчества «сквозь призму религиозного мирозерцания» [Воропаев, 2009, Т. 1: 14] позволило исследователям встать на путь адекватного понимания идей, выраженных в его произведениях.

Проповедническое слово, которое обыкновенно видели только в «Выбранных местах...», скрыто и явно присутствует и в «Ревизоре», и в поэме «Мертвые души». Однако свое начало оно берет в раннем творчестве Гоголя, в циклах повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Цикл «Миргород» выходит в двух частях в начале 1835 года, через три года после «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и является их продолже-

Научный руководитель – канд. филол. наук В.К. Васильев..

нием, что и указано автором в подзаголовке. Миргород – уездный город Полтавской губернии, где Гоголь родился и провел свои детские годы. Как отмечает И.А. Виноградов, особенно много черт родного гнезда Гоголя в первой повести – «Старосветских помещиках». Именно оно «легло в основу изображенного в этой повести быта уединенной деревни» [Виноградов, 2009, Т. 2: 570–571].

Исследователи отмечают влияние сентиментально-идиллической традиции Н.М. Карамзина при создании первой повести, что находит свое подтверждение в письмах Гоголя этого периода и в отзывах современников. В письме к И.И. Дмитриеву (от 20 июля 1832 г.) автор пишет: *«Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его яркие и сходны с здешней природой»* [Гоголь, 2009, Т. 10: 191–192].

Замысел «Старосветских помещиков» и начало работы приходится на 1832 год. После долговременного отсутствия, примерно 20 июля Гоголь приезжает в Васильевку и остается там до 1 октября. «Тягостная картина разорения родного края существенно поколебала тогда достаточно традиционные воззрения Гоголя на значение патриархального, “идиллического” быта русской жизни» [Виноградов, 2009, Т. 2: 581]. В уже цитированном письме к И.И. Дмитриеву Гоголь продолжал: *«Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние прино-*

суть шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость» (Гоголь, 2009, Т. 10: 192).

Уже с первых строк повести намечено противопоставление *«скромной жизни уединенных владельцев отдаленных деревень»* и жизни *«за частоколом, окружающим небольшой дворик»* (Гоголь, 2009, Т. 1: 281), а *«владельцы скромных уголков, старички и старушки»* – *«шуму и толпе модных фраков»* (Там же: 282). Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, являющиеся олицетворением ясной и спокойной жизни, составляют полную противоположность другим соотечественникам, малороссиянам. В повести задается топика идиллического, центром которой является родная сторона, поместье и в целом отгороженный от всего, ни в чем стороннем не нуждающийся мир. Это стороннее, как и люди, принадлежащие к нему, наделяются исключительно отрицательными качествами: *«страстями, желаниями и беспокойными порождениями злого духа, возмущающими мир»* (Там же: 281). Рассказчик, очарованный гармонично текущей жизнью семейства Товстогузов, называет ее *«низменной буколической»* (Там же: 282).

Воспеть гармонию традиционной жизни как нельзя лучше помогает обращение автора к жанру идиллии. Своеобразие идиллической картины мира – *«в организующем ее способе существования, который может быть назван “органической сопричастностью бытию как целому”»* [Теория литературы, 2004: 68]. Однако в *«Старосветских помещиках»* появляются детали, которые нарушают идиллическое начало, обнажают его изъяны. Жизнь в границах идиллического – это *«жизнь рода – нескольких или многих поколений в прошлом и обозримом будущем»* [Там же: 433]. Идиллическое существование соответствует обязательному элементу повествовательного хронотопа – *«циклическому ходу времени в природе, гармонически совпадающему со сменой поколений в человеческой жизни»* [Там же: 437].

Жизнь Товстогузов органично соотносится с природным течением времени, они существуют в гармонии единения с окружающим миром. Но обратимся к деталям. *«Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда*

был молодцом и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере, никогда не говорил» (Гоголь, 2009, Т. 1: 283). В повести почти не упоминаются предки старосветского семейства, кроме как в этом кратком сообщении об увозе Пульхерии Ивановны от родственников, не желавших отдавать ее за Афанасия Ивановича.

Кроме того, показательно описание картин в доме. *«Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами»* (Там же: 284). Логичнее было бы видеть на месте этих картин семейные портреты предков. У Товстогубов же это портреты «какого-то» архиерея, российского императора, который был убит в результате дворцового переворота, организованного его женой, Екатериной II, и... почему-то фаворитки Людовика XIV. Существенна, на наш взгляд, и деталь (по-разному трактуемая исследователями) – бездетность семейной пары. При рассмотрении через призму идиллической картины мира, эта деталь может подчеркивать невозможность продолжения рода, отсутствие будущего, исчезновение идиллического.

Таким образом, прошлое как часть неразрывной, циклической жизни отсутствует, а финал повести ясно дает понять, что идиллия разрушилась с уходом Пульхерии Ивановны и закончилась со смертью Афанасия Ивановича. *«Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время всех кур и все яйца. Избы, почти совсем лежащие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовали и стали большею частью числиться в бегах. Сам же настоящий владелец, который, впрочем, жил довольно мирно с*

своею опекою и пил вместе с нею пунш, приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго» (Там же: 302).

Главными событиями идиллического сюжета являются «рождения, свадьбы, праздники, похороны; труд, еда» [Теория литературы, 2004: 433]. В повести мы наблюдаем постоянный процесс производства и поглощения еды, который описывается так подробно и детально, что становится больше похож на поощрение греха чревоугодия, чем на что-то другое. Видим мы и похороны, которые оказались не частью идиллического цикла, а знаком конца.

Много позже (3 апреля 1849 года), поздравляя родных со светлым праздником Пасхи, Гоголь напишет: *«Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страдания, несчастья. Заплывет телом душа – и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучшие желать ему спасти свою душу. Это всего главней»* (Гоголь, 2009, Т. 15: 175). Конечно, данная цитата предполагает ретроспективный взгляд на патриархальную жизнь, однако и в первой половине 1830-х Гоголь не мог не понимать значения деталей, используемых им для описания старосветского уклада.

Необходимо остановиться и на образах Товстогузов. Исследователи обращают внимание на созданное автором «идиллическое единение героев повести со своей человечностью» и «невозможность раздельного существования Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны» [Есаулов, 1995: 27], а также указанием на *«взаимную любовь»* (Гоголь, 2009, Т. 2: 283) и на параллель с идеальными благочестивыми супругами – Филемоном и Бавкидой. Г.А. Гуковский прямо называл эту повесть «повестью о любви» [Гуковский, 1959: 81]. Действительно, герои прожили вместе больше тридцати лет во взаимной любви и заботе друг о друге, при этом радушно открывая свой мир гостям. Уходя из жизни первой, Пульхерия Ивановна думает не о себе и своей душе, а о *«бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сырым и бесприютным»* (Гоголь, 2009, Т. 1: 297). Описание

же тихого, но сильного страдания Афанасия Ивановича по смерти супруги никого не оставляет равнодушным. Тем не менее, в тексте присутствуют детали, нарушающие идеальную картину. Как отмечалось выше, герои женились против воли родителей, а значит, без их благословения. Афанасий Иванович *«очень мало занимался хозяйством»*, и *«все бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне»* (Там же: 286). Рядом с благостными сценами нарисованы бесконечная, а потому гротескная переработка обильных даров природы, образы объедающихся сверх всякой меры дворовых девок, пьяницы кучера и без стеснения обворовывающих хозяев приказчика, старосты, гостей и дворовых. Товстогубы знают об этом, но ничего не хотят менять и скорее не из-за своей доброты, а из-за пассивности и нежелания нарушать устоявшееся течение жизни. За нравственностью домашних девушек строго следит Пульхерия Ивановна, но постоянно у какой-нибудь из них *«стан делается гораздо полнее обыкновенного <...> тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика, который ходил в сером полуфраке, с босыми ногами, и если не ел, то уж верно спал»* (Там же: 285).

Комната хозяйки, уставленная сундуками и увешенная узелками, великое множество заготовок, которые *«могли бы потопить весь двор»* (Там же), указывают на ограниченность, на страсть к накопительству, едва ли не бессмысленному. Непривычный для других жар в комнате, где спят супруги, также указывает на полную противоположность жизни не то что в аскезе, а даже в умеренности.

В описании приготовления Пульхерии Ивановны к смерти также имеются детали, придающие двойственность ее образу. Хозяйка дает наказ ключнице Явдохе следить за Афанасием Ивановичем, беречь его, говорит о Боге, о молитве за Явдоху, но заканчивает свою речь угрозами за неповиновение ее просьбе и проклятьем, достойным уст ведьмы, а не праведной жены: *«Не своди с него глаз, Явдоха, я буду молиться за тебя на том свете, и Бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебе не долго*

жить, не набирай греха на душу. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастья на свете. Я сама буду просить Бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения Божия» (Там же: 296–297).

Таким образом, мы видим, что за внешне благостным тоном повествователя, декларацией его любовных чувств к старосветскому миру кроются детали, нарушающие идиллическую картину. А потому мы согласимся с мнением И.А. Виноградова: рассмотренные мотивы «искажают изначальный “первообраз” патриархальной жизни», актуализируют «почти полное забвение идиллическими героями духовных ценностей: состояние, когда о Боге вспоминают лишь в приближении смерти или же при мысли о возможных несчастьях <...>. “Дремлющая”, почти растительная жизнь старосветских помещиков нуждается, по Гоголю, в пробуждении. Близкое к духовной смерти состояние животного покоя никак не может являться идеалом человеческого существования» [Виноградов, 2009: 588].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов И.А. Неизвестный «Миргород» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2 Миргород. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 570–630.
2. Воропаев В.А. Жизнь и сочинения Николая Гоголя // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2 Миргород. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 13–78.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 664 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 392 с.

5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 10: Переписка 1848–1852. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 624 с.

6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959. 532 с.

7. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. 102 с.

8. Теория литературы: В 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

ОБРАЗ ЭДИПА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей художественной рецепции образа Эдипа в западноевропейской литературе XX века. В произведениях авторов новейшей эпохи судьба фиванского героя преломляется как в трагическом, так и в сниженном, пародийном ключе; античный персонаж часто переносится в современные реалии. Писателей интересуют мотивы судьбы, относительности удачи, заблуждения, вины. Разнятся взгляды на подвиг и самонаказание Эдипа. Под влиянием фрейдистского психоанализа переосмысливается мотив инцеста, идея злого рока нередко рассматривается с христианской точки зрения.

Ключевые слова: миф, мифологический образ, мотив, Эдип, рецепция, XX век.

Abstract: The article examines the reception of the Oedipus character in 20th century Western literature. Contemporary authors reimagine the Theban hero's biography in both tragic and comical aspects. The character is also often relocated in a new modern setting. Writers highlight such motifs as destiny, the relativity of luckiness, delusion, and guilt. Scenes of Oedipus's feat and self-punishment are comprehended in different ways. The Freudian psychoanalytic theory had an impact on the interpretation of the incest motif, while the idea of evil destiny is Christianised in certain texts.

Keywords: myth, mythological character, motif, Oedipus, reception, 20th century.

Одной из черт культуры XX века является переосмысление культуры древних цивилизаций, в том числе античной мифологии. Данное явление затронуло и литературный процесс, получив название *ремифологизация* [Мелетинский, 1976: 28], или *неомифологизм* / *неомифологизация* [Там же: 268]. Названная тенденция проявлялась в виде авторских переводов античных текстов и использования мифологических сюжетов, мотивов, образов в самостоятельных произведениях. Одной из главных причин актуализации интереса к античному наследию является зарождение эпохи модерна, кризис как религиозной, так и рационалистической картины мира. Потребность в формировании новой системы убеждений привела к необходимости создания новых художественных методов. Мифология привлекала своим вневременным, внеисторическим характером, описанием универсальных законов челове-

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук Т.С. Нипа.

ской жизни, освещением иррациональной стороны бытия. Как отмечает Л.В. Ярошенко, «миф оказался для писателей XX в. средством к тому, чтобы <...> выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления вечных моделей личного и общественного поведения» [Ярошенко, 2002: 42].

Древнегреческий миф о царе Эдипе – один из мифологических сюжетов, вызывающих наибольший интерес у литераторов разных эпох. Обращение к нему мотивировано рядом факторов. Во-первых, в данном мифе сокрыта парадигма закона «ложного блеска» удачи, обнаруженная еще Софоклом в трагедии «Царь Эдип». Резкие перемены в жизни человека, превращающие его из сильного властителя в слепого изгнанника, приобрели особенно важное значение в эпоху мировых войн, революций, кровавых режимов. С этим законом тесно связан и вечный трагический конфликт между божественным провидением и свободой выбора человека. Ставится проблема человеческого бессилия перед всемогущими богами. Кроме того, история Эдипа получает оригинальные интерпретации в свете новых научных концепций (например, И. Бахофена, Р. Вагнера, Ф. Ницше, З. Фрейда).

Основой для большинства литературных произведений XX века послужили классические трагедии Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне», но составляющие мифа стали объектом нетрадиционной рецепции писателей. Прежде всего существенному переосмыслению был подвергнут образ главного героя – фиванского царя Эдипа. Авторы пытаются интерпретировать такие черты характера Эдипа, как выдающаяся активность или излишняя пассивность, смелость или её отсутствие, гордыня, героизм, сила духа. Делается акцент на отношении героя к власти, народу, славе, судьбе, своим преступлениям. Для построения образа писатели и драматурги также обращаются к мотивам рока, инцеста, самоискупления, самопожертвования.

Как и в античных пьесах, важным сюжетным элементом большинства произведений становится превращение Эдипа из самоуверенного, могущественного правителя в слепого изгнанника. Одним из главных мотивов явля-

ется мотив относительности удачи. Так, сюжет «Эдипа» (1931) Андре Жид реализовывается как постепенное изменение отношения героя к своей судьбе и воле бога – от убежденности в своем успехе и самодостаточности («*Благодаря моим рукам я – у вершины счастья*» (Жид, 2002: 175), «*Я особенно рад, что обязан всем только себе*» (Там же)) до открытия страшной тайны, смирения со своей участью и самопожертвования («*Я охотно отдаю себя на заклятие. Я дошел до той черты, за которую не мог перейти, не напав на самого себя*» (Там же: 201)).

В мюзикле Ли Бруера «Госпел в Колоне», где трагедия Софокла «Эдип в Колоне» стала материалом для проповеди в афроамериканской пятидесятнической церкви, судьба Эдипа интерпретируется в христианском ключе. Эдип в мюзикле подобен библейскому Иову. Облик фиванского царя создается с помощью контраста: «*самый сильный из мужей*» становится слепым и старым, «*голодным и уставшим, // промокившим под дождем*», «*великие времена исчезли, как призраки*» (Breuer, 2000: 20–23). Но, в отличие от истории Иова, история древнегреческого героя – пример того, как человек со временем получает возмездие за свои греховные деяния: «*все глаза закрываются перед глазами времени, // Все действия находят справедливость // Хоть нечаянны, хоть далеки // твои глубокое прошлое, кровать, ужасные потомки, // в конце концов всё призвано к ответу*» [Там же: 21].

Смежным мотивом является мотив заблуждения, незнания Эдипа. Для Андре Жид трагедия Эдипа заключается в его незнании обратной стороны своего успеха и связанной с этим излишней самоуверенности: «*Твою уверенность тебе дает незнание прошлого. Твое счастье – слепое. Открой глаза на свое отчаяние. Бог отнял у тебя право на счастье*» (Жид, 2002б: 194). Главному герою казалось (и хотелось так видеть, как было сказано ранее), что высшие силы ведут его только к удаче («*Да, верно, я думал, что бог меня ведет. И я строил на этом уверенность в своем счастье*» (Там же: 198)), поэтому осознание правды привело Эдипа в отчаяние, он чувствует себя коварно преданным богами: «*Я соглашался быть ему покорным, пока он вел меня к*

славе, но не к преступленью, весь ужас которого он от меня скрыл. О, низкое предательство божье, тебя нельзя стерпеть!» (Там же). В пьесе Жана Кокто «Адская машина» (1932) Эдип до последнего не может поверить в свершившееся, обвиняет во всем других, отказывается размышлять о содеянном: *«Тот путник, должно быть, был моим отцом. «Небеса, мой отец!» Но инцест не будет так легко разгадан, господа»* (Cocteau, 1967: 112), *«Ты заставлял поверить мою бедную Иокасту в то, что я убийца Лая!»* (Там же: 115). Понимание ситуации наступает только после ослепления: *«Я принимаю это, Тирезий... Я уже ослепнул, но не понимал этого? Теперь я прекрасно всё вижу, Тирезий, но это боль... Страдания... Путь мой будет сложен»* (Там же: 118).

В послевоенной литературе судьба Эдипа становится иллюстрацией к вопросу о виновности человека в неосознанных преступлениях, история приобретает политическую подоплеку. Например, Франц Фюман в своем сборнике новелл «Эдип-царь» (1966) уподобляет Эдипу солдат Вермахта, поддавшихся влиянию нацистской пропаганды [Абрамзон и др. 2018: 20].

В романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (1986) главный герой Томаш сравнивает неведение и попытку Эдипа изменить судьбу к лучшему с преступлениями коммунистов: *«Слыша, как коммунисты во весь голос защищают свою внутреннюю чистоту, Томаш размышлял: “Виной вашего неведения эта страна, возможно, на века потеряла свободу, а вы кричите, что не чувствуете за собой вины? Как же вы можете смотреть на дело рук ваших? Как вас не ужасает это? Да есть ли у вас глаза, чтобы видеть? Будь вы зрячими, вам следовало бы ослепить себя и уйти из Фив!”»* (Кундера, 1992: 77).

Другой аспект неоднозначной личности Эдипа, на котором делают акцент писатели XX века, — его тщеславие и честолюбие. В «Адской машине» Ж. Кокто в диалоге со Сфинкс Эдип признается, что мечтает о славе: *«Мне нравятся столпотворения, фанфары, развевающиеся знамена, пальмо-*

вые ветви, солнце, золото и пурпур, счастье, удача – вот жизнь!» (Cocteau, 1967: 57).

В некоторых драмах XX века Эдип воплощает образ бунтаря, нон-конформиста, который противостоит обществу, обличает его пороки. Тяга к справедливости толкает Эдипа Андре Жиде на уход из дома родителей, отказ от престола: *«Передачу прав ненавижу и не стану пользоваться ничем, чего я сам не заслужил»* (Жид, 2002: 186). Героя Эдди из драмы Стивена Беркоффа «Грек» (1980), действие которой происходит в Лондоне 70-х годов, угнетает косное, порочное английское общество, и большинство его реплик состоит из порицания окружения и порядков: *«это выгребная яма, правда... Помойка с проститутками, подпирающими углы пабов, где собираются старые му*аки...»* (Berkoff, 2000: 101).

Разнятся взгляды на причины самоослепления Эдипа. В традиционной версии Эдипом двигала не только мысль о благосостоянии народа, но и стыд, желание кары за совершенное им преступление. В трагедии Жиде Эдип тоже наказывает себя за душевную слепоту: *«Я покарал эти очи, не сумевшие меня просветить»* (Жид, 2002: 200). Становится явным мотив сочетания физической слепоты и духовного просветления: *«Как ты, я теперь созерцаю божественный мрак»* (Там же). Эдип слеп, но видит сущность вещей и правду, не скрытую под ложным блеском удачи. В то же время Эдип выкалывает себе глаза из гордыни, желая бросить очередной вызов жестоким богам: *«О, я хотел бы избавиться от этого бога, обволакивающего меня от самого себя! Нечто сверхчеловеческое, героическое меня терзает. Я хотел бы изобрести какую-то новую муку. Придумать сумасшедший жест, который поразит всех, поразит меня самого и богов»* (Там же: 198).

Эдип Жана Кокто ослепляет себя не ради героического подвига, а из-за осознания своей нечаянной вины, мысли, что совершена роковая ошибка: *«Я убил того, кого не должен был убивать. Я женился на той, на которой не должен был жениться. Я оставил после себя то, что не должен был. Все теперь ясно...»* (Cocteau, 1967: 177). Однако в пьесе репрезентируется и тра-

диционная взаимосвязь между слепотой и мудростью, слепотой и наказанием: *«Мои мирские глаза ушли в пользу внутреннего, у которого есть и другие предназначения, помимо счёта шагов»* (Там же: 88). В целом, Ж. Кокто на первый план выводит мотив злого рока, и Эдип в его трагедии отличается большей пассивностью, чем в произведениях других авторов. Веление богов выступает главным двигателем сюжета: *«Зритель, эта машина перед тобой завелась на такую высокую мощь, что её пружина медленно раскрутит весь путь человеческой жизни. Это одна из самых идеальных конструкций, созданная адскими богами для математически точного разрушения смертного»* (Cocteau, 1967: 7). Эдип покоряет Фивы поневоле, получив разгадку от самой Сфинкс, уставшей от убийств (*«Я не могу и не буду спрашивать этого молодого человека!»*) (Там же: 71)), Иокаста была заранее готова к браку с собственным сыном (*«Знаешь, Тирезий, это не такая уж и плохая идея. Есть ли милее союз – союз, который более сладок, жесток и горд, – чем па-ра сына и молодой матери?»*) (Там же: 37)), а полную правду о своем происхождении Эдип узнает от сразу пришедшего к нему Вестника.

В «Греке» С. Беркоффа Эдип-Эдди, игнорируя общественное мнение, предпочитает самоослеплению и самоизгнанию дальнейшую жизнь с женой-матерью: *«Мы просто любим, так что не важно, мать это или не мать. Зачем я должен выколоть себе глаза в греческом стиле, почему ты должна повеситься. Ты вообще видела ребенка от матери и её сына? Нет. А я? Тоже – нет. Тогда как мы можем узнать, плохо ли это, должен ли я так убиваться по тому, что случилось?»* (Berkoff, 2000: 136). Автор поясняет в предисловии: *«При написании моего «современного» Эдипа было несложно найти современные параллели, но я остановился, когда дошел до «ослепления», поскольку в этой версии оно бы не играло важной роли, и не привел Эдди к фаталистическому концу...»* (Там же: 96).

В психологическом романе Анри Бошо «Эдип, путник» (1990) само-наказание и изгнание является шагом к становлению полноценной личности

и обретению смысла жизни. После избавления от травм герой находит свое признание в роли художника и аэда – сказителя народных песен.

В отдельных произведениях Эдип выступает не только трагическим, но и комическим или сатирическим героем. Так, глава «Эдип» из романа Луи Арагона «Гибель всерьез» (1965) является пародией на изначально пародийный роман Алена Роб-Грийе «Ластики» (1953), в котором разворачивается сюжет о запутанном непредвиденном убийстве, схожим с убийством Лая Эдипом. Данная глава – вставная новелла, третий рассказ героя «Гибели всерьез» Антуана. Как и оригинальное произведение, в котором разрушается и деконструируется сюжет детективного романа, новелла не имеет четкой развязки, и вся сюжетная линия является условной. Завязкой сюжета выступает мучительный поиск объяснения убийства, совершенного героем, однако история теряет своё развитие и обрывается. Нарочито условен и главный герой Эдуар Дюмон (по аналогии с Даниэлем ДюПоном из романа Роб-Грийе), а его образ не характеризуется прежним трагизмом, характерным для Эдипа: *«Для удобства мы будем называть нашего героя Эдипом, хотя он не спал со своей матерью и не убивал своего отца»* (Арагон, 1998: 348). В XX веке мифологические герои становятся простыми обывателями, так как новый мир не способен породить «высокие характеры»: *«В наш век и сфинксы лишь на срок, а в Фивах нет царей, никто уж не убьет отца и матери не сделает детей. Чувства оскудели, люди измельчали, сказки утратили краски»* (Там же: 382). Эдуар – продукт общества, в котором он вырос. Современный Эдип – это парижский клерк средних лет, живущий в бедности, читающий только комиксы и несколько книг модных в то время Альбера Камю и Андре Жида. Мировоззрение современного человека не позволяет ему стать героическим образом: *«Чего же нету у нынешнего Эдипа, чего ему не хватает? Думаете – счета в банке, ан нет – идеологии. Он не станет выкалывать себе глаза. Теперь так не поступают. И сфинксов теперь нет. Кто захочет завести себе сфинкса?»* (Там же: 380).

Мотив инцеста приобрел новые смыслы благодаря психоаналитической теории Зигмунда Фрейда. Отсылки к эдиповому комплексу особенно часто встречаются в произведениях первой трети XX века. В «Эдипе» А. Жид герой намекает на комплекс: *«я, матери родной не знавший, люблю её как сын и муж вдвойне»* (Жид, 2002: 180). Вводится «наследственная» склонность к инцесту. Сыновья Полиник и Этеокл испытывают влечение к их сестрам Исмене и Антигоне:

Полиник: *Жениться на сестре запрещено?*

Антигона: *Да, конечно, и богом, и людьми.*

Полиник: *Если бы я мог жениться на тебе совсем, я, кажется бы, дал тебе вести себя к этому богу* (Жид, 2002: 187).

<...>

Этеокл: <...> *я ищу слов, разрешающих мне спать с Исменой.*

Полиник: *если ты найдешь, скажи мне, тогда...* (Там же: 189)

В «Адской машине» Ж. Кокто в реплике Иокасты, готовой выйти замуж за сына, также присутствует аллюзия к эдипову комплексу: *«Маленькие мальчики всегда говорят: “Я хочу вырасти, потому что смогу жениться на матери”»* (Cocteau, 1967: 37). Развивается мысль о связи между инцестом и сном, высказанная Фрейдом: *«Сновидение о половой связи с матерью наблюдается <...> у многих людей, сообщающих о нем с возмущением и удивлением. Оно и составляет, несомненно, ключ к трагедии и находится в соответствии со сновидением о смерти отца»* (Фрейд, 2015: 196).

Романный Эдип сам иногда выступает как психотерапевт, помогающий другим героям познать себя: *«Когда рассказ выпускал Клиоса из своих уз, Клиос обращал свой взор к Эдипу, чьей душой он завладел: в ней запечатлено Клиосово несчастье, и Клиосову жизнь слепцу никогда не забыть»* (Бошо, 2003: 98). Он подсказывает Клиосу, кто он есть на самом деле: *«Ты узнал глину и камень, – обратился к нему Эдип, – но твой путь – цвет. Цвет будет расти вместе с тобой, он будет занимать в тебе все большие и большие места, и тебе придется потесниться. Такие преступники, как мы с тобой, мо-*

гут ждать только освобождения, и только свобода, совершенная и бесконечная в своей постоянной борьбе, может дать нам его» (Там же: 164–165). Этот момент созвучен высказыванию Бошо о связи между психоаналитиком и его пациентом: «Между аналитиком и пациентом возникает связь, поэтому, когда психоанализ закончен, часто после долгих лет слушания друг друга, наступает обоюдный траур. В этот-то момент человеку и удастся услышать свой внутренний голос, а не некую рациональную мысль» [Кустова, 2003: 347].

Современное мышление в принципе обусловило психологизацию героев: например, Эдипу из трагедии А. Жид *«Эдип»* (1931) свойственна саморефлексия: он рассуждает о своей жизни, судьбе, своём характере. В древнегреческих версиях герой не анализирует случившееся с ним глубоко. Он испытывает стыд, клянет судьбу, но не осмысливает происходящее с ним. Для сравнения: *«Горе! Горе! Увы! О, несчастье мое! // О, куда ж я бедою своей заведен // И куда мой уносится голос? // Ты привел меня, Рок мой, куда?»* (Софокл, 1988: 85). Эдип Жид проводит параллели между событиями в своей жизни, делает умозаключения: *«О, страшная награда за разгадку! Как? Вот что таилось по ту сторону Сфинкса! А я-то радовался, что родителей не знаю»* (Жид, 2002: 197); *«Все, все не так, как раньше мне казалось. Ведь я был сыном царя, и, чтобы царствовать, я мог не убивать, лишь подождать»* (Там же).

Таким образом, несмотря на то что авторы имели разное представление о некоторых аспектах личности Эдипа, с образом этого героя в XX веке связан набор устойчивых мотивов. В первую очередь, уделяется внимание его судьбе от успехов до страшной разгадки тайны и потери всего, что составляло его жизнь. Психоаналитические теории повлияли на оценку писателями отношений между Эдипом и Иокастой: они стали восприниматься как бессознательное влечение. В целом, Эдип выступает как многосторонний и глубоко чувствующий трагический герой, противостоящий не только богам, но и обществу, готовый бросить вызов своей судьбе. При этом в отдельных

произведениях указывается на его гордыню, тщеславие, ставится вопрос о его виновности, миф актуализируется как сатира на общественные реалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон Т.Е., Волкова В.Б., Скворцова М.Л. Своеобразие образа Эдипа в послевоенной прозе Франца Фюмана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. 12 (90). С. 18–22.
2. Арагон Л. Гибель всерьез // пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой. М.: Вагриус, 1998. 399 с.
3. Бошо А. Эдип, путник // пер. с франц. О.В. Кутовой. СПб.: Амфора, 2003. 348 с.
4. Жид. А. Эдип // Жид А. Собрание сочинений: в 7 т. / пер. В.О. Станевич. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. Т. 6. С. 173–203.
5. Кутова О.В. От переводчика // А. Бошо. Эдип, путник. СПб.: Амфора, 2003. С. 346–347.
6. Кундера М. Невыносимая легкость бытия // Иностранная литература. 1992. № 5. С. 5–138.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
8. Софокл. Царь Эдип // Софокл. Трагедии / пер. С.В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1988. С. 31–95.
9. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Эксмо-Пресс, 2015. С. 196.
10. Ярошенко Л.В. Неомифологизм в литературе XX в.: учебно-методическое пособие. Гродно: ГрГУ, 2002. 103 с.
11. Berkoff S. Greek // Berkoff S. Plays one. London: Faber&Faber, 2000. P. 94–136.
12. Breuer L. The Gospel at Colonus. NY: Theatre Communications Group, 2000. 64 p.
13. Cocteau J. The Infernal Machine and other plays by Jean Cocteau / transl. Albert Bermel. New York: New Directions Publishing Corporation, 1967. 397 p.

**«НЯНЬКА БУДЕТ МОЯ!»:
МОТИВ СЛУЖЕНИЯ В МИРУ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Аннотация: В статье, основанной на материале романа «Преступление и наказание», рассматриваются два персонажа, претендующие на роль «няньки» Раскольникова: Дмитрий Разумихин и Соня Мармеладова. В исследовании обозначены их основные функции, объяснены состоятельность или несостоятельность в названной роли.

Ключевые слова: русская литература, творчество Ф.М. Достоевского, мотивный анализ.

Abstract: The article, based on the material of the novel "Crime and Punishment," discusses two characters who claim to be Raskolnikov's nurse: Dmitry Razumikhin and Sonya Marmeladova. The study identifies their main functions, explains their consistency or inconsistency in the named role.

Keywords: Russian literature, works of F.M. Dostoevsky, motive analysis.

Обратимся к роману «Преступление и наказание» (1866). «Служение» – это не просто высшая, духовная, мысль, на бытовом уровне она реализуется в повседневном – в поведении, поступках человека. Когда Родион Раскольников после убийства старухи-процентщицы лежит в своей каморке на диване, своего рода «нянькой» при больном становится его университетский товарищ Дмитрий Разумихин. Как замечает В.А. Мысляков, «Разумихину поручена очень важная роль в романе: он должен в прямом, физическом, и широком, духовном, смысле спасти Раскольникова» [Мысляков, 1974: 160]. Следует согласиться с В.А. Мысляковым в том, что Разумихин пытается физически спасти Родиона. Однако утверждение, что он должен спасти его духовно противоречит тексту и является, на наш взгляд, прямым расхождением с авторской концепцией образа Разумихина. В эпизоде, где Дмитрий играет роль няньки, он, обхватив Родю, как ребенка, кормит его с ложечки супом, предварительно подув. Тоже он делает и с чаем. На деньги, полученные Ро-

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук В.К. Васильев.

дионом от матери, Разумихин покупает ему ношенные вещи: фуражку, летние штаны, сапоги и еще три рубашки «с модным верхом». Дмитрий самым детальным образом отчитывается за потраченные деньги и возвращает остаток: *«Сорок пять копеек сдачи, медными пятаками, вот-с»* (Достоевский, 1973: 102). Кроме того, он, очевидно, за свои десять рублей (!) выкупил неосмотрительно подписанную Раскольниковым долговую бумагу, вексель, у некоего «делового человека» Чебарова (Там же: 97); по векселю должна была расплачиваться мать Роди. Дмитрий договаривается с хозяйкой дома и об оплате жилья Раскольникова, об обедах для приятеля, так как ему в них отказано. Он отлучается из каморки больного, но постоянно возвращается, чтобы знать, в каком состоянии тот находится, он приглашает к нему врача. В конце эпизода Разумихин меняет на нем белье. Он, действительно, делает для своего товарища очень и очень много, нянчится с ним. Казалось бы, все эти хлопоты должны вызвать благодарность, однако у Раскольникова они вызывают отрицательную реакцию, порой слишком резкую. Раскольников опасается, не проговорился ли он в бреду о своем преступлении. Он сам может владеть ложкой, но *«звериная хитрость»* (Там же: 96) заставляет его притвориться слабым; в голове преступника мысль – сбежать. Его совершенно не интересуют денежные вопросы и купленные для него вещи. Он *«с отвращением»* слушает *«напряженно-игривую реляцию Разумихина о покупке платья...»* (Там же: 102), отворачивается, отчего *«даже Разумихина покорибило»* (Там же: 98). *«Надо же из тебя человека сделать»*, – говорит Дмитрий, развязывая узел с вещами (Там же: 101). *«Ты теперь во всем костюме восстановлен»*, – подытоживает он отчет по покупкам (Там же: 102). Меняя рубашку на больном, он решает: *«Болезнь в рубашке-то только теперь и сидит»*. Раскольников сопротивляется, раздражен тем, что от него долго *«не отвяжутся»* (Там же).

Достоевский создает сцену-пародию на восстановление человека. Разумихина ждет неудача. Знаменательно, что писатель употребляет не слово «воскресение», а именно «восстановление». Речь идет о внешнем «восста-

новлении»: об одежде, о еде, деньгах. А Раскольников только что спрятал под камнем деньги, украденные в доме Алены Ивановны. Они оказались ему не нужны. И болезнь его «не в рубашке» сидит, это, прежде всего, болезнь духа и сознания, в которое вошла преступная идея. Разумихин не понимает это и оказывается в роли няньки профаном. Потому и не прав В.А. Мысляков, когда говорит о том, что Разумихин должен возродить Раскольникова духовно. У Достоевского нет в рассмотренном эпизоде об этом ни слова.

Разумихин и дальше продолжает нянчиться со своим товарищем. Особенно ярко это описано в сцене, где впервые больного Раскольникова видят Пульхерия Александровна и Дуня. Разумихин, по сути, отбирает у Пульхерии Александровны роль матери. Он обещает бросить всё и всех и вместо нее *«ни на минуту»* не покидать Родю (Там же: 151). Однако отношения заканчиваются тем, что Раскольников оставляет всех – и мать, и сестру, и товарища. Он разрывает с ними, но просит Дмитрия не оставлять самых дорогих ему людей: *«Воротись к ним и будь с ними... Будь и завтра у них... и всегда. <...> Оставь меня, а их... не оставь»* (Там же: 240). Эти слова служат своеобразным эпиграфом к судьбе Разумихина и Дуни, поскольку они станут мужем и женой.

Тут можно говорить о некоем метауровне, где Достоевский сталкивает образы-сущности. Раскольников – образ расколотый, раздвоенный, в котором душа и сердце разошлись с идеей, теорией, разумом, сознанием и логикой, как добро расходится со злом, вера с отрицанием. Разумихин – воплощение простого, доброго разума, разумного и честного расчета. (Его образ восходит к «разумным» героям Чернышевского, в черновиках он однажды назван Рахметовым.) Дмитрий «рассудительный» (однажды Лужин по ошибке даже назвал его *«Рассудкиным»* (Там же: 231)). Об этом говорит и его настоящая фамилия – Вразумихин. Еще одна его романная роль – вразумить Раскольникова апелляциями к его рассудку. Но это невозможно, поскольку разум Родиона поражен просчитанной и выверенной преступной *«арифметикой»* (Там же: 50). Делая Раскольникова и Разумихина двойниками по обстоятель-

ствам (они одного возраста, очень бедны, оба проживают в каморках, учатся в одном университете, но оба оставили его из-за денежных затруднений и т.п.) [Васильев, 2004: 174], Достоевский одновременно показывает, что внутренне – это герои-антиподы. Находясь на перепутье, размышляя убить или нет, Раскольников идет к Разумихину, но не доходит, отказывается идти, поскольку решает, что это смешно. Собственно, он идет = обращается к своей «разумности», какой он сам жил недавно. Как и Дмитрий, он искал выход из обстоятельств, и находили они его одинаково: зарабатывали на жизнь и учебу уроками и переводами. Теперь же Раскольникову не нужны подобные советы, рассуждения и вразумления, в его голове родилась идея – взять власть, получить все разом.

После разрыва с матерью, Дуней и Разумихиным фигура последнего теряет для Раскольникова актуальность. В романе на первый план выходят Соня и Свидригайлов. Раскольников сразу идет к Соне, которая для него загадочна. Разгадку образа-характера Мармеладовой он находит в одной ее фразе: *«Что ж бы я без Бога-то была?»* (Достоевский, 1973: 248). Соня в конечном итоге и становится подлинной нянькой, «наставницей Раскольникова в покаянии» [Роднянская, 1980: 224], потому что способна обратиться к душе Роди, к отвергаемой, но бессознательно живущей в нем вере. Когда-то, в детстве он *«лепетал молитвы»* у матери на коленях (Достоевский, 1973: 34) и не мог вынести убийства лошадки, а не то что человека. У Раскольникова есть еще один путь – это путь Свидригайлова, но в Свидригайлове он убеждается *«как в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее в мире»* (Там же: 362) и испытывает глубокое отвращение к этому человеку. Таким образом, остается только Соня, взывающая к его сердцу. А сердце Раскольникова всегда отвергало теорию, этот *«вздор»*, *«нелепость»* (Там же: 10), эту *«безобразную мечту»* (Там же: 7). Покаяние, *«решение без перемены»* (Там же: 354), *«страдание принять и искупить себя им, вот что надо»* (Там же: 323), – обозначает путь возрождения Соня. Этот путь необходим и ей, поскольку она тоже является преступницей. И ты *«переступила»* (Там же: 252),

«умертвила и предала себя» (Там же: 247), – говорит ей Раскольников. Герои тождественны в этом плане, оба «переступили»: убийца и блудница. Но Соня также и жертва: *«Она и желтый-то билет получила, потому что мои же дети с голоду пропадали, себя за нас продала!..»* (Там же: 304) – это слова мачехи, Катерины Ивановны. Ее жертвенный поступок осмыслен в контексте восхождения на Голгофу.

Преображение Сони и Раскольникова происходит на каторге. Она поехала за ним (*«оба знали, что это так будет»* (Там же: 414)), устроилась модисткой, приобрела знакомства. Все арестанты полюбили ее: *«"Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!" – говорили эти грубые, клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию»*. *«К ней даже ходили лечиться»* (Там же: 419). Этот, казалось бы, странный и неожиданный мотив вводит образ Сони в сакральную сферу, ибо целителем является любой святой и сам Христос. С ним связан и мотив воскресения, пробуждения для новой жизни. В Раскольникове исчезает отвращение к Соне: он всегда «как бы с отвращением» брал ее руку, но теперь их руки не разнимались. *«В этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого»* (Там же: 421). Так началась история *«постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его»* (Там же: 422). Соня, вооруженная только «любовью и верой» [Ясенский, 1994: 164], сумела спасти Раскольникова, выполнив роль, в которой оказался несостоятельным Разумихин и мать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В.К. Функции образа Разумихина в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Актуальные проблемы развития русской и зарубежной литературы, Красноярск: КГУ, 2004, Вып. 1. С. 166–178.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т., Л.: Наука, 1973, Т. 6. 423 с.

3. Мысляков В.А. Как рассказана «История» Родиона Раскольникова. (К вопросу о субъективно-авторском начале у Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования, Л.: Наука, 1974, Т. 1. С. 147–163.

4. Роднянская И.Б. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования, Л.: Наука, 1980, Т. 4. С. 218–238.

5. Ясенский С.Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Достоевский. Материалы и исследования, СПб: Наука, 1994, Т. 11. С. 156–187.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В РОМАНЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации античного сюжета об Одиссее в романе Бернхарда Шлинка «Возвращение». Миф о царе Итаки получил огромное количество интерпретаций (Гомер, Г. Гауптман, Дж. Джойс, Л. Малерба) как в античности, так и в новое время. Обращение к традиционному сюжету в XX веке связано с тем, что авторы стремятся найти в архаичном мифе ответы на глобальные вопросы современности. Анализ романа Б. Шлинка даёт возможность определить особенности художественной рецепции мифологического материала в новейшую эпоху, а также рассмотреть приёмы модернизации классического сюжета.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка, миф, Одиссей.

Abstract: The article is devoted to the study of the transformation of the ancient myth about Odysseus in the novel "The Return" by Bernhard Schlink. The myth of the king Ithaca received a huge number of interpretations (Homer, G. Hauptman, J. Joyce, L. Malerba), both in antiquity and in modern times. Appeal to the traditional story in the XX century due to the fact that the authors seek to find in the archaic myth answers to the global questions of our time. The analysis of the novel by B. Schlink gives an opportunity to determine the features of the artistic reception of the mythological material in the modern era, as well as to consider the methods of modernizing the classic plot.

Keywords: Bernhard Schlink, myth, Odysseus.

Миф, в том числе античный, привлекал к себе внимание писателей на протяжении веков. Обращение к нему является одной из характерных черт поэтики литературы XX века. Это обусловлено стремлением авторов в эпоху глобальных социально-политических катаклизмов, переоценки ценностей найти устойчивую связь между временами, обрести этические и эстетические ориентиры. «Миф, особенно в кризисные эпохи, как опыт поколений всегда представляет память веков и сохраняет её как гарант мировой стабильности и закономерности» [Шарыпина, 1995: 6].

Особое место в качестве неиссякаемого источника сюжетов занимает античная мифология. Одним из самых популярных является миф об Одиссее. Он получил свое художественное воплощение в произведениях Гомера

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук Т.С. Нипа.

(«Одиссея»), Г. Гауптмана («Лук Одиссея»), Дж. Джойса («Улисс»), М. Павича («Шляпа из рыбьей чешуи»), Л. Малерба («Итака навсегда») и др. Обращение к этому сюжету в XX веке связано, прежде всего, с мировыми войнами, которые актуализировали проблему осмысления и обретения себя. «В 30-е годы XX века сюжет об Одиссее «использовался в антифашистской литературе в качестве наиболее ёмкого обобщения, символизирующего тяжкий путь немецких эмигрантов-антифашистов» [Шарыпина, 2010: 740]. В период Второй мировой войны становится актуальной тема возвращения солдата с войны, и гомеровский сюжет приобретает особую популярность.

В 2006 году вышел роман Бернхарда Шлинка «Возвращение» (нем. «Die Heimkehr»). Само название включает в себе отсылку к приключениям Одиссея, поскольку существительное «die Heimkehr» употребляется именно в значении возвращения на родину, домой. Автор обращается к теме Второй мировой войны, чтобы осмыслить причины, которые привели к катастрофе мирового масштаба, попытаться найти ответы на вопросы о вине и ответственности нацистов. Это характерно для многих немецких писателей XX века. К этому же стремится и главный герой романа – Петер Дебауэр.

«Возвращение» сочетает в себе несколько литературных жанров: воспитательного романа, романа-путешествия и детектива. Композиционно произведение представляет собой роман в романе. На протяжении всей истории Петера мы сталкиваемся с фрагментами из текста анонимного романа, который читает главный герой, о возвращении на родину немецкого солдата. Приключения Карла, сбежавшего из плена в Сибири, как со временем понимает Дебауэр, представляют собой искусную мистификацию. Неизвестный автор фактически пересказывает сюжет гомеровской «Одиссеи». Например, повелитель ветров Эол становится в романе аольским предводителем, владеющим самолетом, а нимфа Калипсо – Калинкой:

«Калинка обвила руками его шею и прижалась головой к груди.

– Если тебя так мучают воспоминания о родине... Воспоминания о другой... Будет ли тебе с ней хорошо? <...> Как бы я хотела, чтобы ты

остался ещё на девять месяцев, а потом ещё и ещё – навсегда» (Шлинк, 2010: 74).

Роман о Карле представлен лишь отдельными фрагментами, поэтому Петер восстанавливает примерные варианты развития событий: *«Вероятно, мой автор заимствовал и другие приключения, описанные на несохранившихся страницах романа. Итак, встреча с Полифемом превратилась в сцену, когда Карла и его товарищей засыпало в пещере, из которой они, обманув спасательные команды русских, смогли выбраться самостоятельно?»* (Шлинк, 2010: 82).

Пересказывая античный сюжет, всё своё внимание неизвестный автор сосредоточивает исключительно на приключениях героя, не уделяя внимания деталям. Например, в романе неправильно указано направление рек в Сибири: *«Человеку нужно было написать книгу, он затеял рассказать историю о солдате, возвращающемся с войны, он знал, как эти люди говорят, знал «Одиссею» и решил не затрачивать особых усилий. Он не дал себе труда ознакомиться с географией Сибири, с её границами и растительностью. Ему было не важно знать, что в Сибири реки текут не на юг, а на север. Он знал, что в Сибири тундра, леса и реки, что в южной её части есть жаркие и сухие края и что они граничат с другими странами. К чему обременять читателя лишними названиями!»* (Шлинк, 2010: 83–84).

История Карла не единственная трансформация приключений Одиссея в романе. Сама жизнь Петера Дебауера соотносится с античным сюжетом. Например, в начале романа герой внезапно уезжает в Америку, пытаясь сбежать от окружающей его действительности. Свое пребывание там он описывает следующим образом: *«Южнее Сан-Франциско я попал в настоящий рай. <...>В зданиях располагался ресторан, общие залы и номера ровно на шестьдесят постояльцев. В залах и на близлежащих лужайках рая нас обучали йоге, гимнастике тай-чи, медитации, правильному дыханию и массажу. Через какое-то время ход мыслей замедлялся, потом мысли словно исчезали куда-то, исчезали и мечты. И голова обретала покой»* (Шлинк,

2010: 47). В этом эпизоде прослеживаются параллели с пребыванием Одиссея у лотофагов: *«Если бы пребывание там обошлось подешевле, я бы остался ещё на неделю, на месяц, на год, целиком отдаваясь этому волшебству»* (Шлинк, 2010: 48).

В образе Петера Дебауера совмещены образы Телемаха и Одиссея. Сквозь его историю проходит мотив поиска отца сыном. Попытка раскрыть личность неизвестного автора ведёт за собой стремление узнать правду об отце. Оно важно для героя не только как желание обрести свои корни, но и как обретение самого себя, а обрести себя и значит вернуться домой.

С образом Одиссея соотносится также образ отца главного героя, Иоганна Дебауера, который и является автором романа-мистификации. Так же, как и царь Итаки, он имеет множество личин: Фолькер Фонланден – сподвижник одного из нацистских лидеров; Вальтер Шоллер – еврей, побывавший в Освенциме; Джон де Баур – преподаватель, автор деконструктивистской теории права. История Иоганна Дебауера дает автору возможность поразмышлять над вечной темой добра и зла. Отец главного героя предстает абсолютно безнравственным человеком, у которого стираются границы дозволенного. В частности, это проявляется в жестоких психологических экспериментах над людьми. В данном эпизоде можно увидеть параллель с романом Джона Фаулза «Волхв». Иоганн Дебауер, как и Кончис, демонстрирует определенный набор личин, которые воплощают представления о боге, ложные понятия об абсолютном знании и могуществе. Узнав, каким человеком является его отец, Петер говорит о нём так: *«Я не любил своего отца, мне не нравилась его теория, которая освобождала от любой ответственности: от ответственности за то, что он написал, и за то, что он сделал. Одновременно меня восхищало то, как он прожил целую жизнь, всегда оказываясь в гуще событий, но снова и снова ускользая, а в конце ещё и создав теорию, которая оправдывала подобный жизненный путь»* (Шлинк, 2010: 231). Иоганн Дебауер – это вечный странник, Одиссей, который полностью по-

глощен своими странствиями и не стремится вернуться на родину. Семья, которая любит героя и ждёт его возвращения, ему не нужна.

Одиссей не единственный герой античного мифа, чей образ трансформируется и модернизируется в романе. У каждого из представленных «Одиссеев» есть своя «Пенелопа».

Первой «Пенелопой» является героиня анонимного романа. Особенность трансформации образа в данном случае заключается в том, что женщина не сохраняет верности Карлу. Получив весть о его гибели, она остается с другим мужчиной, а Карл, в отличие от Одиссея, не стремится бороться за неё: *«В романе не было Телемаха, то есть сына Карла. Карлова Пенелопа не противилась женихам, а выбрала одного из них и родила от него ребенка, а то и двух. Убить его было делом не столь очевидным, как свирепая расправа, учиненная Одиссеем над наглыми женихами, которые унижали, притесняли и обкрадывали Пенелопу. Нет, в доме 58 на Кляйнмюллерштрассе или в доме 38 на Кляйнмайерштрассе никакой резни не случилось»* (Шлинк, 2010: 83).

Другая вариацией античного образа царицы Итаки – это Барбара Биндигер, которая, как и гомеровская Пенелопа, ждёт возвращения своего любимого из странствий. Отличительной чертой в данном случае стало наличие нескольких мужских персонажей, осуществляющих функции «Одиссея». Во-первых, это Петер Дебауер, отправившийся в Америку для встречи с отцом. *«Мне нужен муж, который выберет меня, а не какую-то идею, за которой он будет гоняться по свету, не зная даже, в чём она состоит. Мне нужен муж, который будет рядом со мной и останется дома»* (Шлинк, 2010: 265) – говорит героиня. А во-вторых, американский журналист Оджи Маркович, колесящий по всему миру в поисках материала: *«Оджи, как и Одиссей, вернулся домой, а Барбара ждала его, как Пенелопа, современная Пенелопа, которая больше не ткёт полотно днём, чтобы распустить его ночью, а влюбляется в другого, однако хорошо знает, когда надо разорвать полотно сотканной любви»* (Шлинк, 2010: 111).

Наконец третьей интерпретацией образа Пенелопы в романе является мать Петера. Эта «Пенелопа» знает, что «Одиссей» никогда к ней не вернется, и смирилась с утратой мужа.

Обращаясь к теме Второй мировой войны, автор пытается осмыслить истоки фашизма. В тексте представлен ряд статей, написанных Иоганном Дебауером во время войны. Все они имеют ярко выраженный нацистский характер. Включая их в роман, автор размышляет о правомерности идеи превосходства одних людей над другими, об отношении к беззащитным, о том, насколько оправданы военные действия, а также над рядом других вопросов.

Таким образом, Б. Шлинк, обращаясь к античному материалу, существенно переосмысляет его, насыщая актуальным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX – XX веков: Материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 114 с.
2. Шарыпина Т.А. «Возвращение» Бернхарда Шлинка в литературном контексте Германии новейшего времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 740–744.
3. Шлинк Б. Возвращение. СПб: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010, 320 с.

III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ОБ ОПАСНЫХ СЛУЧАЯХ НА ОХОТЕ

Вязовикина О.В.

Смирнов Е.С.

Изучение региональной лингвокультуры представляет собой новый виток развития научной мысли в современной отечественной лингвистике. В исследованиях по региональной лингвокультуре учёные привлекают в качестве материала устные и письменные тексты разных жанров, созданные жителями тех или иных регионов.

За последние несколько лет исследователями Сибирского федерального университета было написано несколько десятков работ (статьи, тезисы, магистерские диссертации и др.), в которых подробно анализируется традиционная лингвокультура Северного Приангарья (Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края) в рамках коммуникативной диалектологии, лингвистической нарратологии, психолингвокультурологии и других смежных дисциплин. Также в 2017–2019 гг. был создан «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья», который содержит большое количество устных текстов и интервью с русскими старожилами, а также оригинальный аудио- и видеоматериал.

Стоит подчеркнуть, что нарративы старожилов Северного Приангарья важны и для изучения региональной ценностной картины мира, языковой картины мира, а также для исследования изменений ангарского говора и сохранения уникальной старожильской культуры.

¹ Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (дата обращения: 16.06.2019).

В настоящем номере «Siberia Lingua» вниманию читателей предлагаются устные рассказы жителей Кежемского района Красноярского края об опасных случаях на охоте, которые были записаны в 2019 году в г. Кодинске Кежемского района. Информантами стали охотники-любители с большим опытом, что позволило собирателям записать ценные охотничьи нарративы. Воспоминания об охоте на медведя, лося, соболя, о различных ловушках и устройстве охотничьих угодий, традициях и обычаях, воспитании охотников и зверовых собак, и, безусловно, об опасных случаях на охоте имеют важный культуроносный смысл.

В Северном Приангарье охотничий промысел долгое время являлся одним из основных занятий, а также способов пропитания и заработка многих ангарцев, что также отражают устные рассказы старожилов. Не случайно многие охотники рассказывают истории о том, как их отцы или деды через воспитание передавали свой уникальный опыт.

Охота является довольно опасным видом промысла, что отмечают многие информанты. Как правило, опасность представляет охота на медведя, добыча его из берлоги или случайная встреча в тайге с медведем-шатуном. Не менее опасной является и охота на лося (сохатого). В устных рассказах, которые были подготовлены для настоящего выпуска журнала, опытные охотники детально описывают опасные ситуации, которые происходили с ними в тайге.

Фото 1. Вязовикина О., Зарубина Наталья Михайловна, Зарубин Михаил Иванович, Смирнов Е.
г. Кодинск 2019 г.

Первого медведя убили на этой...на воле. Шатуна¹. После 10 ноября. Это пятьдесят километров пешком – пришли – деревня Уяр, туда, по речке. Шли с Сашкой, увидели переход лосей. Там у Васьки... у Сашки брат был – поехали. Там жил. Собаки добрые. Возьмём Ваську, пройдем по следу, может, сохатого² добудем. Пошли, взяли Ваську, пошли, в общем, день проходили, второй проходили, на третий день нашли, где они остановились. Они носились как табун сохатых. Разбежались – собаки там, там, там, там лают. В общем, переночевали у костра опять третью-четвертую ночь мы... в лесу. На завтра пошли всё равно добывать сохатого шли. А потом по очереди, Васькина очередь и... белок стрелять собрались: собаки белку лают... с мелкашки...стреляли белок. Ну, значит, Васькина очередь идти. Он пробежал и так вот стреляет, стреляет, не может попасть. А я в сторону отошёл: «О, бляха медна...Следы!». Чьи следы понять не могу. Ноги поставил, думаю: «Чё...в штаны навалил что ли где-то охотник?». Ну, рассуждаю, затаило. Тепло было, когтей даже не видно. Подхожу, потом смотрю – когти. Ааа, вот оно. Немного подошёл, листвяга сухая, кора вся ободрана и гнездо сделано под листвягой, лежит. И свежий след пошёл от листвяги – ну, видно, что это медведь идёт. Я кричу: «Васька! Иди сюда быстрее!». А то я с этой мелкашкой одной, не оборониться: «Иди сюда!». Подходит: «Чё такое?». – «Медведь прошёл!».

Сашку крикнули, брата-то его. Немного по следу отошли, собаки бросились, залаяли. А он, зараза...ну, собаки добрые, его крутят и стараются за задницу поймать. Медведь такими кругами вщ-щ, вщ-щ... Они его крутят-крутят-крутят-крутят. А на болотине стояла ель огромная, сучки до этой, земли. Он, зараза, задницу спрятал в эти сучки, собаки-то спереди и сзади ловко за эти сучки... И он их начинает... Мы подходили, подходили, ребя-

¹ Шатун – медведь, не залёгший в спячку.

² Сохатый – лось.

та... стрелили его. Я подбежал, с пистолета за ухо ему стрелил и в этом месте лапы сразу перерезал. Это отец учил, что медведя, если убил, сразу эти, сухожилия перережь ему. Говорит, в основном, говорит, у него сила вся в передних этих рука... лапах. Перерезал лапы, ободрали и пошли мы обратно. Я грю: «Мне мяса не надо. Ни шкуры, ничего не надо. Вот лапу дайте – я возьму лапу от медведя, что медведя добыли». Всё, взял лапу, отрубил, в рюкзак засунул, а они заставили меня шкуру тащить. А она вонючая такая!

Было это где-то одиннадцатого мая. Колю дрова около дома, прибегают Ванька: «Иваныч, дай карабин!». – «Тебе куда?». – «Да мишку забить надо». – «Чё, у тебя ружья нету?» (знаю, что отец охотник, сам охотится). – «Да нет его!». Говорю: «Привяжи к столбу его, обухом топора ударь, да и всё, потом отрежь голову». – «Нет, он в берлоге». Грю: «Медведь что ли?», а он: «Да, медведь». – «А где?». – «На той стороне».

А они на... ну, после праздников пошли... Перешли на ту сторону Ангары, засадили две бутылки водки, уснули, телогрейки сожгли у костра, потом попали, первый, значит, на визиру спускается, и собаки залаяли на берлогу. Ну, у них ружья слабенькие на самом деле были, двадцать восьмой калибр – белка обрезанная. Стрелять они в берлоге не стали, разворачиваются и обратно домой. Вот, прибегают. Говорю: «Меня возьмёте с собой?». – «Пошли!».

Бросил колоть дрова, пошли с ними. Вот они меня водили-водили, водили-водили, увели, леший знает куда вверх, в Левонячем ручью берлога, вон уже Медвежка – скала, мы уже куда ушли! Всё, пошли обратно, потерялись. Потом обратно идём по визире, чё-то, о, бляха-муха, кровь по насту на снегу: «Так вы, наверное, по этой визире ходили?». Собаки ноги ободрали – идут, кровят. Говорят: «Да».

Ну, разворачиваемся обратно, вниз скатились, и... Коля с нами пошёл, Васька, Ванька и я – четверо. Спускаемся вниз, и Колька ломает лыжу – идти

неловко. О, блин, чё делать... Давай, прострелил, с мелкашки дырок наделал, проволокой привязал сверху, с другой стороны также: «Иди».

Подходим, такая здоровая осина и она подкопалась туда. Матка[·] с тремя медвежатами была. Ну, я прикинул, где деревина[·] потолще, за деревину, говорю: «Ванька, ты вот тут стой, я за ту деревину, которая потолще, ты вот оттуда вставай, с трёх сторон, чтобы друг друга не стрелить. А ты, Васька, руби затычки – заткнуть берлогу, цело[·]». Ну, он тащит пень с сучками. Пень бросил: какая красота – воткнул! А она его сразу оп-па! И законопатила себе выход-то обратно. Они только на себя тащат медведи, от себя не отталкивают. Заткнули, ну, чё: «Васька, руби шатину[·]!». Ну, отец рассказывал, как медведя этой шатиной... – длинная палка, там... пихаешь-пихаешь, он ловится, и потом тащишь на себя и... а он где-то...и по шатине стреляешь. Первый раз стрелил – шатина сломалась, перебил шатину. Вторую шатину стреляю-стреляю, наверное, раз девять стрельнул, никак медведь, уже всё... А потом: «Ну-ка, ребята, подождите».

Встал, оказывается, лаз вот так, а сама берлога в стороне. Она поймает и в сторону туда тащит. Ах, ты, зараза... Надо небо рубить над берлогой. Разрубили сначала маленькую дырочку, смотрим. Потом больше, больше, больше – а, вот сидит. Нос перебитый у неё. С карабина «Бух!» – легла... Там висит такое напряжение... вроде и страха нету, идёшь к берлогу, холод откуда-то отсюда, от задницы по спине встаёт тут, вот в этом месте, такой холод. А

[·] Матка – самка.

[·] Деревина – дерево.

[·] Цело – вход в берлогу.

[·] Шатина – длинная палка.

всё равно охота! Вот экстрим, блин. Это вот...убили. Васька тут рядом, упала: «Васька, стреляй!»

У меня силы нет. Ну, в основном у цела я там разрубал небо*, то же самое: «Стреляй, – говорю, – вон она лежит». С карабина ещё раз, раз-раз. Три раза стрельнул, ну, всё, лежит. А Коля стоит: «А может быть там и второй медведь! Пестун* там, или самец». Палкой покрутили, ну... выскочил медвежонок: стало быть медведя большого нету. Теперь, убрали... Когда я лыжи снимал, медвежонок маленький сунулся из берлоги, и Васька с ружья стрелил, как раз попал меж лопаток и убил. А пень-то лежал, вот тут за пнём его выбросили мёртвого: «Ну, ребята, лезьте, доставайте!».

Медвежата... кого бояться – там медведя нету. «Я не полезу». – «Я не полезу». – «Я не полезу». Все трое отказались: «Ай, суки! Я полезу. Но вы меня за ноги держите, через дырку я полезу в берлогу, через небо». Я говорю: «Если только крикну, обратно нахрен выдёргивайте меня». Спускаюсь ниже-ниже, ниже-ниже, ниже-ниже, думаю, дай-ка, как они службу несут. Заревел, крикнул – они меня, как хватили за ноги! И вот представь: у берлоги наст, снег утопанный, ну, лёд такой торчит везде. Рожа тащится по этому по льду, и локти поэтому едут, а ноги криво. Кровища на лице. Ай... нахрен. Залез, подымаю: у одного медвежонка нога прострелена – бросил, собаки задавили. Полезли третьего вытащить. Потом медведицу вытащили, освежевали её, мясо пока не взяли – пошли домой, но ночевать не стали в этой... в лесу. Пошли домой, притащились к Рожкову. А отец их, Михаил Николаевич, пришёл пьяный в дрободан, а мы медвежонка притащили. Посадили медвежонка в рюкзак, и он вот как маленький ребёнок: «Уааа, уааа, уааа, уааа». Постоянно, минут, наверное, тридцать «уа-уа-уа». Замолчал. А к берлогу

* Небо – верх берлоги.

* Пестун – годовалый медведь.

пошли, до километра он всё орал, как маленький ребёнок. Пришли, потом замолчал, пришли, а Михаил Николаевич, царствие ему небесное, матом: «Ааа...взрослые стали! Стариков с собой не берёте! Боимся, что испортим! Бойтесь, что испорчу вам! Нет! Я бы лучше вас сделал».

Ну, в общем, нас пыняет-пыняет, что мы его не взяли: «Вы хоть лапу-то от медведя принесли посмотреть?». А Ванька с ним говорит: «Мы не то, что лапу, мы медведя притащили». – «Так покажите, где он!». Рюкзак развязывает – «бах», на... В комнату посередке бросил этого медвежонка, а он лапами... А свет электрический, закрывает глаза вот так вот: «Ууу, ууу». А тот встаёт так: «Миша-Миша! Ах, они, такие-сякие, тебя обидели!». Начинает гладить, а медвежонок, раз! резко на задние лапы, и бежит на задних лапах и ему... А он в кальсонах был китайских «Дружба», и он по этому, по кальсонам лапами «трын-трын-трын» – порвал! Один порвал, с другой стороны вырвал клочки такие, а тот от него задом-задом на диван, ноги вверх: «Иди, гад, отсюда!»

А потом на завтра пошли, вытаскали мясо, шкуру. Ну, вот такая история.

Тоже вот интересный случай... В зимовье пришёл, допоздна, где-то до двух часов ночи добывал соболя, вырубал. Потом приполз, уже третий час ночи, дров нету, у зимовья листвяжные, сырые такие дрова. Я кое-как, топором сломавшее у топора, забьёшь этим, топором, переворачиваешь вот так вот, раскалывал дрова. Наколел дров, затопил печку. До такой степени я учивкался, ну, устал, лёг на этих, на нарах в зимовье, уснул и вырубился. Вырубился и во сне вижу, что меня толкает мать, вот, как наяву. А она уже покойная была: «Мишка, вставай. Ты чё здесь разлёгся, вставай. Нельзя здесь

· Зимовье – охотничья избушка.

спать, вставай, вставай!». – «Ууу, мама, да подожди...». – «Вставай, Мишка». Вот, как будто бы наяву толкает меня. Глаза открываю, вот, как будто бакен далеко-далеко в тумане на Ангаре горит. Понять ничё не могу: где я оказался, где я нахожусь? А фонарик всегда, ложишься, и с собой всегда фонарик ложишь. Фонарик беру... Так это батарея, бакенская батарея, мы завезли её и лампочка горит. Чё-то глаза бросаю влево: печка топится внутри зимовья и дым до пола. И тут я вспомнил одноклассника, который также угорел в зимовье, только в деревне, упёрся и пока был в сознании, бум, плечами дверь из зимовья открыл, свежего воздуха хватил и там вырубился. А там мороз, ночь морозная была, встал на ноги возле зимовья, ходил-ходил, начало меня полоскать – одной зеленью полощет и чуть не остался там в этом зимовье. Ещё бы немного и угорел.

Приходит Бобров к нам – нашёл берлогу, так и так, давайте добывать. С осени сразу вроде как соболиный след есть, по первому снегу, а потом его, как бы растаивает – всё, нету. Здесь, в ноябре уже соболёк начал ходить. Подходит или расходится из этого, из дупла с места. Ну, в общем, я говорю: «Леонид, да пошёл ты нахрен со своим медведем! Ну, добудешь ты его там, почти в Иркутской области, у границы, там где-то вот». Нашёл берлогу, собаки залаяли, говорю: «А оттуда его тащить кто будет? До зимовья – это километров шесть-семь. Потом до зимовья в деревни Костино ещё сколько ехать на лошади, километров тридцать. И зачем этот тебе медведь нужен?»

Ну, так, если логически рассудить, что никакой выгоды нету. Он говорит: «Так как! Если мы медведя не добудем, нас охотниками считать не будут, авторитет потеряем». Я говорю: «Ну, хрен с вами».

А я в этот день пошёл от Терентьеча, добыл, стрелял соболя, и он подранком у меня убежал. Это метров четырёста отбежал в лес, потом я срубил эти деревья, где стрелял, ну, завис на кедре. Кедр свалил, пихтушку, там ещё одна ель стояла. Разобрал всё по сучкам, весь лес перелопатил – соболя

не могу найти. А потом шире круг набросил, он бежит с кровью, кобеля накинул на след. Убежал. Слышу – лает. Собрал свои монатки. Прихожу, где стоит листвяга вот так вот, она... Я вам не скажу на сколько сантиметров она, насколько она огромная, там три мужика вот так вот не обхватишь эту листвягу. Ну, туда след привёл, собаки лают, надо как-то добывать соболя. Мне с этим топором делать нечего – мне не срубить её. Подумал-подумал, если я залезу туда, повыше, палкой ударил, она пустая. Если туда залезу, дырку маленькую сделаю, бересту брошу загоревшую, он один хрен выскочит наверх, дыма испугается. Придумал как: беру ремень широкий, милицейский, привязал за спину, привязал верёвку капроновую сюда, сзади привязал за ремень, деревину обнял и как на поясе, значит, полез наверх. Лез-лез, пока она вот такая вот была и кора толстая упиралась, и лез нормально, а потом, когда цилиндр начался, она вжжж, скользкая такая. Ноги прокатились, и я полетел вниз. Как... верёвка капроновая врезалась в кору, я, главное, вниз упасть не могу и вверх подняться не могу. И вот тут у меня холод от задницы сразу пришёл и первая мысль: вот тут я и выбогаю. Да ну, нахрен, оторву... Давай дёргать – не могу сорваться. Подмышкой поджало, грудью к деревине прижало, собаки сидят под деревом и на меня смотрят. Сучка молодая: «Иу, иу, – повизгивает».

А я вишу там, бляха медна, второй раз мысль пришла: «Здесь я окочурюсь». И главное ножики все там, складень там, всё там. Кого делать? Дёргался-дёргался, ни вверх, ни вниз. Чирки¹ эти катаются по коре. Потом давай по карманам шарить – спички лежат в кармане, в целлофане завернуты. Ну, на всякий случай спички всегда в кармане держишь в целлофановом пакете. Достал спичку, чиркаю, давай поджигать эту верёвку, эту капроновую верёвку. Верёвка загорелась, порвалась, я как покатился! Схватил топор, давай рубить, в общем зыкал-зыкал, зыкал-зыкал эту деревину Я считаю, что две тре-

¹ Чирки – обувь, сшитая из кожи.

ти этой листвяжины я срубил. Ну, сколько срубил, где-то вот так вот. Один раз вырвало меня от усталости, второй раз вырвало, третий раз вырвало, а потом сел на колоду... Я чё делаю? Если он с кровью пошёл, он подохнет, нахрен, всё равно, далеко не уйдёт, я завтра приду да и вырублю его. Собрал монатки, оделся и пошёл в зимовьё. Ночью приползаю в этот, в зимовьё, в четвёртом часу утра, ну, ночи. Иван Терентьич говорит: «Яя.. бага ма... энэнэнананатэтэтэтэ, ты ходишь ночами, тебе дня не хватает».

Бобров сидит и говорит, что медведя в берлоге нашёл. Ну, в общем распределились так, что мы с Иваном Терентьевичем пойдем вырубим этого соболя, а ты, Бобров, иди к себе в зимовьё, готовь нам еду, собакам на всех готовь, и мы придём и потом сходим, этого медведя добудем тебе, стало быть, втроём. Так и решили. Ну, в общем, только из зимовья вышли, речку перешли, собаки запели: соболю. Чуть дальше отошли – второй соболю. Мы уже два соболя добыли, третий лежит... Мы в тот день убили четыре соболя из-под собак. Подошли к этому, к первой деревеньке, к Ядре (неразб.), Иван Терентьевич головой качает: «Миша, у тебя ум есть, нет? Ты такую деревину, такую работу проделал». Я говорю: «Иван Терентьевич, это ерунда. А вон там, ты посмотришь, какая работа ещё предстоит». Подходим к этой листвяге: «О... Я-то считал тебя умным мужиком. У тебя ума, однако, – говорит, – нету. Такая дикость – рубить... да нах он кому нужен».

А он топор, ну, ездил тут в Костино, он же насадил новое топорщице, длинно сделал, подлиннее, шоб легче рубить, и топор выточил, как бы так сделал... И вот мы с ним почти два часа одну треть вот эту вот деревину дорубали. Она упала, развалилась на три части, она вот снизу где-то, где я рубил, там она гнилая, но твёрдая, замерзшая вся. А сверху как бочка. Вот такой вот толщины. Там дерева-то нету, просто болонь одна. Ну, я в вершине не стал искать, пошёл сюда, к середине. Соболя нету, ну, наверное, убежал. А Иван Терентьевич сидит, курит на этой, на деревине: «Так ты, если соболя ищешь мёртвым, так ты ищи его ближе к комелю». Давай, разворотил эту бочку вагами пополам, вытаскиваю комок, второй, третий, четвертый. Я их

выбрасываю, говорю: «Ой! Чё-то мягкое». Вот он, собо́ль. «Ай, Иван Терентьевич, собо́ль! – я его пихнул на колодец». Он упал, ноги кверху: «Ай, боготать, что ты толкаешься!». – «Собо́ль! Вот!».

А потом пошли от этой деревиньки, четвертого собо́ля убили. Пока рубились, долго идти, и мы не попали к Боброву в этот день, пошли к себе в зимовьё. Приплелись, поспали, переночевали. Потом на завтра пошли уже с утра к Боброву. Приходим, он наварил всё, напарил в зимовье, посидели, чай попили, но пошли, пошли... А я обычно ходил на лыжах, на этой... камусные лыжи¹ у меня были – идёшь по болоту, по снегу, по тайге, по завалам, я их и не снимаю. Перешёл эту колоду большую, где уже большие завалы, идёшь с одной на другую, ловко получалось. Тогда физически... спортом же занимался ещё смолodu. Сила была, и реакция была, голова соображала тогда. А тут лыжи подмышкой и наволо́к идти надо. Тропа... Как я, бух! Провалился ногой в это в болото полностью, до паха, замочил штаны: «О, бл..дский понедельник – невезучий день». Иван Терентьевич: «Понедельник? Нехер делать в лесу, тем более на медведя. В понедельник на него никто не ходит, пошли обратно».

Пошли в зимовьё, постирал штаны. А такая тина была, болоть. Штаны выстирал их, повесил, высушил, портянки высушил, чирки. Поели, отдохнули день, ночь. Хорошо так отдохнули. На завтра утром пошли – идём, собак на цепи держим... старых. А молодые шенки убежали впереди нас. Слышу – лают они там, громотят. А от речки такой подъём длинный-длинный, они там далёко. Хороший такой день, солнечный. Я грю: «Мы какого хрена идём, пу-таемся с этими собаками на поводке, на цепях? Давайте, отпускаем. Быстрее дойдём». И правда, отпустили собак – бегом побежали. Собаки громотят в берлогах, фыркают там на них, отскакивают. Здесь медведь. Ну, кого делать.

¹ Камусные лыжи – охотничьи лыжи, на которые набит камус (шкура с голени лося, оленя).

Иван Терентьевич – этот был кадровым охотником. Наверное, было у него... добывал медведя в берлоге. А я-то второго медведя только в берлоге добываю. Я ему говорю, а, нет, он говорит: «Давай мне карабин, я встану к целу, к дырке, а ты иди руби затычки – командует». Даёт мне топор такой хороший. Я говорю: «Давай я встану туда». Он: «Нет, – показывает, – иди ты руби затычки».

Ну, я пошёл. Деревина стоит. Вот тоже, в начале холод от задницы в спину и в затылок. Стою, значит, посмотрел, прикинул, деревья какие-то такие и вот такие, сосёнки стоят. Одна, вторая, третья – хватит. Иван Терентьевич отошёл от меня метра три, встал и стоит. Я ему говорю: «Иди к дырке, иди туда». А он: «Нет, иди руби затычки». А я ещё перед тем, как идти к Боброву-то от нас, я ему наказал, грю: «Ты патроны перезаряди все... пулевые». Он с белкой ходил. Ну, а я-то с карабином, чё мне перезаряжать. Ну, в общем, Терентьевич берёт карабин, стоит: «Иди!». – «Нет, иди, руби».

Я плюнул на всё, пистолет вытаскиваю набок сюда, патроны замаял в патронник, повесил вот сюда кобуру, расстегнул, на ремешке, всё. Подбегаю, одну деревину срубил, вторую по-быстрому срубил, третью срубил, на три части их каждую разрубил, беру две такие палки, тащусь. Иван Терентьевич сзади идёт за мной с карабином. Тут я понял, что он в берлоге не был, не добывал медведя. А тут страха уже нету – просто холод в затылке стоит, потом и он проходит, подошёл... просто, как работу делаешь. Беру затычку одну, бросил, падла, поймал и поставил её прямо. Поймал за конец, выправил поперёк, приткнул, быстро за второй. Втору приткнул, побежал, ещё две, ещё – затычки заткнул, полностью эту, лаз, цело называется правильно: туда, куда залазит в берлогу, цело – дырка, цело называется. Это всё в разных направлениях: ну, он ползет, а там же распирает это всё его, и он не может выскочить. А если прямо положишь, первую палку, если прямо положишь, он вдоль неё может вылезти, а так поперёк она где-то не даёт ему выйти, сперат. Ну и заткнули. А рядом с целом эта, колода лежит. Иван Терентьевич сел на

эту, на колоду, закуривает: «Ну, куды он нахрен денется, – покуривает папиросу».

А Бобров Иванович, Леонид Иванович сидит и пылится в эту в д... цело. Говорит: «Ребята, ребята, глаз вижу, глаз вижу!». А Терентьевич попыхивает папиросу и говорит: «Ну, видишь, так стреляй». Бобров берёт своё ружьё, прицелятся, клюк, осечка! Круг заводит – клюк, осечка! А основные собаки, которые медведя берлог нашли, Барин этого, Боброва, Терентьича Дружок, а нет, не Дружок, этот белый кобель у него. Ещё один там кобель у него, ну, крепкие, хорошие, зверовые собаки были. А они, главное, у берлоги закусилась пасть в пасть, под гору укатились, и вся эта свора там дерётся под горой, а эти два щенка остались и тявкают на эту, на дырку-то. Он выска... это самое... «Ав!» – медведь рыкнет на них, они отоскочут. Выходи, пожалуйста, медведь, убегай. И Терентьевич с карабином стоит хрен знат где... в берлоге. В общем, заткнули. Там Бобров: «Вижу-вижу».

Клюк – осечка, клюк – осечка. Он патрон вытаскивает с ружья и переключает туда, где собаки дерутся. Закладывает второй, говорит: «Не вижу щас». Иваныч на меня: «Где фонарик?». А я всегда с собой фонарик вожу... ношу, на три батарейки: «В рюкзаке лежит». – «Давай, присвети». Ну, я присветил, а там глаза горят: «Видишь?». – «Вижу». – «Стреляй!».

Клюк – осечка! Опять поднял курок, клюк – осечка! Патрон опять под гору, закладывает третий, клюк – осечка, клюк – осечка, опять под гору. И тут у меня прорвало, как понос, только вверх: «Ах, ты, собака такая, – грю, – ты на кряка собрался или на медведя?». Я грю: «Ты патроны перезарядил?». – «Нет, не перезарядил. Так мне их Васька Колпаков дал». А они у Васьки лежали лет двадцать. «Он тебе их отдал и ты уже третий год таскаешь. Там хрен знаешь какие патроны». А Терентьевич говорит: «Давай карабин». Беру карабин, Боброву фонарь, говорю: «Свети!».

Светит, прилаживает, шлёп! Заревел, деревья закачались сверху. Терентьич говорит: «Ну, однако попал». Он сидит, курит одну за одной папиросу: «Однако попал».

Смотрю, затычку выбросили одну, другую, лучше стало видно, дым рассеялся, по башке шлёп! «Ааа!» – как заревел. «Аааааа» – возглас, деревья аж закачались, нафиг, над берлогой пар пошёл. Иван Тереньевич покуривает сигарету: «Ну, пар пошёл, значит, п..зда ему пришла». Он даже с колоды не встал.

Извиняйте, что я матерюсь, но это как было рассказываю. Вытаскали эти, затычки все, присветили, вроде, он лежит, лежит, нормально всё, грю: «А как вытаскивать его будем оттуда, из берлоги? Ремни снимать, что ли с ружей?». А Бобров стоит так виновато, развязывает рюкзак, человек виноватый, когда отруганный. Стоит такой, ну, взрослый мужик: «А я верёвку с собой взял». Я грю: «Так, а ты чё её взял?». – «Так медведя из берлоги вытаскивать». Ну, и тут прорвало, я грю: «Ты, бл..дь, верёвку-то не забыл, а патроны зарядить кто...»

Ну, чё, ободрали медведя, мясо вытаскали на базу в зимовьё, километров семь, вывезли его в Костино на санях на лошади. Привезли его, разделали, мне получился мешок мяса. Я притаскиваю, на хуторе ещё жили, Люся: «Это чё такое?». – «Мясо». – «Какое?». – «Медвежатина». Она какхватила, так силы нету, какхватила этот мешок, выбросила нахрен его с веранды в ограду: «Чтоб я его не видела больше».

Звоню начальнику райотдела, говорю так и так, пришёл с тайги, добыл медведя. Тогда не было строгости, чтоб медведя добывать, лицензии не надо было, говорю: «Так вот баба выгоняет, заступитесь». – «А чё такое?».

Ну, я прикалываюсь, говорю, так и так, добыл медведя мешок, а она его выбросила, вместе с мясом, он говорит: «Вези, мы съедим». Я говорю: «Я на самолёте отправлю, вы встретите». Отправил мешок самолётом, а они с него такие шашлыки, такие, как сказать, гулянки вокруг этого мяса устроили. Там общежитие было, и возле общежития притащили мангал на как... что с мясом делают... промаринуют его хорошо, мангал и под это дело всё съели. Вот так вот третий мой медведь ушёл.

С братом пошли, Володя. Ну, самый меньший у нас, Володя, царство небесное. Покойник тоже, 45 лет скончался. В авиации военной служил. В Курагино похоронили его. С Семипалатинска привезли.

Пошли: «Мне надо соболя жене на шапку добыть». «Ну, пошли».

Приехали на снегоходе «Буран» в тайгу. Кобель залаял. След соболий вот он до деревины. Ель здоровая такая, огромная. Медведь спрячется, не увидишь. Ходили, стучали-стучали – бесполезно. Стреляли – бесполезно. Кобель не отходит, лает. Он где-то там сидит. Я беру палку здоровую и хожу по этой, по стволу-то бью. А он в стороне стоял, вверх стрелял. Я говорю: «Ты пока не стреляй». Крикнул ещё ему. Ну, и дерево обхожу с палкой. Тоже выстрел и пулька это, от костюма вальщика леса, суконь такая куртка, пулька сюда вышла и отсюда вышла. Зашла и вышла. А он, что делает: подошёл к деревине... А, нет, я отошёл за другой палкой. Эта палка у меня сломалась в руках. Я отошёл за другой палкой. С палкой только высунулся, в это время выстрел. А он подошёл к этой ели и прикладом бьёт ствол. Затвор сыграл. Выстрелило, и пуля полетела. Вот хорошо, что она прострелила мне куртку. А так бы он из тайги, таёжная речка, там такие увалы, завалы большие. Там не вытащишь, ничё бы он со мной не сделал. Я посмотрел. Чё-то мне жарко стало, потом холодно стало. Он стоит, рот открыл, тозовку в руках держит. Подхожу, забираю у него тозовку из рук. Я ему – хлоп! Он упал. Да простит меня Володя... «Ты за что меня?». «А ты меня за что? Ты головой думаешь? Бьёшь стволом о деревину».

Сколько таких случаев было, что с тозовки убивали друг друга.

Утром встаю в пять часов. Ещё солнце начинает светать в марте месяце. Собаки лают. Спрашиваю: «Васька, на кого собаки лают?». «А-а-а этот...». Поддал. Я привёз водки с собой: «На сохатого, на кого!». «Так ты чё лежишь?». «Да ну это, да там...».

В общем четыре семьи живут и друг друга сдают. Приходит дядя Вася, Комисаров Василий... (неразб.) Василий Алексеевич: «Михаил Иванович, ты поможешь мне сено вывезти из-за речки?». – «Какой вопрос».

В общем, мы съездили за речку, два воза привезли сена. А собаки уже из ельника от деревни переместились влево. Ну, мы побросали сено его, я надеваю лыжи и туда. Прихожу – собаки на сохатого лают. Матка. Ходил, ходил, ходил, смотрел, смотрел... Не посмел стрелять, а с собой только, этот, пистолетик.

Вернулся обратно. Собаки лают. Обратно уже пришли, не верх туда по Кове пошли, а как вниз, ближе к деревне. Ну, как утерпеть, когда собаки на сохатого лают?! Ну, вот скажи мне, как это утерпеть можно человеку?

Надеваю теплушку Васькину, там какой-то складень был у него в кармане. Беру... пистолет на боку. Надел лыжи. Точно, вон собаки ходят, на сохатого лают. А в марте месяце зимний взъём. Зимний взъём – это когда снег держит человека на лыжах, не проваливаешься до самого дна. Потом он исчезает, и ждёшь большой оттепели. Когда оттепель уже снег разогреет, тогда уже наст делается. А зимний взъём – этот тот же наст, только с рыхлого снега. Ещё зимой снег навалило, и он держит человека. Вот это называется зимний взъём.

Вот собаки эти, Васькины, ближе, ближе. Я ближе, они ближе, потом это, сохатый бросается на собаку, и топтать её. Под себя и начинает там топтать. Кобель заорал. Я думаю, затопчет кобеля, убьёт. Я жопу в горсть, на лыжах побежал. Выбежал на опушку леса, раньше поля были открытые. На этой открытой поляне, значит, растёт берёза, примерно вот такая, вверх. И вторая берёза растёт как бы в сторону от этой берёзы. Две берёзки стоят. Я выбежал: «Ты, что скотина...». Матом, конечно: «Что ты делаешь, кобеля кончила».

Она голову подняла, кобель из-под неё вылез, обежал стороной и опять ав-ав на неё. Вытаскиваю пистолет, в воздух... Убежишь же зараза. Бух! Она голову вскинула, посмотрела, стоит. Я второй раз – бух! Она стоит.

Ах, ты зараза. Я выхожу из этой, из-за берёзки, держусь одной рукой: «Скотина долбанная, ты что! Давай быстрее нахрен». Ну, и короткий что ли. Она набычилась, голову вниз сделала. Кругами отаптывается и всё ближе и ближе, ближе и ближе ко мне подвигается. Ну, мне тоже тут неприятно стало, что с пистолетом такую дичь завалить. Не верил в него.

Она ближе-ближе, ближе-ближе. Я опять в воздух – бух! Она опять голову подняла и на махи в мою сторону пошла. Похеру ей снег глубокий. А я как в лесу ходил, замечал всего, что зверь, лось всегда идёт вдоль прямого дерева. Никогда не пойдёт, редко, когда пойдёт под наклоненное дерево. Как-то в мозгах это отложилось. Я бах-то из этого, за прямую деревину. Она мимо меня, плечом бьёт мне в плечо. У меня только лыжи сбрыкали.

Я лежу в снегу. Пистолетик мой из рук выпал. Голову поворачиваю, у, блин, она пробежала меня буквально метра 3–4. Разворачивается такая. Глаза кровью налиты. Ну, сколько уже... Собаки гоняют с вечера. И последнее, что увидел – копыто подняла, летящее на меня копыто. А я машинально шарю, где этот пистолет у меня. Он был на шнурке. Вытащил и лёжа дух-дух-дух ей в область шеи. Три раза стрельнул. И она вот с этим самым копытом на меня, с рёвом. И бьёт по задней, задник у лыжи. У меня нога чё-то выскочила, и в голове отключилось. Ну, всё, приехал. Отохотился нахрен.

Прихожу в себя. Слышу – собаки теребят её, ворчат. Они в первую очередь у лося выдирают этот, заднее место, задний проход. Самое вкусное для них кажется жир. Слышу – ворчат там.

Я потянул ногу, вроде нормально. Вторую потянул, вроде нормально. Посмотрел на лыжу – расколот задник лыжи. Встал, огляделся. Всё нормально. Лыжа целая, можно ходить. За ухо стрельнул, чтоб для пущей важности.

Тексты были записаны О.В. Вязовикиной, Е.С. Смирновым в 2019 г. в г. Козинске
Кежемского района от Зарубина Михаила Ивановича, род. в 1947 г.
в д. Черново Нижнеилимского района Иркутской области

Фото 2. Попов Виталий Павлович, Вязовикина О._г. Козинск 2019 г.

С медведем был у меня случай. Это где-то пятьдесят восьмой год, по моему... Да, пятьдесят седьмой или пятьдесят восьмой год. Тоже слопцы у нас были. Ходил проверял слопцы. Бойка собачка была. Отец доверял маленькую собачку мне, вот. Ну, слопцы просмотрел. Слепец... его почему-то, не знаю, можно выразиться или нет – отец его называл целошником, целошником звали. А целошником звали почему? Вот его как насторожили, обходили, ухаживал за нём – он ни разу ничё не добыл. Ну, и обошёл, потом думаю: «Ну, пойду к целошнику схожу уже». Вдруг, чё-то есть.

Иду, раз, Бочка залаяла у меня. Подошёл – горностайчик сидит. Ну, я его щёлкнул. Он упал. Ну, и подранил его, не совсем убил, подранил его. Она на него кинулась. Кинулась там чё-то там его, он её за ухо поймал. Она завизжала, запищала там. Ну, я подбежал, ногой прижал его там. Она отскочила.

Ну, и дальше иду. Потом опять она запищала. Думаю: «Ну, живьём начинает уже ловить этих горностайчиков». Запищала, мимо меня и удрала.

· Слопец – охотничья ловушка на глухаря.

· Насторожить – подготовить охотничью ловушку.

Ну, и я, значит, раз глянул, а там уже Миша на задних лапах, медведь. Ну и чё? Шапочка у меня сразу не чувствительная стала, приподнялась.

А жил в Истоке дядя Степан. У него были собаки. Загреб был, кобель такой у него, медвежатник. Здоровый кобель такой был, пёстрый, вот. Ну, и он видимо за сучкой за моей как-то ухлестнулся. Ну, и в какое-то мгновение, значит, а я онемел. Просто я уже, ну, напугался, как бы меня выключило. Ну, и тут, откуда не возьмись этот Загреб. И он на этого медведя. Ну, я чё... Ноги в руки и бежать к зимовью, к этому, к дедушке Степану.

Один раз залетали туда на Север. Всё, оне на центральном разгрузились, а мне надо было идти на Западный. Я на Западный потом пошёл, там надо было печку поставить и эту, крышу перекрыть линолеумом. Ну, договорились-то они, я, значит... Они улетят, потом, значит, заберут эту печку, линолеум и разгрузят там, а я уже пойду и поставлю там.

Ну, они, значит, прилетели. Михалыч говорит: «Ну, всё Палыч, там печку выгрузили, линолеум выгрузили». Ну, и там так вот чё-то, гвозди, всё это. Всё такое. Ну, ладно.

Я, значит, пошёл – это шешнадцать километров на Западный идти надо. Ну, прихожу... Вот там тоже, вот тогда мне Верный хорошую услугу тоже сделал. Значит, они надвисли на вертолёте и на это болото, значит, печку эту поставили, линолеум это всё. Сбросили всё. Ну, говорят: «Ну, всё там разгрузили». Ну, и, это самое, я прихожу, значит, смотрю там – ага, там всё это лежит. Рюкзак бросил, всё, пошёл туда. Ну, не доходя метров, может, пять до этих, до печки, до этой всё – бах! и обваливаюся. Прямо под лёд это. Ну, и чё я тут? Забултыхался, забултыхался. А чё я – вылезать, а она обваливается, вылезать – обваливается. Это метров пятнадцать мне надо было, чтоб вылезти из этой. Ну, и вот Верный этот. Тоже он увидел такой. Бежит ко мне и вот ползком ко мне ползёт. Ну, типа того, что, это самое... Вот так бы было

чѐ подать, там верёвочка или чѐ ли, дал бы ему. Он бы помогал мне, вытаскивал бы.

Ну, и вот и всё, и... А дело к вечеру. Обморозился, лёд на... Вот накупался тут и дѐру шешнадцать километров опять бежать. Ну, бежал. У меня всё это замѐрзло. Вот эти места, где сгибалось. Рубаху снял, так вот перевязывал эти, где... чтоб ветром не надувало.

Ничѐ обошлось. Пришѐл, думал, заболею. Пришѐл в зимовьѐ. Аптечку, а не знаю чѐ пить, какое лекарство пить мне, не знаю. Ну, смотрел, смотрел, каких-то набрал этих, таблеток. Там наложил, думаю, всё равно какая-то подействует, если чѐ. Взял это всё, валерьянкой залил и съел.

Ну, утром встал, как огурчик, всё обошлось. Не отравился и видимо всё нормально, обошлось.

Тексты были записаны О.В. Вязовикиной, Е.С. Смирновым в 2019 г.
в г. Козинске Кежемского района от Попова Виталия Павловича, род. в 1939 г.
в с. Кежда Кежемского района

IV. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асадова Самая Худояр-кызы, студент 4 курса отделения лингвистики и межкультурной коммуникации ИФиЯК СФУ, samaya.asadova@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко).

Безносюк Анна Романовна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК, sk893-94@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Г.А. Копнина).

Боос Людмила Валентиновна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, milaboos@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Т.М. Григорьева).

Буланова Анастасия Юрьевна, студент 3 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, bushui396@mail.ru (научный руководитель – старший преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК СФУ М.А. Каданцева).

Влодарчик Екатерина Андреевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, katyavlod@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кругликова).

Волчок Константин Викторович, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, kost1009@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Вязовикина Ольга Вячеславовна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного ИФиЯК СФУ, аспирант 1 курса кафедры русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ, semenedz@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Дмитриева Юлия Николаевна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, djuna98@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.И. Шевчугова).

Егорова София Александровна, студент 4 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, yegorova.sonyu@gmail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.М. Штейнгарт).

Забродина Анастасия Николаевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, ana.zabrodina17@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кругликова).

Зайцев Константин Игоревич, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, rierdan86@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова).

Злобина Юлия Юрьевна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, zlobinayulia30@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент В.К. Васильев).

Ищенко Михаил Сергеевич, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, wess.bb@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.И. Шевчугова).

Киселёва Арина Михайловна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, arinakiselyova@live.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова).

Кожина Ольга Викторовна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, olga_volhv@rambler.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Г.А. Копнина).

Корчуганова Полина Николаевна, студент 3 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, pollin-k@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой восточных языков ИФиЯК СФУ Е.В. Чистова).

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор Института филологии и языковой коммуникации СФУ, info_ifiyak@sfu-kras.ru

Куликова Екатерина Валерьевна, магистрант 1 курса филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, kotya_kulikova1995@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.Ю. Горбенко).

Курамшина Анастасия Романовна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, kuramshina.an@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.М. Штейнгарт).

Лапах Ольга Владимировна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, olgirina@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. К.В. Анисимов).

Лемберг Елена Александровна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, Twitta@mail.ru, (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Савяк София Олеговна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, soneshka98@yandex.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор К.В. Анисимов).

Сазыкина Дарья Андреевна, студент 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, sazykina.dar@yandex.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Сачек Екатерина Денисовна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, esachek@inbox.ru научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.Г. Нагибина).

Семченко Людмила Витальевна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, lyudmila140395@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.С. Нипа).

Смирнов Евгений Сергеевич, старший преподаватель кафедры русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ, аспирант 2 курса кафедры русского языка и речевой коммуникации, ses9215@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Срмикян Самвел Сименович, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, samchik.17@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Тарасенко Анастасия Викторовна, магистрант 2 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, anastasium@yahoo.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко).

Титенок Иван Валерьевич, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, ititenok81@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. К.В. Анисимов).

Тюнина Ксения Витальевна, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, tunina154@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова).

Федотова Анастасия Александровна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, Fedotova4Nastya@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент В.К. Васильев).

Филиппова Евгения Владимировна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, euylfix@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.С. Нипа).

Фролов Алексей Алексеевич, студент 4 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, faofid@gmail.com (научный руководитель – старший преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК СФУ А.В. Козачина).

Ципотан Дарья Сергеевна, студент 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, dasha.tsipotan@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде).

Черкасова Екатерина Васильевна, магистрант 2 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, rainbow.ru@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.Г. Нагибина).

Шатохина Софья Александровна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного ИФиЯК СФУ, halafu@list.ru.

Шохина Ангелина Юрьевна, студент 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, shohina_angelina@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент В.К. Васильев).

Щербакова Дарья Александровна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, darya.sherbakova.98@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.С. Нипа).